

Раздел 4

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЧАСТНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ

Каменное строительство

Типология и характер строительных работ

Основные направления развития частного строительства из камня, масштабы строительных работ, осуществлявшихся в первой четверти XVIII в. в Москве и провинции, состояли в прямой зависимости, с одной стороны, от потребностей и эстетических представлений заказчиков, размеров вкладываемых в тот или иной строительный проект денежных средств, с другой — отражали внутреннюю политику Петра I, нашедшую свое воплощение и в архитектурно-градостроительном законодательстве, которое оказывало большое, а в отдельные годы определяющее воздействие на состояние строительного дела.

Главным в указах последнего двадцатилетия XVII в. и начала XVIII в., регламентировавших решение вопросов застройки Москвы, был постоянный поиск средств защиты города от пожаров. О злободневности этой проблемы говорит существовавшее тогда понятие «пожарное время». «Великий» пожар 1699 г. истребил значительную часть Кремля, Китай-города и Белого города, «опустошение от пожаров» произошло в Москве также в 1701, 1709, 1712 гг. [1].

Борясь с пожарной опасностью, государство предпринимало, прежде всего, меры, направленные на снижение возможности возгорания всякого рода сооружений, требуя крыть палатное строение тесом, «а сверх тесу усыпать землю», дранью на подставках или черепицей, строить мазанки из глины «по образцам, каковы сделаны в селе Покровском», обкладывать деревянные хоромы кирпичом, «дабы ни малого дерева знаку не было». Еще в начале 80-х годов XVII в. появляются указы, запрещавшие надстраивать под угрозой сноса «хоромы и чердаки» на палатах, а хоромы предписывали строить в два жилья, но не выше [2].

Одним из главных направлений законодательной политики Петра I в отношении порядка застройки столицы с конца XVII в. являлось по-

следовательное внедрение в центр Москвы кирпича как основного строительного материала, который должен был помочь кардинально решить проблему пожаров. Это касалось, главным образом, частных застройщиков, поскольку административные здания, а также монастыри и городские храмы были к этому времени выстроены по преимуществу из камня. В 1681 г. псгорельцам, у которых дворы «по большим улицам к городской стене к Китаю и к Белому городу», выдавали для строительства каменных палат в долг кирпич по полтора рубля за тысячу с рассрочкой выплаты на 10 лет [3].

С начала XVIII в. указы стали предписывать на погорелых местах в Москве и на загородных дворах строить исключительно из камня, хотя бы «в полтора и в один кирпич», допускались, правда, и мазанки. Эти требования касались не только жилья, но и построек хозяйственного назначения, конюшен, амбаров и т. п. [4].

Указ от 28 января 1704 г. [5] обязывал строить «всяких чинов людям», проживающим на территории Кремля и Китай-города, палаты, подсобные помещения и лавки из камня, использовать дерево категорически запрещалось. В следующем году этот указ был подкреплён новым, неоднократно подтвержденным, который запретил каменностроительные работы в Белом, Земляном и за Земляным городом, «покамест в Китае каменное строение будет построено» [6]. В 1712 г. к привилегированной части Москвы был присоединен Белый город, причем маломощным городским жителям центра предлагалось, как и ранее, в 1704 и последующие годы, «кому каменное строение строить нечем», продавать свои дворы более обеспеченным горожанам [7]. В то же время любой житель Земляного, а до 1712 г. и Белого города мог поменять свой двор или купить земельный участок в Китае, если был в состоянии отстроиться из камня [8]. Однако курс на постепенное полное вытеснение дерева как строительного материала из центра Москвы, прослеживавшийся в законодательных мероприятиях государства начала XVIII в., как оказалось в дальнейшем, был на практике невыполним по причине нехватки требовавшихся для этого стройматериалов, кадров мастеров каменностроительных специальностей, общей направленности государственной политики. Проблема особенно обострилась в связи с завоеванием и освоением южных территорий и образованием новой столицы — Петербурга. Ввиду того, что запланированная интенсивная застройка нового города происходила медленно — необходимое число «каменьщиков и прочих художников того дела» обеспечить даже «за довольную плату» и под страхом лишения их имущества и ссылки было трудно, — 9 октября 1714 г. последовал указ, «о запрещении на несколько лет строить» во всем государстве «всякое каменное строение» [9]. Тем самым Москва была с точки зрения архитектурного законодательства уравнена с провинцией.

Однако указ, несмотря на всю его строгость, не мог надолго прекратить весь поток строительных и ремонтных работ и действовал в полном объеме недолго [10]. В 1718 г. был снят запрет на каменное строительство в Кремле и Китай-городе, в Белом городе разрешено делать деревянное строение на каменном фундаменте, а церкви повсюду крыть черепицей или лещадью [11]. В 1722 г. последовало решение «в городах каменные церкви старые починивать, где нужда будет требовать, и вновь строить позволить» [12]. Полностью запреты и ограничения на каменное строительство были сняты в 1728 г.

Итак, законодательная политика первой четверти XVIII в., безусловно, оказала прямое воздействие на интенсивность, характер и географию частного каменного строительства, однако документы свидетельствуют, что правительство не сумело добиться своими запретительными мерами полного прекращения всякого рода строительной деятельности.

Записи подрядных книг свидетельствуют о том, что в течение первой четверти XVIII в. было заключено значительное число частных сделок. В записные книги попало 530 контрактов, заключенных в Москве и оформленных в московских нотариальных учреждениях, из них 208 — посвящены строительным работам из камня, 176 — производству и поставкам стройматериалов, 125 — деревянному строительству и 21 — ландшафтными работам.

Московское каменное строительство в рассматриваемое время (125 контрактов) представлено гражданскими постройками на дворах частных владельцев (74 контракта) и работами по благоустройству участков улиц и площадей около их домов (17), церковными (21) и монастырскими (11) сооружениями, 2 договора посвящено возведению лавок в Шапочном, Свечном, Игольном и Рубашечном рядах. Возвращаясь еще раз к воздействию архитектурно-строительного права на частное строительство, отметим, что политика Петра I привела к временному затуханию строительных работ из камня — с осени 1714 и вплоть до 1718 г. каменных зданий практически не делали (в 1716 г. было заключено всего 3 подряда на каменностроительные работы, столько же — в 1717 г.). Также небезынтересно констатировать, что 23 церкви из 39 (по материалам подрядных) были заложены или созданы в сельских усадьбах до указа 1714 г., 48 построек жилого и хозяйственного назначения появились на московских дворах частных владельцев в дозапретное время и 10 — в период с 1716 по 1725 гг.

Строительство, ремонт и реконструкция палат и палаток, возведение погребов, ледников, омшаников, создание жилых и хозяйственных комплексов, включавших целый ряд каменных зданий, происходило в 59 городских владениях частных заказчиков (см. перечень 1), расположенных в различных частях Москвы. В Китай-городе были построены палаты на дворе П. Ф. Соковнина у Никольских ворот, А. Кравкова и И. И. Го-

рохова около Знаменского монастыря, ремонтные работы произведены на дворе С. В. Аничкова, а также в Белом городе на дворе А. И. Нащокиной.

На Знаменке в Белом городе в начале XVIII в. строительство с размахом, связанное с сооружением палат и «инога каменного строения», осуществлял П. М. Апраксин, а Стрешневы возводили на своем дворе на той же улице палаты с черепичными кровлями, погреба и поварни.

На Тверской — переделаны в старых палатах Н. И. Бутурлина погреба и палата, а также разобраны каменные палаты князя М. П. Гагарина и заложен фундамент под новое строение.

На Петровке палаты возводил на своем дворе И. М. Чемоданов (длинной 11 сажень, шириной 3,5 и высотой 4 аршина, с погребом 3 на 3 сажени, который был выложен внутри белым камнем); на Никитской — М. Д. Ртищев и Ю. А. Ржевский (новое сооружение делали на месте разобранного старого жилища).

На Чистых (Поганых) прудах каменные палаты строил А. Д. Меншиков, там же обстраивали свои дворы иноземец аптекарь Г. А. Саулс (на старых погребках длиной 8, шириной 8 сажень без аршина, делали четыре палаты) и лекарь А. И. Репкен (Рыбкин) (на погребке размером в 3,5 сажени соорудили каменную палатку, крыли ее кирпичом или лещадью, а покрывали черепицей), который имел еще и второй двор на Покровке и создавал там в начале XVIII в. хозяйственный комплекс, включавший кладовые галаты, погреба, проездные ворота; погреб с палаткой делал на дворе И. К. Пушкин. Новые палаты должны были появиться на дворе Ф. Г. Хрущева в приходе церкви Владимира в Садах. Палаты, размером 8 на 4 сажени, возводил в своем владении у Боровицкого моста лекарь Аптекарского приказа Ф. Тверетин.

В Земляном городе за Пречистенскими воротами были отремонтированы палаты И. И. Головина; построен каменный погреб на месте старого ледника и палата на столбах «позади крестовой полаты» у П. Б. Возницына. Новые палаты появились на дворе И. П. Вельяминова за Никитскими воротами в Бронной слободе.

На своем загородном дворе новые палаты строил П. М. Апраксин, в Немецкой слободе делал новое жилище торговый иноземец И. Чамесов.

Возводившиеся палаты на дворах высокопоставленных и богатых владельцев, помимо огнестойкости, прочности и долговечности, должны были говорить о положении их хозяина в обществе, соответствовать новым веяниям и вкусам эпохи. Камень занял в это время уже довольно прочные позиции в палатном строительстве московской знати, однако жилище нового времени порой повторяло основной принцип деревянных хором — клетки, соединенные сенями. В качестве примера на рассматриваемом материале приведем постройку, представлявшую собой связь из двух палаток по 2,5 сажени каждая, соединенных двухсаженными сенями, которая строилась на дворе Н. И. Репнина.

Тем не менее в начале XVIII в. в палатном строительстве жилые здания стали все чаще решать единым нерасчлененным блоком довольно значительного объема. Примером может служить располагавшаяся за Яузой загородная усадьба Г. Д. Строганова, которая отличалась особой пышностью и красотой. Описание ее попало даже в записки иностранцев. Ф. Б. Берхгольд, путешествуя в свите голштинского герцога Карла Фридриха, в 1720 г. писал о жилище Строганова: «...он живет здесь в большом каменном дворце, стоящем на горе, и оттуда такой чудный вид, какого не имеет ни один дом в Москве» [13]. Строительные работы начались там в 1702 г., когда «у заднего крыльца», очевидно, старых палат, заложили новое здание длиной 10 саженей и шириной 3 сажени 2 аршина в два жилья по внутреннему фасаду, а «с улицы» в три жилья, причем лишь на части здания в пять с половиной саженей; здесь же делали погреб длиной в 5,5 саженей, конюшенный двор с конюшнями, амбаром и палаткой [14].

Особый интерес в рассматриваемом комплексе документов представляют те из них, которые содержат описание общей структуры и внутренней планировки палатного строения. Упомянутые палаты И. Горохова в Китай-городе, размером 9 саженей без аршина в длину, 4,5 сажени в ширину и 9 аршин в высоту, были спланированы следующим образом: жилая палатка (7 на 6 аршин) с сенцами «позади», имевшими сводчатое перекрытие, в которых был нужник, рядом — кладовая палата с накатным потолком (11 на 11 аршин), около нее проезд со сводом. Известно, что такие проезды были сделаны также на дворах князя В. В. Голицына и боярина Волкова. Спальня в новом жилище Горохова с сенями примыкала к старым палатам «в шов». Помещения второго этажа были высотой в 5 аршин, вниз во двор с двух сторон вели кирпичные спуски [15].

Помимо тех заказчиков, местоположение дворов которых было указано в подрядных, значительные строительные работы в своих городских владениях вели: имеретинская царица Екатерина Давыдовна, по чьему заказу сооружали палатки 32 саженей в длину и 4 в ширину, высота помещений была равна пяти аршинам; К. А. Давыдов возводил палаты в два жилья с подклетом, погребом и ледником, в верхнем этаже здания размещалось 5 палат с двумя сенями и проходные сени, входы украшали два рундучных крыльца. Упомянувшиеся уже палаты П. Ф. Соковнина в два жилья имели 12,5 саженей в длину и 7 в ширину, в нижнем ярусе было сделано 9 палат высотой 4 аршина, двое сеней и два крыльца, а в верхнем ярусе, пяти аршин высотой, — 11 палат и двое сеней.

Новые палаты строили, по сравнению со старыми, более просторными и парадными, нередко их пристраивали рядом со стоявшим на дворе жилищем (И. И. Горохов, Г. Д. Строганов, имеретинская царица, дьяк К. С. Борин и др.).

Реконструкция обычно касалась верхних этажей и кровель зданий. Две палаты были надстроены «по старым стенам» на дворе митрополита

Рязанского и Муромского Стефана Яворского, три — у Л. Т. Протопопова; был снят до средних сводов верхний ярус на палатах С. П. Долгорукова и в старом здании на дворе И. Горохова; новые своды «без пазух» делала во всех помещениях палат А. И. Нащокина.

В 20-е годы XVIII в. было заключено несколько контрактов на переделку крыши построенных ранее палат в соответствии с новыми модными веяниями. В частности, А. И. Нащокина заказала все палаты подвести под одну кровлю «по новому манеру... в равенстве, где выше, сломать, а где ниже, подвести камня и меж столбов досками или кирпичами забрать». Князь А. И. Шаховской пожелал сделать на палатах, стоявших на его дворе на Знаменке в Белом городе, «новую крышку с переломом», снабженную слуховыми окошками. Кровли палат И. Горохова описаны следующим образом: «Как быть кровле, шипцы, в них окна, на середине полат с одну сторону сделать шпренгиль с окнами, на шпренгиле ростеска против чертежа по обе стороны» [16].

Довольно характерные для этого времени, судя по подрядным, новые жилые каменные здания сравнительно небольших размеров появились на дворе А. П. Воейкова. Они представляли собой перегороденный «надвое» погреб 4,5 на 3 сажени с аршином с палатой высотой в 4 аршина наверху, также разделенной на две половины. К постройке примыкали по всей длине сени четырех сажений в ширину, в которых был сделан чулан и два нужника. Под сенями имелся погреб, а на сводах — палата. Вероятно, примерно по тому же плану были выстроены две палаты с сенями (5 на 4 сажени) на дворе княгини М. Д. Куракиной; похожее сооружение делал на своем дворе грек Е. Федоров — на двух погребах две палаты общей длиной в 5,5 сажений в два жилья с сенями перед ними (высота в погребах 4 аршина, в палатах — 4,5, в верхнем ярусе с накатным потолком — 4). Рядом со старым жилищем на дворе барона П. П. Шафирова строили палату на подклете размером 3 на 3 сажени с поперечными, двухъярусными на уровне подклета и палат, сенями во всю длину постройки и шириною в сажень (старое и новое здание соединяла потайная лестница с чуланом под ней). Палатки 8 на 3 сажени с аршином высотой 4,5 аршина делал на своем дворе А. И. Нарышкин. Белокаменный погреб был построен на московском дворе П. К. Скурихина [17].

Среди заказных работ выделяется подряд, связанный с сооружением гульбища на 14 сажнях без аршина в длину и в ширину на 5 на загородном дворе Ф. А. Головина за Яузой, который исполнял каменных дел резчик Д. И. Марков.

Строительные и ремонтные работы в рассматриваемое время были произведены в 17 московских церквях, часть из них была подвергнута реконструкции (см. перечень 2). Наиболее значительный по масштабам заказ был связан с сооружением нового храма Петра и Павла у Яузских ворот с колокольней, на месте разобранного обветшавшего здания. Круп-

ные работы происходили в связи с достройкой церкви Петра и Павла за Мясницкими воротами в Капитанской слободе, а также церкви Живоначальной Троицы в Троицкой слободе за Земляным городом, у которой был доделан четверик и на нем выстроен восьмерик. Подверглась существенным перестройкам церковь Ильи Обыденного за Пречистенскими воротами: разобрана и вновь сделана часть четверика, сооружены новые своды; произведен также ремонт церкви Косьмы и Дамиана в Кремле.

Ряд московских храмовых комплексов обрел в начале XVIII в. новые придельные церкви: разобрана и построена заново трапезная церкви Покрова Богородицы на Воронцовом поле с приделом Николая Чудотворца (перестроена еще и колокольня); перестроена трапезная церкви Успения Богородицы в Гончарах с приделом [Тихона Чудотворца] и церкви Спаса Преображения в Наливках с приделом Всех скорбящих радость (разобрана еще и колокольня); на месте разобранного сделан новый придел во имя Николая Чудотворца [церкви Введения Богородицы] в Хлынове и придел того же посвящения церкви Преображения Господня на Тверской. Перестроена алтарная часть придела [Святого Мины мученика] церкви Стефана Архидьякона за Яузой и трапезная [придельной] церкви Дионисия Ареопагита [церкви Успения Богородицы] на Никитской улице.

Подземное основание делали для церкви Николая Чудотворца за Тверскими воротами.

Разобрана церковь на дворе кравчего В. Ф. Салтыкова, колокольня церкви Георгия Мученика в Ендове, а также в 1701 г. церковь Архангела Гавриила на Поганом пруду, а следом, в 1702 г., у нового церковного строения производились каменотесные работы.

Важно отметить, что в рассматриваемом комплексе документов строительство храма нередко велось по инициативе и на средства частных заказчиков. В числе вкладчиков, нанимавших мастеров от своего имени (7 контрактов), — вдова стольника М. Еропкина Василиса, финансировавшая сооружение церкви Петра и Павла у Яузских ворот, вдова стольника А. И. Лызлова Анна Павловна, оплачивавшая возведение придела церкви Введения Богородицы в Хлынове, стольник А. И. Милославский, выделивший средства на придел церкви Спаса Преображения на Тверской.

Деньги на перестройку церкви Ильи Обыденного были даны думным дьяком Г. Ф. Деревниным и А. Б. Возницыным, а также другими прихожанами, на работы в церкви Успения на Покровке — гостем И. М. Сверчковым. А. Д. Меншиков частично финансировал строительство церкви Архангела Гавриила.

Строительные работы в других городских церквях, например, Петра и Павла за Мясницкими воротами, Живоначальной Троицы в Троицкой слободе, Архидьякона Стефана за Яузой, Успения Богородицы в Гончарах, производились на деньги прихода [18], и тогда договор с мастерами

заключал священник и церковный староста, выбранный прихожанами из своей среды и действовавший от их имени.

Разного характера и объема работы были осуществлены в 7 московских монастырях и на подворьях (см. перечень 3): в Кремле шла перепланировка и ремонт келий, а также собора Чуда Архангела Михаила и других построек Чудова монастыря; делали ремонт церковей Афанасия Александрийского и Кирилла Белозерского, колокольной, келий, других каменных зданий подворья Кирилло-Белозерского монастыря; ремонтировали кельи и ограду Вознесенского монастыря.

В Китай-городе была построена на месте разобранной каменная соборная церковь и Учительские кельи Заиконоспасского монастыря. Также на месте разобранной сооружена каменная теплая церковь Николая Чудотворца и верхняя Успения Богородицы с колокольной в Старо-Никольском (Николо-Греческом) монастыре, где перестроена и монастырская стена.

В Белом городе в Высокопетровском монастыре построена каменная церковь, предположительно, Пахомия над южными воротами, больничная келья, палаты и сени, а также сделан подкупольный барабан (шея) и установлена старая железная глава на церкви Сергия Радонежского.

За Земляным городом появилась каменная часовня с кельей Андреевского монастыря, что во Пленницах, на монастырской земле по Калужской дороге.

Хотя нельзя не отметить, что работы в московских монастырях чаще производили по заказу монастырских властей — архимандритов и игуменов, — однако в рамках рассматриваемой темы особый интерес представляют контракты, в которых участвуют частные заказчики. Благодаря их ктиторству появились такие значительные архитектурные сооружения, как соборный храм в Старо-Никольском монастыре, построенный на средства генерал-майора графа Ф. М. Кантакузина; церковь с больничными кельями, другие здания Высокопетровского монастыря по заказу стольника Ф. И. Замыцкого.

В поле зрения государства в течение всей первой четверти XVIII в. оставались вопросы, связанные с благоустройством города. Внимание к ним было особенно усилено в 1722 г., когда они перешли в ведение Полицмейстерской канцелярии [19].

Облик улицы зависел в немалой степени от построек, ее формирующих. Поэтому столь важны были предпринятые в конце XVII — начале XVIII вв. попытки внести регулярное начало в застройку города, придать улицам более четкие контуры. В этой связи появились предписания, с одной стороны, «чтоб строением никто улиц не теснил», с другой — «возводить дома по большим улицам и по переулкам, а не посереде дворов своих», т. е. «по линии», а также вместо заборов строить каменные стенки. Нарушение указов влекло за собой наказание — штрафы и даже лишение

двора [20]. Новой каменной стеной, вместо обветшавшей, обводил свою территорию Николо-Греческий монастырь (1718 г.), частично обновляли стены между кремлевскими Вознесенским и Чудовым монастырями (1719 г.). Стенку длиной в 8 саженей, высотой до моста три аршина, а от моста — полтора, возводил против своего двора на Варварке, «идучи из города на правой стороне», камергер С. Г. Нарышкин [21].

Задача замены деревянных мостовых каменными на центральных улицах и площадях Москвы в начале XVIII в. стояла довольно остро. 24 мая 1700 г. Петр I издал указ — везти в Москву из дворцовых, монастырских и частных вотчинных владений определенных размеров булыжные камни, а в 1705 г. для сооружения в Кремле, Китай-городе и Белом городе каменных мостовых 400 дворовладельцев «по мостовой росписи» должны были обеспечить поставку на свои городские участки по 4 сажени «дикого камня» мерою «в гусиное яйцо», а также песок. Указ от 24 января 1718 г. предписывал жителям Кремля и Китай-города в обязательном порядке замостить участки против своих дворов. Тот, кто не в состоянии был это сделать, подлежал выселению из центра. В 1722 г. вновь введенное правило стало касаться Белого и Земляного города. Работы «добрым, крепким [камнем], а не мелким, не кремнями и не плитняком» производили «против архитектурского рисунка» или приказа под страхом, если «будет тот мост намошен не по указу, и тот мост перемостить» [22].

Одиннадцать московских дворовладельцев, прихожане трех церквей, а также власти Белгородского архиерейского подворья (см. перечень 4) в 1719—1723 гг. во исполнение объявленных указов и предписаний делали каменные мостовые на центральных улицах и площадях. Около своих дворов мостили С. К. Вяземский и М. Аф. Кольчева в Китай-городе у Знаменского монастыря; в Белом городе на Дмитровке — У. В. Нащокина и С. А. Салтыков; на Большой Тверской — А. И. Дашков; на Петровке — Д. И. Бутурлин, князь Г. И. Егупов-Черкасский, вдовы стряпчих Ф. Н. Пояркова и П. Е. Текутева близ (Высокопетровского монастыря), а также священник церкви Иоанна Спесителя Лествицы А. Федоров; на Покровке за Ильинскими воротами — граф С. Владиславич-Рагузинский, на Большой Сретенской улице — его писарь И. Васильев (за Сретенскими воротами у Земляного города); в Земляном городе были замощены участки против церкви Иоанна Предтечи за Покровскими воротами в Казенной слободе и церкви Живоначальной Троицы за Сретенскими воротами.

Таким образом, в Китай-городе было замощено 118 кв. саженей, в Белом городе 636 с половиной, в Земляном — 82 кв. сажени. К середине 1730-х гг. в камень были одеты все главные улицы и площади Кремля и Китай-города [23].

Если в Москве каменное строительство велось по различным направлениям — появлялись новые палаты и церкви, сооружали погреба

с палатками и мостовые, — то контракты за ее пределами (всего 83) [24], связаны, главным образом, с сооружением новых храмов (договора на гражданские постройки единичны) в сельских усадьбах (60 контрактов), а также на посадах городов (15) и в монастырях (9).

В первой четверти XVIII в. работы из камня велись в 42 частных владениях, расположенных в близлежащих к Москве уездах (22 уезда) (см. перечень 5). В 39 вотчинах шло строительство храмов и храмовых комплексов (в том числе в двух владениях строили только колокольни). Наибольшее число построек возведено в Московском уезде (11 усадеб) — церковь Положения ризы Богородицы с трапезной и колокольней в селе Леонове княгини А. К. Хованской; церковь Знамения Богородицы в сельце Соколове А. И. Леонтьевой; церковь Николая Чудотворца в селе Стрелкове А. М. Апраксина и др.

В соседнем с Московским, Дмитровском уезде, в располагавшейся там усадьбе графа Б. П. Шереметева строили церковь Казанской Богородицы; каменные храмы сооружали в селе Кимрах В. Ф. Салтыкова в Кашинском уезде, в селе Богатищеве Г. Г. Скорнякова-Писарева и селе Никольском Ю. Б. Бибикина в Каширском уезде, в селе Майданове А. К. Нарышкина в Клинском уезде, в селе Поспелове Д. А. Бестужева-Рюмина и селе Тимофеевском (Новоселки) И. Дурново в Козельском уезде, в селе Кончакове П. М. Коробына в Рязанском уезде и др.

Подрядные, посвященные каменному палатному строительству в сельских усадьбах, как уже отмечалось, немногочисленны (6 контрактов). Жилые помещения немалых размеров (длиной 10, шириной 8 сажений и высотой 6 аршин; в палатах имелось 8 жилых помещений, девятые сени) на месте разобранного дома строила в своем селе Трубине (Воскресенском) Боровского уезда на реке Протве (Паратве) княгиня М. В. Щербатова. В подмосковном селе Никольском вице-губернатор А. А. Курбатов возводил здание в два жилья длиной 13, шириной 7 сажений, палаты строил в селе Богатищеве Каширского уезда Г. Г. Скорняков-Писарев (в те же годы, 1721--1722 гг., там строили церковь Богородицы Казанской). В селе Хлевене Боровского уезда постельничего Г. И. Головкина делали некое «каменное дело».

На посадах семи городов по подрядным, зарегистрированным в Москве в первой четверти XVIII в., строили 10 храмов (12 контрактов) (см. перечень 6) — это соборная церковь Успения с приделом Михаила Архангела и церковь Рождества Богородицы с трапезной и приделом в городе Белеве; в Боровске — церковь Преображения Господня с приделом; в Воронеже — церковь Николая Чудотворца; два храма должны были появиться на посаде города Вязьмы, два — в Калуге, храм в Ямской слободе города Коломны, в том числе был перестроен придел Параскевы Пятницы соборной церкви города Каширы.

Заказчиками, как и в Москве, являлись частные вкладчики — стольник И. И. Щепотев (в Белеве); вдова стольника Я. Ильина (в Кашире); а также прихожане — посадские люди, вместе со священниками и церковными старостами нанимавшие каменщиков для работ.

Гражданское городское строительство представлено всего тремя контрактами — это палаты, которые строил на своем дворе в Коломне член гостиной сотни И. И. Ушаков, и каменный погреб, соорудившийся секретарем Севской провинциальной канцелярии В. Л. Шагириным.

Каменные храмы возводили в пяти уездных монастырях: в Пафнутьев-Боровском — церковь Архангела Михаила с палатой и трапезной; в Николаевском Волосове во Владимирском уезде — церковь Николая Чудотворца; в Михаило-Архангельской пустыни Вологодского уезда — церковь Успения Богородицы; в Николаевской Гнилушской пустыни Коломенского уезда — церковь с колокольной на Святых воротах; а также церковь неизвестного посвящения в Успенском Шаровкине монастыре Перемышльского уезда (7 контрактов).

Каменные кельи соорудили в Иоанно-Предтечевском монастыре Вяземского уезда, каменную ограду и кельи — в Рождественском Богородицком Анастасове монастыре Лихвинского уезда (см. перечень 7).

Работы, как и в Москве, в ряде случаев происходили на средства частных лиц. Князь Н. И. Репнин вложил деньги на церковь Архангела Михаила в Пафнутьев-Боровском монастыре; А. А. и Г. А. Владыкины — на церковь в Волосове монастыре, А. Т. Лихачев — в Николаевской пустыни. Упомянем также стольников Грибоедовых, которые финансировали кирпичное производство в Ильинском монастыре Вяземского уезда и изготовление золоченого железного креста, возможно, предназначавшегося для того же монастыря [25].

Итак, в первой четверти XVIII в. в провинции строили подрядом 56 церковных зданий и комплексов. Их внешний облик и конструктивные решения отражали общие тенденции в развитии архитектуры конца XVII — начала XVIII вв.

Наиболее часто встречающимся типом вотчинных и городских посадских церквей в это время являлся «восьмерик на четверике». Храм такой композиции был заказан владельцем села Васильевского Коломенского уезда, Г. Ф. Загряжским (церковь Воскресения Христова); села Богородского, С. Я. Львовым (церковь Казанской Богородицы) и села Грабцева Калужского уезда, Д. Ф. Еропкиным (церковь Успения); села Нового Дмитровского уезда, С. Т. Толстой (церковь Покроза Богородицы); села Куликова Каширского уезда, князем Л. С. Кугушевым (церковь Николая Чудотворца (теплая) и Троицкая верхняя); села Чичкина Рязанского уезда, А. И. Волконским (церковь Вознесения Господня); села Перехвал Данковского уезда, А. К. Хрущовым (церковь Спаса Нерукотвор-

ного образа); а также владельцами подмосковных сел Валеево, Колодезь, Леоново, Соколово, Стрелково, Юдино и др.

Ярусные башнеобразные храмы с четвериком, несущим два поставленных друг на друга уменьшающихся в объеме восьмерика, появились в подмосковном селе Черневе А. И. Тараканова, в селе Высокая Поляна Шацкого уезда И. Д. Вельяминова-Зернова, в Николаевском Волосове монастыре Владимирского уезда и на посаде Воронежа — церковь Николая Чудотворца. В таких храмах второй восьмерик мог служить помещением для звона, т. е. заменял колокольню. «Под колоколы» был выстроен Вознесенский храм в селе Сенницах И. Гагарина в Рязанском уезде, колокольня имела в церкви на Святых воротах Николаевской пустыни в Коломенском уезде.

Высота двухъярусного храма в селе Богоявленском Крапивенского уезда, владении С. П. Долгорукова, «от пола до замка» была равна 6 сажням (восьмерик имел в высоту 2 сажени), такой же была высота храма в подмосковном Юдине и в селе Грабцево Калужского уезда («настоящая церковь от полу с осмериком до замку шесть сажень»). В селе Хрущеве Данковского уезда четверик имел 3 сажени, восьмерик — 2.

Трехъярусный храм в подмосковном Черневе имел от моста до восьмерика 12 аршин, высота первого восьмерика составляла 9, второго — 6 аршин, шен — 3 аршина. В селе Высокой Поляне Шацкого уезда до восьмерика было 4 сажени, первый восьмерик — 8, второй — 6 аршин, в качестве завершения был сделан трехсаженный шатер из кирпича. В целом можно сказать, что по сведениям из документов и литературы не менее 23 строившихся подрядом усадебных храмов из 36 были ярусной композиции.

Традиционное трехчастное деление в плане имела церковь в селе Новом Дмитровского уезда, владении С. Т. Толстой. За счет примыкавших к основному объему храма алтаря и трапезной сооружение достигало в длину 10 сажней (по тому же образцу — московской церкви Рождества Христова у Арбатских ворот — были сделаны храмы во владении Г. Ф. Загряжского и С. Я. Львова, вероятно, подобные ей в плане). Длина церкви Николая Чудотворца Волосова монастыря с алтарем и трапезной составляла 11,5 сажней, в селе Богоявленском Крапивенского уезда, владении С. П. Долгорукова, длина храма равнялась 10 сажням, но «меж стен», в подмосковном Леонове — 8 сажням. Храм во владении А. И. Иванова селе Рождестве Московского уезда имел 10 сажней с аршином в длину, «кроме алтарных выкружен», и столько же в ширину. Сходных размеров была церковь в селе Хрущеве (Перехвале) Данковского уезда — помещения, из которых состоял храмовый комплекс, имели по внутренним стенам следующие размеры: «настоящая» — 9 на 9 аршин, алтарь — 7 на 7, трапезная — 9 на 9, придел — 5 на 5, придельный алтарь — 5 на 5 аршин.

Центрические лепестковые храмы представляли собой постройки в селе Грабцево Д. Ф. Еропкина, подмосковных селах Юдине и Черневе

(«крестообразная грановитая... в фундаменте вся кругом дватцать сажень»), в селе Высокая Поляна Шацкого уезда, вотчине И. Д. Вельяминова-Зернова, селе Богатищеве Каширского уезда Г. Г. Скорнякова-Писарёва.

Церковь Рождества Богородицы в селе Подмоклове Тарусского уезда, редкая по красоте и оригинальности, стоит особняком в русской архитектуре начала XVIII в. Храм сооружали в форме двусветной ротонды, высотой до сводов 9,5 сажени и 7 сажени в пролете (контракты дают подробное описание размеров и внешнего облика храма).

Свои пожелания относительно местоположения и внешнего вида колокольни как части храмового комплекса заказчики чаще всего оговаривали в записи специально. Колокольни, располагавшиеся по продольной оси над западным рундуком трапезной — характерное решение для ряда построек начала XVIII в., — были сделаны в селе Хрущеве Данковского уезда (палатка в 4 аршина меж стен на двух столбах со входом из трапезной стены), селе Богородском Калужского уезда, вотчине С. Я. Львова, селе Немцове Алексинского уезда, владении И. И. Нарышкина.

Подробно описано строительство колокольни в подмосковном селе Спасском С. Д. Траханистова. Колокольня Спасской церкви должна была стоять против западных церковных дверей и представляла собой квадратное в плане основание с палаткой на своде, который опирался на столбы толщиной каждый в четыре кирпича, отстоявшие друг от друга на три аршина. На своде самой палатки ставили восьмигранную колокольню, которую предполагали завершить «спицем», т. е. шпилем. Все сооружение венчала покрытая черепицей маленькая главка с крестом.

Колокольню в селе Юдине предписывали делать «на дву столбах с перемычкой», а в Черневе у трапезной над дверями над гзымсом (карнизом) у кровли сооружали «шпрендель», на котором будут висеть колокола.

«На особом месте» возводили колокольню в Волосове монастыре.

Важным моментом в описании подрядного строения являлись указания относительно толщины стен, свидетельствовавшие о фундаментальности постройки, расходе кирпича, извести и т. д. Церковные стены в селе Подмоклове внизу имели толщину в 2,5 аршина, в селе Хрущеве Данковского уезда — 2, в Грабцеве Калужского и Новом Дмитровского уезда — по 1,5 (алтарные и трапезные стены в селе Новом были равны аршину с четвертью); в Волосове монастыре стены храма выкладывали из 4,5 кирпичей, алтаря и трапезной из трех, церковные стены в первом ярусе храма в селе Богатищеве делали в 3 кирпича, а в восьмерике — в 2, толщину стен в кельях Заиконоспасского монастыря формировали 3 кирпича, Высокопетровского — 2,5. Естественная разница, существовавшая в толщине внешних стен и внутренних, видна, помимо упомянутых примеров, и в палатах П. Ф. Соковнина — в нижних покоях наружные стены были сделаны в 3 кирпича, а внутренние в 2,5, в верхних наружные — в 2,5, в простенках — в 2. У палаток на дворе М. И. Репнина во внешние

стены клала 2,5 кирпича, в стены сеней — 2 кирпича, у И. М. Чемоданова во внешние — 2, во внутренние — 1,5.

Наружная отделка зданий по строительному подряду, как правило, заключалась в следующем: стены и своды «подмазывали гладкою работою» или «затирали щетью», т. е. оштукатуривали, и, как писали в документах — «по нынешнему обыкновению», — белили, «чтоб было глатко и гораздо бело, и не слиняло б» (палаты А. И. Нащокиной, Б. И. Окулиста, церковь Михаила Архангела Высокопетровского монастыря, келья Заиконоспасского монастыря, церковь в вотчине А. И. Тараканова и др.). Такой же обработке подвергали и внутренние стены построек.

Для украшения здания гызмы на выбеленных стенах церкви в Шацкой вотчине И. Д. Вельяминова-Зернова покрывали дымчатой, т. е. смешанной с копченой сажой, известью. Благовещенскую церковь в Калуге расписывали «в кирпич», храм в вотчине Таракановых белили «под грановитус» раскраску. Упомянем в этой связи обнаруженные в рассматриваемом комплексе два договора, по одному из которых в 1702 г. мастера Оружейной палаты в церкви Бориса и Глеба Б. И. Прозоровского в селе Борисовском (Зюзине) красили суриком и баканом «в олгаре, и в перемычках... и своды, и подвесы», а по другому в том же году иконописцы Оружейной палаты брались «написать снаружья» церковь с трапезной и колокольной в вотчине стольника Т. А. Карпова [26].

Церковные, алтарные, трапезные своды и главы покрывали нередко лещадью (храмы в подмосковном Юдине и Соколове, в Немцове Алексинского уезда, Благовещенская церковь в Калуге, храм Николо-Греческого монастыря и др.). При производстве работ в Волосове монастыре Владимирского уезда лещади должны были уложить «в шахмет... з закроми, чтоб вода не текла». Строившийся храм в селе Высокая Поляна Шацкого уезда, главу на колокольне в селе Спасском С. Д. Траханиотова и др. покрывали черепицей.

Широко известно, что большая часть вотчинных храмов имела сравнительно скромное наружное убранство — белокаменной и кирпичной резьбой оформляли оконные и дверные проемы, плоскость стены украшали резными карнизами, колоннами и пилястрами с капителями. Дополнительную живописность зданию придавали рундуки, которые очень широко использовали в церковном строительстве этого времени. Например, в подмосковном храме села Чернево они были сделаны над тремя входами и имели восьмиугольную форму. Вход в храм села Юдина украшало белокаменное крыльцо.

Отделка Покровской церкви в вотчине П. А. Толстого была осуществлена с использованием «мотивов московского барокко — пучки угловых колонн, граненые перемычки порталов, восьмиугольные окна» [27]. Возможно, в сходной манере был выдержан декор церкви в калужской вотчине С. Я. Львова, резной «убор» которой, как и у Толстого, повто-

рял «слово в слово» сделанный в церкви Рождества Христова на Арбате. Однако заказчик, С. Я. Львов, особо отметил свое желание украсить усадебный храм не круглыми столбами, а термусами с резными капителями и тумбами под ними.

Парными пилястрами и плоскими наличниками были обработаны фасады Троицкой церкви в селе Ельдигине Б. И. Куракина. Пилястры с базами и капителями высотой в пять аршин сделали в нижнем ярусе храма села Богатищева Каширского уезда, а 8 столбов, также с базами и капителями, в три аршина — в верхнем. В селе Юдине имелись лопатки по углам восьмерика.

Гладкие стены церкви в селе Куликове Каширского уезда Л. Кочуева (Кугушева) были оформлены «выпусками» на углах, а трехапсидный алтарь имел «столбы в промешках». «Тескою уступцами» украшали окна, выше сводов делали отливку с напуском, и под ней — резной пояс «против изразца».

Ссылаясь на образец, договаривавшиеся стороны избавляли себя от детальных описаний, однако особо важные моменты они все же старались отметить в документе. Так, над дверями резьба, над окнами валы, столбы, гзымсы, капители, деревянные баясы и шары, которые должны были украсить Благовещенскую посадскую церковь города Калуги, делали по рисунку с церкви Иоанна Воина в Москве.

Совершенно особым богатством и красотой отличалась церковь села Подмоклова. Белокаменная резьба обрамляла световые и глухие окна на фасадах, фриз во втором ярусе ротонды заполняли резные кронштейны, фрукты, цветы. Столбы вокруг церкви имели коринфские капители, между ними — херувимы и фрукты, столбы на паперти — капители «нового композита», а столбы в церкви оформляли капители «романовской» архитектуры. Фигуры украшали 8 окон церкви, на паперти было поставлено «двенатцать апостолов, четыре евангелиста». Декоративное убранство церкви дополнялось множеством баяс и подбаяс, гербов, медальонов.

Описание работ, содержащееся в подрядном договоре, не давало исчерпывающей информации по заказному строительству — письменную документацию могли сопровождать широко использовавшиеся в частном строительстве в то время чертежи, рисунки, модели.

По существующему мнению, чертеж начала XVIII в. лишь ориентировал во взаимном расположении отдельных частей здания, не давая точных сведений графическими средствами — ни конструкций, ни масштабных соотношений, хотя и приводил числовые размеры [28]. Поэтому преобладание условных иконописных изобразительных методов вызывало необходимость в «росписи против чертежу», о которой упоминается в большей части подрядных договоров и которая как бы дополняла и расшифровывала договор. Сметная роспись учитывала необходимые стройматериалы и рабочую силу.

Эти документы, служившие руководством непосредственным исполнителям, квалифицированный подрядчик составлял сам и согласовывал с заказчиком. Иногда чертеж поступал к исполнителям и от самого заказчика. В рассматриваемом корпусе документов чертеж использовали в палатном строительстве на московских дворах А. Д. Меншикова, И. И. Грохова, П. Ф. Соковнина, Н. И. Бутурлина, А. И. Нащокиной, П. П. Шафирова, К. А. Давыдова, А. И. Рыбкина, Н. Румянцева.

По чертежу были построены церкви в подмосковном селе Стрелкове А. М. Апраксина (чертеж был выдан мастерам заказчиком), селе Рождестве А. И. Иванова, селе Богородском Б. П. Шереметева в Дмитровском уезде, селе Высокая Поляна И. Д. Вельяминова-Зернова в Шацком уезде, селе Новобогородском Н. М. Вадбольского в Соловском уезде, селе Богатищеве Г. Г. Скорнякова-Писарева в Каширском уезде и селе Подмоклове Г. Ф. Долгорукова в Тарусском уезде.

Рисунок, дававший менее схематичное и строгое, чем план, изображение строения (хотя, возможно, в подрядных начала XVIII в. слова «рисунок» и «чертеж» были синонимами), упомянут в связи со строительством посадской церкви г. Калуги, церкви Шаровкина монастыря (рисунок дан заказчиком), дома А. А. Курбатова в с. Никольском Московского уезда. Рисунок, по которому строили храм в селе Богатищеве Каширского уезда, имел экспликацию — в записи ссылаются на имевшиеся буквенные обозначения: аз, буки, веди, глаголь, которыми отмечены углы здания.

Однако наиболее привычным наглядным эталоном были уже существующие постройки. Каменных дел подрядчики производили промеры и зарисовки взятых за образец сооружений. Чаще всего при создании новых храмов ориентировались на здания, построенные незадолго до этого. Излюбленными образцами в храмовом сельском усадебном строительстве являлись московские церкви. Наибольшей популярностью пользовалась церковь Рождества Христова у Арбатских ворот против двора И. А. Мусина-Пушкина, по образцу которой были возведены Воскресенская церковь в селе Васильевском Коломенского уезда и церковь Покрова Богородицы в селе Ноюм Дмитровского уезда. Хотя Казанскую церковь с приделом в селе Богородском Калужского уезда С. Я. Львова в целом делали по образцу той же церкви Рождества Христова на Арбате, однако фантазия заказчика ею не ограничилась — «подмаску» сводов он хотел скопировать с палат княжны Елены Борисовны Львовой, а термусы с капителями и тумбами сделать, как у палат графа И. А. Мусина-Пушкина. Завершение и декоративная отделка восьмерика должна была копировать или храм Заиконоспасского монастыря, или Варсонофьевского (отметим, что конструктивные приемы и отделку собора Варсонофьевского монастыря неоднократно «цитировали» как в московском, так и провинциальном храмовом строительстве). Интересно отметить, что придельная церковь

Сергия Радонежского должна была выглядеть, как «настоящая», «только препорциею меньше», а колокольня на столбах с палаткой повторяла колокольню при церкви Тихона Чудотворца у Арбатских ворот.

Церковь Ильи Обыденного у Пречистенских ворот также неоднократно служила образцом, — например, для церкви Спаса Неукротворного образа в селе Хрущеве Данковского уезда и храма Архангельской пустыни Вологодского уезда. Московскую церковь Владимирской Богородицы у Никольских ворот использовали при строительстве Знаменской церкви села Немцова в Алексинском уезде и церкви в селе Страхове Оболенского уезда.

В качестве образца могли брать не только здание в целом, но и отдельные его элементы — свод церкви Ильи Обыденного у Пречистенских ворот делали таким же, как в церкви Николая Чудотворца на Перерве; «кирпичная теска» около окон, дверей и «по углам» восьмерика церкви Вознесения Господня в селе Чичкине Рязанского уезда должны были быть подобны тем, что были в московской церкви Иоанна Предтечи на Левинском торжке; крыльца и палатки на дворе П. Ф. Соковнина повторяли построенные на дворе иноземца Г. Саулса (Сауста). По избранным заказчиком образцам делали наличники окон в палатах Б. И. Прозоровского.

Не только московские, но и подмосковные храмы выбирали для подражания заказчики. Церковь в селе Гирееве И. А. Голицына послужила образцом церкви Преображения Господня в селе Юдине А. А. Черкасского, а храм села Ерденево Б. А. Голицына — церкви села Богоявленского в Крапивенском уезде.

Нередко заказчики, решая, каким должно быть задуманное здание, обращались к постройкам, расположенным по соседству. Так, церковь Рождества Богородицы в Белеве (1725 г.) должна была походить на храм Благовещения Богородицы в усадьбе генерал-майора И. Л. Взейкова, селе Семеновском Белевского же уезда, подряд на строительство которой, заметим, был заключен в 1703 г.

Немаловажным было и обстоятельство, прослеживающееся в записи Г. Козьмина, который достраивал с товарищами четверик и восьмерик церкви Троицы в Старой Троицкой слободе по образцу хорошо знакомой ему церкви Воздвижения креста Господня, располагавшейся в дворцовом селе Красном. В этом селе жил, судя по документу, и сам исполнитель.

В ряде случаев в работе применяли модели. «Против данного образца» строили в вотчине И. Д. Вельяминова-Зернова; подрядчик И. Варнак, возводивший церковь во владении А. И. Тараканова, должен был использовать «какой ему дан будет образец деревянный». Некая «медаль» с изображением задуманного здания, наряду с рисунком от заказчика, была у строителей храма в селе Богатищеве Каширского уезда.

Несмотря на все описания, чертежи и ссылки на образцы, главным требованием к мастерам, как сформулировано в договоре на строительство

храма в вотчине С. Я. Львова, было, чтобы работу они делали «со всяким радением без лицемерия, как ему, князь Сергию Яковлевичу, нравно будет».

Исследователи отмечают, что фигура заказчика в это время занимала чрезвычайно важное положение в строительном процессе. «Заказчики из высших социальных слоев имели в своих библиотеках иностранные архитектурные узоры и руководства по строительному делу, различные пособия по правилам построения архитектурных ордеров, которых среди европейских изданий XVI–XVII вв. было довольно много, поэтому они активно и нередко со знанием дела принимали участие в формировании своего строительного заказа» [29].

В заключение нельзя не упомянуть еще одно направление подрядных работ, связанное с благоустройством земельных территорий усадебных владений. Представители знати имели не только в сельской местности, но и в Москве довольно большие дворовые участки, на которых, помимо барского дома, нередко стояла домовая церковь, хозяйственные постройки; в городских и вотчинных усадьбах разводили сады и огороды, организовывали прудовое хозяйство [30].

Плодовые сады были разбиты (9 контрактов): на загородном дворе за Серпуховскими воротами И. В. Отяева, а также под селом Островцом Московского уезда и селом Мещеряковым Коломенского уезда Б. П. Шереметева; пруды устроены на дворе Ф. Г. Хрушова за Тверскими воротами Земляного города; на дворе А. Феофанова в Сырмятниках; в селе Красном на загородном дворе А. И. Иванова, а также в подмосковном сельце Агапитове И. И. Чамберса, в селе Ильинском М. И. Чирикова, в сельце Познякове К. А. Ригемана. В сельце Петряевском, коломенском владении адмиралтейского советника А. В. Кикина, создавалось прудовое хозяйство (см. перечень 8).

Состав и численность заказчиков подрядных работ

Состав заказчиков, в московских и сельских владениях которых в первой четверти XVIII в. были произведены архитектурно-строительные и связанные со строительством работы, осуществлялось изготовление и поставки разного рода строительных материалов, довольно разнообразен. Большинство — представители дворянского сословия.

Детальный разбор вопроса необходимо предварить некоторыми замечаниями. Во-первых, основная часть рассматриваемых здесь подрядных приходится на начало XVIII в. — хронологический период, когда шляхетство еще «обреталось в прежних чинах», существовавших до принятия в 1722 г. Табели о рангах; во-вторых, при характеристике состава заказчиков дворянского сословия за основу были взяты чины, звания и титулы, которые имелись на момент заключения сделки и которые даны в подряд-

ных записях; в-третьих, если договор заключен вдовой (15 контрактов), сам умерший супруг и его социальный статус учитывался при характеристике сословия.

Княжеские фамилии, представители которых в XVII в. сидели в Думе, стабильно служили в высших дворцовых или столичных чинах и, следовательно, формировали в течение первой четверти XVIII в. верхушку дворянского сословия, представлены в связи с частным подрядным строительством (34 человека): боярами — Б. А. Голицыным, А. П. и Б. И. Прозоровскими, М. И. Лыковым, И. Б. Троекуровым¹; окольными М. А. Волконским; стольниками — А. Л. и В. Ф. Долгоруковыми, Ю. Ю. Одоевским, А. И., Г. И. и М. Г. Волконскими, И. И. Щербатовым², А. Репниным-Жезневым, М. М. Голицыным³ (генерал не позже 1714 г.)⁴, Б. И. Куракиным⁵, И. П. и М. П. Гагариными⁶, В. В. Жировым-Засекиным, П. А. Засекиным, Л. С. Кугушевым (или Кочуевым)⁷, а также Ф. Ю. Ромодановским⁸.

С изменениями, произведенными в порядке несения службы, и утверждением Табели о рангах появляются новые чины. Чин тайного советника — один из важнейших в старой и новой иерархии — имел с 1709 г. князь Г. Ф. Долгоруков⁹.

Высшие военные чины в государстве имели князья: генерал [с 1683 г.] Н. И. Репнин¹⁰; бригадир А. А. Черкасский, полковники (с 1714 г.) О. И. Щербатов¹¹ и Н. М. Вадбольский¹². В начале XVIII в. в невысоких офицерских чинах находились князья Г. И. Егупов-Черкасский, С. Я. Львов, капитан А. И. Шаховской¹³. В подрядных неоднократно

¹ Начальник Стрелецкого приказа с 1689 г.

² В 1722 г. выбыл из полка в чине капитана и в 1730 г. постригся в Юхнов монастырь.

³ Генерал-фельдмаршал в 1725 г., в 1728 г. — президент Военной коллегии.

⁴ В кругах скобках приведены дополнительные сведения из подрядных.

⁵ Свояк Петра I — оба были женаты на родных сестрах Лопухиных; имел воинское звание генерал-майора; один из образованнейших людей своего времени, дипломат.

⁶ В 1706 г. — начальник Сибирского приказа, в 1707 г. — комендант Москвы, в 1708–1719 гг. — Сибирский губернатор.

⁷ Представитель русского княжеского рода, происходившего из татарских мурз, пожалован за принятие православия чином стольника.

⁸ Виднейший русский государственный деятель, с 1697 г. имел титул князь-кесаря, глава Преображенского, а также Сибирского и Аптекарского приказов (1686–1717 гг.); во время частных отъездов Петра I в 1690-е гг. фактически являлся правителем страны.

⁹ В XVII в. был стольником, затем комнатным стольником Петра I, в 1700 г. получил звание генерал-адъютанта, в 1721 г. стал сенатором.

¹⁰ В 1725 г. — генерал-фельдмаршал; в 1724 — президент Военной коллегии.

¹¹ В 1728 г. — бригадир.

¹² Строитель Оружейного завода в Туле, в 1715 г. являлся помощником главного начальника всего оружейного производства в России Я. В. Брюса.

¹³ Имел гражданский чин статского советника, советника Юстиц-коллегии.

встречаются без упоминания чинов князя В. П. Хованский¹, А. Гагарин, С. П. Долгоруков и М. И. Куракин.

Старомосковская нетитулованная знать, служившая на протяжении столетий в высших думных чинах и при московском дворе и сохранившая в первой четверти XVIII в. высокое чиновное положение (всего 28 человек) представлена знатным боярским родом Салтыковых². В числе заказчиков были служившие в думных чинах — бояре П. С. Салтыков³, П. П. Салтыков, А. П. Салтыков⁴; кравчий с 1690 г. В. Ф. Салтыков⁵; а также имевший генеральский чин С. А. Салтыков (генерал-майор не позднее 1725 г.)⁶.

В высших думных чинах служили представители боярской аристократии из рода Шереметевых. Среди заказчиков — боярин генерал-фельдмаршал в 1702 г. и тайный советник не позже 1714 г. Б. П. Шереметев⁷.

Из Головиных, представители которых еще в XVI в. имели высокие дворянские чины, в заказчиках был боярин Ф. А. Головин — один из ближайших соратников Петра I⁸ (его сыновья — Николай и Александр в 1718 г. названы в подрядной графами), а также генерал-адъютант И. И. Головин.

В бояре из окольничих попал И. А. Мусин-Пушкин⁹, графский титул носил в 1725 г. и другой представитель рода — Е. И. Мусин-Пушкин. Фамилия Стрешневых¹⁰ представлена в подрядных боярином Т. Н. Стрешневым и стольником И. Т. Стрешневым.

В слой нетитулованной старомосковской знати, достаточно прочно связанной со службой в Думе, при Государевом дворе и в столичных

¹ Род. в 1694 г.; имел чин шталмейстера, был обер-президентом Главного магистрата.

² Высокий статус фамилии подчеркивало родство с царствующим домом.

³ В 1691 г. — воевода в Смоленске, в 1711 г. — губернатор Смоленской губернии, в 1713—1719 гг. — губернатор Казани.

⁴ В 1711 г. — глава Провиантского приказа, в 1713 г. — Московский губернатор, в 1719—1724 гг. — Казанский губернатор.

⁵ Родной брат царицы Прасковьи Федоровны; Смоленский генерал-губернатор, обер-шенк, в 1730 г. возведен в чин действительного тайного советника и получил графское достоинство.

⁶ Позже генерал-аншеф, с 1733 г. — граф.

⁷ В 1706 г. пожалован графским достоинством.

⁸ С 1699 г. — начальник Военно-морского приказа, с 1700 г. — глава Пссольского приказа, ведал Ямским приказом и Оружейной палатой (был судьей — главой — более десятка приказов); генерал-адмирал, в 1701 г. первым получил чин генерал-фельдмаршала, 16 ноября 1702 г. пожалован с нисходящим потомством графским титулом, с 1709 г. — государственный канцлер.

⁹ В 1710 г. был возведен в графское достоинство.

¹⁰ Стремительное возвышение фамилии начинается после брака царя Михаила Федоровича с Е. Л. Стрешневой в 1626 г.

чинах, входили окольниковые А. Т. Лихачев, М. В. Собакин, А. П. Протасьев; думный дворянин Ф. И. Чемоданов, стольники М. Аргамаков, Н. И. Бутурлин, И. П. Вельяминов, И. Д. Вельяминов-Зернов, И. К. Пушкин, С. Ф. и Г. Ф. Грибоедовы, П. М. Коробьин, Ан. И., И. И. и Ал. И. Леонтьевы, Л. Плещеев, С. Д. Траханиотов.

Провинциальное дворянство, составлявшее в первой четверти XVIII в., как и ранее, наиболее значительную часть дворянского сословия в целом, довольно широко представлено на частном подряде. Большинство из этой части дворянского сословия, если и попадало в Думу, то чаще всего в низшие думные чины — думных дворян и дьяков, а чинов окольникового или боярина достигали лишь немногие. К числу провинциальных фамилий, возвысившихся в течение XVII в. до думных чинов и являвшихся крупными землевладельцами в этот период, принадлежали Нарышкины¹. Из заказчиков в Думе сидел боярин Л. К. Нарышкин; в чине кравчего был К. А. Нарышкин, в чине ближних стольников — А. И. и И. И. Нарышкины. Из младших линий рода высокие чины получил посланник и генерал-адъютант Петра I, камергер С. Г. Нарышкин.

Благодаря родственным связям с царствующим домом к концу XVII в. выдвинулись Лопухины. После брака дочери Ф. А. Лопухина с Петром I Федор Аврамович Лопухин с четырьмя братьями, в том числе заказчик П. А. Лопухин — в 1689 г., — получили боярство.

Ряд дворянских фамилий значительно возвысился только в первой четверти XVIII в. К их числу в первую очередь относятся Апраксины — Ф. М. Апраксин², был ближайшим сподвижником Петра I, генерал-адмирал. Помимо него в заказчиках фигурировал ближний, т. е. особо приближенный к царю, окольниковый П. М. Апраксин (не позднее 1713 г. боярин)³, а также ближний стольник А. М. Апраксин⁴.

Дворяне Головкины в течение XVII в. лишь изредка попадали в стольничные чины. Однако Г. И. Головкин имел в начале XVIII в. при Государеве дворе должность постельничего⁵.

П. А. Толстой, из дворян, не относившихся в допетровское время к категории знати, в конце XVII в. достиг чина стольника. Его возвышение связано с участием в расследовании дела царевича Алексея. В 1714 г.

¹ Вплоть до 1670-х гг. относились к числу худородных, после женитьбы в 1671 г. царя Алексея Михайловича на дочери К. П. Нарышкина началось возвышение рода.

² Архангелогородский воевода, стольник, затем боярин; позже — президент Адмиралтейской коллегии; генерал-губернатор Азовской губернии; пожалован в 1709 г. графским титулом.

³ Позже — действительный тайный советник; граф с 1709 г.

⁴ Генерал-майор, действительный статский советник; граф с 1722 г.

⁵ В 1707 г. пожалован графским титулом, в 1709 г. — государственный канцлер, в 1717 г. — президент Посольских дел.

находился в чине действительного тайного советника¹, в 1724 г. был пожалован графским титулом.

Табель о рангах создавала основу для пополнения верхушки сословия наиболее деятельными представителями провинциального дворянства.

Среди заказчиков этой части дворянского сословия, помимо упомянутых, были думные дворяне — П. И. Прончищев, Ф. Г. Хрущов, Н. С. Хитрово; думные дьяки — А. А. Виниус², А. И. Иванов, Г. Ф. Деревнин; думный советник — Пр. Б. Возницын.

В числе участников строительного процесса, помимо упомянутых, было 55 стольников. Высокие военные чины из нетитулованного дворянства имели — генерал-майор Г. Г. Скорняков-Писарев, И. И. Чамберс (из англичан), К. А. Ригеман (Карл Давид или Карлус Андреевич — генерал-майор русской службы)³; генерал-почт-директор А. И. Дашков; помимо них среди заказчиков 5 полковников, подполковник, два майора, 8 капитанов и 7 человек в более низких званиях.

Процесс активного формирования «новой» аристократии происходил в это время за счет въезда иноземной знати. Особую группу российской титулованной аристократии составляли представители «владельческих родов» других государств, принявших подданство России в XVIII в. — в их числе выехавший в 1711 г. в Россию молдавский господарь князь Д. К. Кантемир; валашский дворянин, граф Римской империи, зеликий спафарий Валахии Ф. М. Кантакузин, который был принят Петром Великим на русскую службу с чином генерал-майора в 1711 г. Выехавший из Рагузы в Россию и получивший в русской службе чин надворного советника граф С. Владиславич-Рагузинский в 1722 г. получил грамоту, подтверждавшую его графское достоинство.

Одним из источников формирования «новой знати» являлись высочайшие пожалования дворянского достоинства отдельным представителям непривилегированных слоев общества, которым в качестве особого отличия были даны и титулы. Вошли в состав богатейших дворянских родов первой четверти XVIII в. и достигли высокого положения благодаря удаче и личным качествам — А. Д. Меншиков (в 1701 г. сержант, в 1702 — поручик)⁴ в 1710 г. имел титул барона; П. П. Шафиров — государственный подканцлер (вице-канцлер) в 1710 г., тогда же возведен в баронское достоинство⁵; именитый человек Г. Д. Строганов. Выдвинулись при Петре А. В. Кикин [получил в 1712 г. почетный чин адми-

¹ Возглавлял Коммерц-коллегию и Тайную канцелярию.

² Был главой Пушкарского, Сибирского и Аптекарского приказов.

³ В 1694 г. — воевода в Олонце, участник Азовского похода 1696 г.

⁴ В 1705 г. — генерал от инфантерии, в 1709 г. — фельдмаршал; в 1702 г. возведен в графское достоинство и в 1706 г. — в княжеское.

⁵ Президент Коммерц-коллегии.

ралтейского советника], архангелогородский вице-губернатор А. А. Курбатов [31].

Среди заказчиков встречаются представители приказной администрации — дьяки (12 человек) и подьячие (12 человек) различных приказов.

В гостиную сотню из числа заказчиков в рассматриваемые годы входили Н. Г. Аристов, К. С. Борин (дьяк) [32], И. И. Бронницкой, Ф. Козьмин, Ф. А. Коноплин, И. Ф. Молявкин [33], П. К. и Я. К. Рюмины, А. П. Свешников, Д. О. Томилин, И. И. Ушаков и В. Г. Чирьев (12 человек); в корпорацию гостей — С. Т. Боков [34], И. М. Сверчков, А. Филатьев [35]; среди заказчиков были купцы Н. Демидов [36], М. Н. Демидов, Б. И. Корыхалов, И. В. Миляков, В. Полосин.

12 заказчиков — иностранное население — названы в документах иноземцами.

Подрядная форма организации строительных работ

Подрядом в первой четверти XVIII в. строили здания самого разного назначения и, следовательно, их размеры, архитектура, отделка и декор отличались большим разнообразием. Создание каждой значительной постройки требовало решения широкого круга вопросов, связанных с привлечением мастеров разного профиля и квалификации, вспомогательной рабочей силы, обеспечением большого ассортимента стройматериалов.

Главным организатором работ в условиях частного строительства являлся каменных дел подрядчик, с которым заказчик заключал отдельный контракт, обычно заблаговременно. Подрядчик занимался, в полном объеме или частично, подбором и наймом строителей разных специальностей и профессионального уровня, подсобных работников, а также изготовлением, закупкой и поставкой на место стройматериалов, осуществляя общую координацию организационного процесса.

В литературе неоднократно отмечалось, что подряд являлся более высокой в сравнении с существовавшими ранее формой организации труда. На рубеже XVII–XVIII вв. вместо мобилизации записных ремесленников все чаще стали использовать подряд при производстве строительных работ по государственному заказу, в дворцовых владениях, в монастырях, при сооружении домов и церквей. Распространение контрактного строительства стимулировала «строительная горячка петровского времени», с одной стороны, с другой — рост отхода крестьян строительных специальностей из нечерноземных регионов страны [37].

Подряд становился важнейшим звеном в организационной структуре, существовавшей в частном строительном производстве. Выявленный круг документов позволяет проанализировать особенности договорных отношений, возникавших между подрядчиками и заказчиками в связи с заключением сделки и подробно рассмотреть процесс реализации этих от-

ношений. Обращаясь к деятельности подрядчиков, в первую очередь, необходимо выделить тех из них, которые выполняли наиболее масштабные и дорогостоящие строительные проекты, специализируясь на контрактах со значительной организационно-хозяйственной составляющей. Заключив главный или генеральный договор с заказчиком, такой подрядчик концентрировал в своих руках субподряды и договоры найма, сводя таким образом участие заказчика в строительном процессе к минимуму. Естественно, что выполнение больших контрактов требовало наличия у исполнителя определенных денежных средств, опыта в организации строительных работ, необходимых связей в этой среде, знания конъюнктуры.

Характер деловых операций крупных подрядчиков, принимавших участие в первой четверти XVIII в. в частном строительстве, довольно детально представлен в договорах московских жителей — тяглеца Казенной слободы Луки Анофриева и Панкратьевской слободы Семена Анофриева. Их деятельность просматривается за период с 1701 по 1721 год на материале 15 контрактов. Два брата — Лука и Семен, — составляя довольно устойчивый деловой союз и предпочитая работать в паре, стремились, как правило, получить полномочия при реализации строительного заказа в полном объеме. Можно заметить, что они специализировались на церковном усадебном строительстве — 5 заказов, хотя дважды работали и в Москве. Из документов известно, что в XVII в. Анофриевы участвовали в поставках стройматериалов, брались за исполнение отдельных строительных циклов [38].

В связи с частными заказами, относящимися к началу XVIII в., имена Луки и Семена Анофриевых впервые встречаются в документах 1701–1702 гг. Двадцатого марта 1701 г. они получили подряд на строительство церкви в селе Кончакове Переславль-Рязанского уезда, владении стольника П. М. Коробьина, по условиям которого брали перед заказчиком обязательство обеспечить работы «товаром», кирпичом, известью, а также поставить каменщиков и работников (возможно, на вспомогательные работы). Анофриевы сразу же взялись за дело — 24 марта для изготовления и обжига 100 тысяч штук кирпичей в течение лета того же 1701 г. в село Кончаково был привлечен договором крестьянин М. Гурьев. Анофриевы, судя по условиям контракта с заказчиком, не только заботились об изготовлении кирпичной продукции и извести на месте, но и осуществляли закупки всех других необходимых для сооружения храма стройматериалов.

Развернуть сами строительные работы было намечено на 1702 г. Тридцатого апреля 1702 г. для этих целей С. Анофриев, названный в документе каменных дел подрядчиком, нанял четырех крестьян с товарищами, которым предстояло к 1 сентября возвести храм длиной в девять саженей с аршином, в поперечнике — четырех саженей.

Анофриевы рассчитывали получить по своему контракту с заказчиком денежную выплату в размере 150 рублей и продуктовый запас (форма оплаты, существовавшая в дополнение к денежной, встречается в 93 контрактах, относящихся, за исключением 12 договоров, к периоду до 1714 г. Соотношение денежной и продуктовой оплаты бывало различным, но продуктовая обычно составляла не более 30% от общей). Половина денег была выплачена по субподрядам: 40 рублей и часть продуктов пошли каменщикам, 35 рублей деньгами и продукты выдали кирпичникам (цена тысячи штук кирпичей — 11 алтын 4 деньги). Впрочем, понятно, что выявленные по документам траты не исчерпывали всех расходов подрядчиков [39].

Л. Анофриев в 1702 г. синхронно с продолжающимся контрактом с П. М. Коробьиним подключился к другому строительству, подрядив 17 февраля каменщиков на строительство каменной церкви «по ево, Лукину, подряду» и росписи, в вотчине степенного ключника Н. Ф. Боркова селе Бремболе Переславль-Залесского уезда. Каменщикам он собирался выплатить 50 рублей. Собственного договора заказчика или генерального подрядчика с Анофриевым обнаружить не удалось, возможно, он был на вторых ролях, хотя и делал смету расходов стройматериалов. Главной фигурой на этом строительстве был каменных дел подрядчик дворовый человек гостя Шиловцева И. Г. Жданов. По контракту от 20 марта 1701 г. он брал перед заказчиком обязательство за 550 рублей и продуктовый запас не только построить в селе Бремболе каменную церковь с трапезной, приделом и колокольной от фундамента до отделки, но также обеспечить кирпич, известь, бут, глину, песок, сваи, лесные припасы и посуду, «которые к тому делу приличные», за исключением железных припасов. К исполнению заказа И. Жданов приступил уже 21 марта, когда нанял крестьянина Т. Ускова делать и обжигать в селе 180 тысяч штук кирпичей по цене 12 алтын за тысячу, т. е. за 64 рубля 80 копеек. А 22 марта И. Жданов заключил сделку с каменных дел подрядчиком, частновладельческим крестьянином Костромского уезда Ф. А. Шолоховым, на строительство взятой на подряд церкви по его, Ивана Жданова, сметной росписи и с оплатой в 90 рублей к Покрову дню 1702 г. [40]. Возможно, Анофриев в этой цепочке подрядов и субподрядов заменил в 1702 г. И. Жданова [41].

23 февраля 1703 г. братья Анофриевы, на этот раз совместно с уже упомянутым Ф. А. Шолоховым, получили заказ на строительство в течение двух лет каменной церкви с трапезной, приделом и колокольной в вотчине стольника В. С. Жамайлова селе Лыкове Коломенского уезда. Каменных дел подрядчики по условиям контракта обеспечивали к строительству каменщиков и творильщиков извести, а также «товар» (очевидно, таким образом называли стройматериалы, приобретавшиеся на рынке) и «припас» (кирпич, известь, т. е. стройматериалы, изготавливавшиеся на месте), наняв, в частности, 19 марта того же года для изготовления 110 тысяч

штук кирпичей крестьянина М. Юдина. За работу и стройматериалы Анофриевы и Шолохов запросили по подряду 400 рублей денег и продуктовый запас. Заказчик обусловил определенные гарантии по выполнению договора, которые были выражены в неустойке, составлявшей 500 рублей, что примерно равнялось цене подряда [42].

Неустойка являлась одним из рычагов для удержания строителей до завершения контракта и накладывала на них дополнительные обязательства по выполнению условий договора. Неустойка присутствовала чаще всего в крупных, требовавших значительных денежных вложений сделках, относящихся, по преимуществу, к началу века. Размер неустойки свидетельствовал о степени заинтересованности заказчика в исполнении подряда привлеченными мастерами.

Попутно отметим, что в январе 1702 г. Анофриевы нанимали мастера на строительство печи и изготовление 300 бочек извести в селе Каробчеее, и летом 1703 г. — на те же работы и заготовку камня в селе Лобкове Коломенского уезда, хотя предназначение этих заказов неясно.

После десятилетнего перерыва (записные книги за эти годы не обнаружены) 13 марта 1713 г. Л. Анофриев вновь встречается среди подрядчиков строительных работ — он берется перестроить в Москве придел Николая Чудотворца и частично саму церковь Покрова Богородицы на Воронцовом поле. Как и раньше, Анофриев выполнял заказ, используя своих рабочих людей, и давал обычные для частного контракта гарантии качества — выполнить работу «добрым мастерством» а также нести ответственность за инженерно-техническое состояние здания в течение последующих 5 лет, обещая любую «поруку... починивать, строить... своими харчами и работными людьми». Кирпич, известь, железо, подвезной лес брался обеспечить священник Покровской церкви на Воронцовом поле И. Прокопиев и прихожане, закупая все в целях экономии на рынке самостоятельно — ситуация, довольно характерная для строительных работ, происходивших в Москве. Попутно скажем, что И. Прокопиев заключил подрядную в том же 1713 г. с кузнецом на изготовление к строительству решеток, крючьев, скоб и др.

Необходимые для работы снасти, в перечень которых могли входить лотки, шайки, ушаты, ломы, чаны, железные лопатки, которыми кладут известь, деревянные лопаты, точила для топора, гребки обеспечивали чаще всего мастера-строители (например, частновладельческий крестьянин Н. Сергеев использовал свои снасти при работах в московской церкви Успения Богородицы, что за Яузою в Гончарах), но могли давать и заказчики, как, в частности, при строительстве Покровской церкви, производстве работ на московском дворе П. Ф. Соковнина.

Интересно отметить, что из 180 рублей, причитавшихся Анофриеву по рассматриваемому договору, 39 было выдано 15-ти нанятым им мастерам, которые разбирали стоявший придел Покровской церкви, трапезную

и колокольню до подошвы и выбирали до свай бут, а затем копали рвы, набивали сваи и бутили белым камнем фундамент под новое здание. Эти работы должны были начаться после 14 марта 1713 г. (дата заключения контракта) и окончены 9 мая [43]. Таким образом, цикл, связанный с расчисткой места и закладкой основания нового храма, поглотил более пятой части бюджета строительного подряда — 22%.

Следующий договор от 28 апреля 1714 г., полученный Л. Анофриевым вместе с частновладельческим крестьянином Ярославского уезда К. Семеновым, был посвящен строительству церкви Вознесения Господня в селе Чичкине Рязанского уезда, стольника князя А. И. Волконского. Ярусный храм сооружали от фундамента до отделки, т. е. от забивки свай и забутовки до «кирпичной тески» около окон, дверей и «по углам» восьмерика. Подрядчики сами закупали известь, а также решетки с подставами в окна. На закупки и другие цели Анофриев и Семенов из подрядных 120 рублей брали в задаток 20 рублей [44]. Заметим, что в предыдущем договоре на работы у московской Покровской церкви на Воронцовом поле, по которому стройматериалы обеспечивал заказчик, задаток в процентном отношении был вдвое меньше, поскольку шел лишь на выдачи денег наемным мастерам.

5 января 1717 г. Лука и Семен Анофриевы взялись выстроить в течение двух лет в вотчине вдовы тайного советника П. А. Толстого Соломонида Тимофеевны, селе Новом Дмитровского уезда, каменную церковь Покрова Богородицы с колокольней на «готовом буту» — фундаменте, который был заложен в 1714 г. другими мастерами. Сельский храм, строившийся, как уже говорилось, по образцу московской церкви Рождества Христова на Арбате, должен был иметь 10 сажений в длину и 4 в поперечнике, ярусную композицию — восьмерик на четверике с двусветным основанием, — трехчастную апсиду и небольшую бесстолпную трапезную, смежную с колокольней.

Подрядчики обеспечивали все стройматериалы: во-первых, организовывали изготовление кирпича на месте — чинили для этого сарай, заготавливали дрова «на кирпичную обжишку», во-вторых, поставляли известь, песок, белый камень, лещадь и черепицу на крышу, железные припасы — связи, решетки и подставы (кроме железных затворов, которые были заботой заказчика), подвязной лес и тес, кружальный и подвязной, посуду. Мастера — каменщики, кирпичники, вспомогательные работники и даже кузнец (обычно обеспечение кузнечных работ являлось прерогативой заказчика) — были привлечены также самими подрядчиками. Стоимость работ, «припаса» и «товара» составила довольно значительную сумму — 700 рублей. Объем обязательств, взятых на себя подрядчиками по закупкам, а также масштабность работ — факторы, предопределившие размеры задатка — 200 рублей [45].

Следующее усадебное строительство происходило по подряду от 10 марта 1718 г. Л. Анофриев возводил в вотчине стольника князя Л. Кугужева селе Куликове Каширского уезда церковь Николая Чудотворца, которая имела фундамент, заложенный до указа 1714 г. о запрещении каменного строительства. Храм, высотой от пола до сводов в две сажени, имел той же высоты трапезную, а также трехчастный алтарь. Стены храма делали «гладью», фасады украшали теской и резьбой. Подробностей, касавшихся порядка производства работ, в документе нет, известна сумма подряда — 65 рублей и запас [46]. Также известно, что строившийся храм представлял собой теплую нижнюю церковь, на которой в 1724 г. другие мастера подрядом возвели храм Живоначальной Троицы.

Лука и Семен Анофриевы, несомненно, пользовались спросом — подряд от 6 сентября того же 1718 г., заключенный с графом Ф. М. Кантакузиным задолго до начала строительного сезона, был посвящен сооружению в московском Николаевском Греческом монастыре двух каменных церквей — теплой, Успения Богородицы, и холодной, Николая Чудотворца, — которое было намечено на 1719–1721 гг. В целом заказанная постройка должна была копировать храм Варсонофьевского монастыря «с небольшою прибавкою» и иметь в длину 14 сажений, в ширину 6 сажений с аршином.

Подрядчики начинали работы с разборки стоявшей в монастыре церкви и битья свай в фундамент нового храма, а завершали каменной резьбой, украшавшей здание внутри и снаружи; они же осуществляли кровельные работы с использованием каменной лещади, а также делали полы. Штат мастеров, который включал каменщиков, резчиков, а также подсобных работников — носильщиков, творщиков извести, — подрядчики укомплектовывали сами, использовали также свои снасти. Заказчик же по московскому обыкновению занимался закупкой и поставкой кирпича, извести, песка, бута, глины, леса на подвязи и сводные круги, сваи, железа на связи, а также нанимал кузнецов к железному делу.

Подрядная цена была по меркам того времени чрезвычайно высока — 1500 рублей, к этой сумме добавлялись съестные припасы — по росписи на 100 рублей. В виде задатка Анофриевы взяли 100 рублей. В дальнейшем, в процессе строительства деньги на раздачу работникам подрядчики получали порциями «по работе глядя», с расчетом в целом по 500 рублей на год. Продуктовый запас был поделен на две части — «в начале застройки» предполагалось выдать половину, вторую половину — «на другой год как работа ж зачнетца» [47].

В целом деятельность Анофриевых, прослеживающаяся на довольно длительном временном отрезке и представленная значительным числом подрядных, связанных с производством крупных и очень крупных по деньгам и размаху строительных работ, протекала, главным образом, в сфере организационно-хозяйственных задач, которые они решали, подготавли-

вая и осуществляя процесс строительства через систему субподрядов. Хотя нельзя не отметить, что Л. Анофриев не отказывался и от сравнительно скромных заказов. При этом участие Анофриевых в исполнении заказов в качестве специалистов строительного дела на выделенном круге документов реально не просматривается.

Разбор договоров крупных подрядчиков позволил обнаружить целый ряд характерных организационных приемов в их деятельности. Например, если один из взятых заказов не исчерпывал деловой потенциал подрядчика, он мог браться за исполнение сразу нескольких работ, причем полностью совпадавших по времени. Каменных дел подмастерье Московской губернской канцелярии И. Д. Быков в 1725 г. сумел получить сразу 7 подрядов на мощение улиц в Москве общей площадью в 420 с половиной кв. саженей и стоимостью 314 рублей, при этом цена за мощение участка в одну кв. сажень колебалась в пределах от 23 алтын 2 денег до 26 алтын 2 денег. Работы Быков производил, используя свой закупленный заранее камень и другие стройматериалы, сам подбирая работников.

Среди крупных подрядчиков, участвовавших в частном строительстве в первой четверти XVIII в., надо упомянуть кадашевца Р. Щепоткина, который в XVII в. занимался поставками стройматериалов. В 1701 г. строил палаты на московском дворе Ф. Г. Хрушова (выявлены контракты Щепоткина, связанные с наймом каменщиков и поставщиков бута); а в 1703 г. — палаты на дворе И. П. Вельяминова с использованием «своих припасов» за высокую плату в 400 рублей [48].

К крупным подрядчикам в частном строительстве можно отнести еще одного жителя московской Кадашевской слободы, М. И. Сулова, который произвел ремонт зданий Кирилло-Белозерского подворья в Кремле в 1720 г. За поставленный кирпич, белый камень, черепицу, известь, лес, другие материалы, а также на наем мастеров он получил 600 рублей и продуктовый запас.

Определенная специфика наблюдается в условиях тех договоров, которые заключали подрядчики, имевшие и использовавшие при выполнении взятого заказа свою строительную профессию. Такие подрядчики не просто лично участвовали в работах, но осуществляли инженерно-техническое руководство строительным процессом. Однако наряду с архитектурно-художественными решениями творческого характера, им приходилось заниматься организацией поставок стройматериалов, подбором квалифицированной рабочей силы, т. е. хозяйственными вопросами.

Серией подрядных представлена деятельность каменных дел подрядчика, крестьянина сельца Алферово Великосольской волости Костромского уезда, владения князя А. Л. Долгорукова, Гаврилы Емельянова сына Деминского. Первый из обнаруженных в рассматриваемом комплексе документов контракт относится к 20 марта 1718 г. — это договор Г. Деминского со священником и прихожанами церкви Благовещения Богородицы

и великомученика Егория в городе Калуге на строительство на том же погосте каменной церкви с приделом и колокольной «против рисунка» московской церкви Иоанна Воина у Калужских ворот, «каков рисунок он, подрядчик, им [заказчикам] дал за рукою своею» (т. е., вероятно, образцовый храм был нарисован самим Деминским). Храм с алтарем, трапезной и приделом имел в длину 13 сажений, трапезная с приделом в ширину — 9, церковь — 6, алтарь — 5 сажений. Высота калужской церкви и колокольни должны были повторить высоту взятого за образец московского храма.

Работы предполагалось начать 28 июня 1718 г. с закладки фундамента, а завершить в 1719 г. отделкой стен и сводов, оформлением фасадов резными деталями в соответствии с представленным рисунком, а также раскраской церкви и алтаря «в кирпич». Подрядчик брался также покрыть кровли храма и колокольни лещадью.

Для выполнения всех этих работ Г. Е. Деминский должен был прийти на место со своими «работными людьми» — коллективом мастеров, который, включая его самого, состоял из 10 человек. Все необходимые стройматериалы поставляли заказчики, причем по условиям контракта, если «в припасах неотправлением» у исполнителей будут прогульные дни, то они получали по гривне на человека за день. Если остановка работ происходила по вине подрядчика, он выплачивал деньги заказчику по тому же тарифу (столько же брал в случае остановки работ стольник Ю. Б. Бибиков с подрядчиков, взявшихся строить церковь в селе Никольском Каширского уезда, и священник с прихожанами московской церкви Спаса Преображения в Наливках; подрядчик А. Ф. Путилова, строивший Воскресенскую церковь в селе Туме Владимирского уезда, владении стольника И. И. Леонтьева, брал с заказчика, «ежели какая учинитца остановка... за извесью или за кирпичем, или в ыном в чем... за прогульные деньги за всякой день на всякого человека работника по четыре алтына денег»).

Возвращаясь к калужскому контракту Деминского, отметим, что он включил себя в число каменщиков, которым причитались деньги за нерабочие дни, что, вероятно, может подтверждать факт его личного участия в строительстве, очевидно, в качестве руководителя. Не случайно в рассмотренных договорах и в дальнейшем ему поручали строить здания современной и модной тогда архитектуры. Как и Анофриевы, Деминский давал на 5 лет гарантии по постройке — если в течение этого срока «поруха или трещины в стенах и в сводах будет, или обвалитца», починка будет производиться им за свой счет (попутно отметим, что те же гарантии давали и подрядчики, строившие церковь в вотчине А. А. Черкасского, и в Шаровкине монастыре в 1719 г.).

Небольшой задаток в 10 рублей из подрядных 300 рублей Деминскому выдали в Москве, остальные деньги он должен был получать «посрочно» [49].

Заметим, что выдача определенной части подрядных денег при заключении договора на работы в провинции происходила довольно часто: задаток в Москве получил, например, подрядчик, строивший церковь в селе Высокая Поляна Шацкого уезда, вторую порцию ему дали по прибытии в вотчину, дальнейшие выплаты происходили по ходу подрядных работ.

Более крупный по деньгам, 500 рублей, и более трудоемкий по числу обязательств, связанных с обеспечением не только работников, но и кирпича, извести, бута, подряд (заказчик брал на себя, как это чаще всего бывало, лишь закупку железа на связи, решетки и подставки) Г. Е. Деминский получил 25 февраля 1719 г. от полковника Д. Ф. Еропкина в связи со строительством каменной церкви в его вотчине селе Грабцево Калужского уезда. Владелец усадьбы доверил Деминскому не только сооружение сложной конструкции — крестообразного в плане храма («ширина и длина... [со] стенами восемь сажень»), ярусной композиции (высота от пола до замка с восьмериком 6 сажень) с каменной главой, но также отдал на его усмотрение и вопросы, касавшиеся количества и размеров окон в храме, алтаря и трапезной [50].

Похоже, в рассматриваемый период Г. Е. Деминский не имел простоев в работе — подряд на строительство церкви в подмосковном сельце Соколове, владении А. И. Леонтьевой, он заключил 4 апреля 1720 г., правда, в паре с другим каменных дел подрядчиком крестьянином И. К. Ослоповым.

В качестве образца, как и при строительстве храма в Калуге, Деминский взял московскую постройку — церковь на дворе В. Ф. Салтыкова за Яузой, однако Знаменский храм сельца Соколова должен был быть несколько больших размеров. Мастера, помимо строительных работ, выполняли и кровельные — покрывали четверик и восьмерик лещадью, — и часть отделочных работ — делали каменную теску вокруг окон и дверей, кирпичную «выстилку» пола в церкви. Правда, подрядный перечень исключал штукатурные и резные работы («а до штукарства и до резьбы, и до подмаски до штукарные им, подрятчиком, дела нет»). Возможно, в других документах сдачу строительного объекта именно в таком виде называли «поставить в отделку» (Г. Алексеев именно таким образом сдавал свой заказ — Никольскую церковь в каширской вотчине Ю. Б. Бибикова). Знаменский храм строили из припасов заказчицы в течение одного сезона с оплатой в 100 рублей. Гарантии на постройку мастера давали на очень длительный срок — 10 лет [51].

Известно, что в 1725 г. Г. Деминский работал по казенному контракту — делал каменную мостовую на 75 сажнях против Отписных лавок, что у Пречистенских ворот, с оплатой в 175 рублей.

Таким образом, деятельность Г. Е. Деминского просматривается на протяжении 8 лет, в течение которых он стабильно получал большие заказы по индивидуальным (в одном случае с компаньоном) подрядам

и, следовательно, брал на себя в качестве подрядчика не только дополнительные обязательства организационно-хозяйственного характера, но имел и особые в сравнении с рядовыми каменщиками и артельными старшими дивиденды. Хотя нельзя не обратить внимания на характерную особенность контрактов Деминского — наем мастеров строительных специальностей был, как правило, в его компетенции, за обеспечение же стройматериалов он взялся лишь однажды. Особо необходимо отметить, что мастер строил храмы, ориентируясь на новомодные образцы московской архитектуры того времени, т. е. инженерный и художественный аспект в отданных ему на подряд работах был главным, при решении этих вопросов он использовал свои рисунки и чертежи.

Малоизвестные на московском рынке частных заказов строители, которые не располагали денежными накоплениями, возможно, не имели достаточного опыта и сноровки для получения интересных подрядов индивидуально, образовывали временные союзы, сохранявшиеся, как правило, лишь до окончания контракта.

В основе такого объединения могла лежать взаимная заинтересованность в специализации партнера. Например, К. Иванов и Р. Андреев, частновладельческие крестьяне Ярославского уезда, объединились в июне 1719 г. для получения подряда на строительство колокольни в подмосковной вотчине С. Д. Траханиотова селе Спасском. Изготовление кирпича и поставки других стройматериалов, в том числе белого камня, черепицы и даже железных связей, подрядчики брали на себя, о чем недвусмысленно было сказано в договоре: «А ему, господину, до того всякого припаса дела нет, кроме креста». Весь припас компаньоны собирались изготовить зимой и перевезти его к церкви, «где быть колокольне». Закладку фундамента Иванов и Андреев наметили на 1719 г., и процесс был подробно описан в договоре — в рвы «бить им сваи дубовые или, по нужде, сосновые, а буде сваи бить невозможно, и то, всеконечно, класть лежни дубовые, а на те сваи или лежни в тех рвах выбутить камнем диким, и как выбутят, и на тот бут класть им белый камень, чтоб от буту выкладено было на полтора аршина». Завершить работы мастера предполагали в 1720 г. [52]. (Здесь же отметим, что фундамент под церковь в селе Богатищеве Каширского уезда делали несколько иначе — в выкопанные «в матерой земле, кроме насыпной», глубиною в 3 аршина, шириной в 2,5 аршина рвы, которые были в два раза шире стены, предписывали на 1,5 аршина «буд набивать бабою гараздо плотно, а в ров под буд сваи не бить и лежнев не класть» [53].)

Надо сказать, что строительные подрядчики, даже те из них, которые имели квалификацию каменных дел подмастерья, при получении серьезных заказов, синхронных по времени и территориально отдаленных друг от друга, неизбежно должны были отказываться от личного участия в строительном процессе, по крайней мере на всех его этапах.

К. Иванов зимой 1720 г., несмотря на то, что у него продолжался двухлетний контракт 1719 г., заключил вместе с другим компаньоном, односельчанином Ф. Дементьевым, новый — на строительство церкви с колокольней в вотчине князя Н. М. Вадбольского селе Новобогородском Соловского уезда. Самым напряженным для подрядчика являлся предстроительный этап, т. е. период закупки и изготовления основных строительных материалов, подбора и найма мастеров. Очевидно, работы в селе Спасском в 1720 г. полностью перешли в ведение напарника А. Иванова Р. Андреева, а сам А. Иванов с Ф. Дементьевым были заняты организацией во владении М. Вадбольского временного кирпичного завода, на котором они собирались изготовить к подрядному строительству 200 тысяч штук кирпичей. Можно предположить, что Клим Иванов как по подряду у С. Траханиотова, так и М. Вадбольского, занимался организацией кирпичного производства, поэтому логика его деловых шагов во времени вполне понятна. Кстати сказать, напарник К. Иванова Ф. Дементьев в 1719 г. строил также вместе с частновладельческим крестьянином Ярославского уезда, Б. К. Горловым, церковь в подмосковном селе Леонове и т. д.

Нельзя не отметить, что особьй интерес представляют контракты тех подрядчиков, деятельность которых видна на ряде частных строек, причем в определенной динамике: выступая в начале карьеры в роли артельных старших, они вначале заключали договоры в коллективе и представляли перед заказчиком интересы «товарищей». С течением времени по мере накопления опыта, связей, расширялись их обязательства по договору, возрастал объем заказов и увеличивалась оплата, им удавалось порой получать и самостоятельный заказ, хотя не столь стабильно, как подрядчикам, уже зарекомендовавшим себя в области строительного предпринимательства.

Деятельность каменных дел подрядчика, крестьянина деревни Рыбницы Подгородного стана Ярославского уезда, стольника В. И. Апраксина, Ивана Купреянова сына Ослопова представлена в сфере частных строительных заказов девятью контрактами. Впервые его имя встречается в договоре от 8 апреля 1701 г., когда он во главе артели из 11 человек взялся строить на загородном дворе окольничего П. М. Апраксина каменные палаты. Подрядная запись не раскрывает объема и содержания работ, известна лишь сравнительно скромная оплата заказа — 40 рублей [54].

14 марта и 18 апреля 1702 г. И. К. Ослопов заключил два договора: один индивидуально, второй — в компании девяти человек, на строительство белокаменной церкви в вотчине стольника А. М. Апраксина сельце Стрелкове Московского уезда по чертежу, полученному от заказчика. Условия обоих контрактов сходны — оплата 65 рублей с продуктовым запасом, неустойка — 130 рублей. Очевидно, каменщики, которых удалось собрать И. Ослопову после получения им первого по времени подряда, не согласились на предложенные условия, т. е. на субподряд, и появил-

ся новый коллективный контракт — Ослопову теперь отводилась роль артельного старшего, а остальные становились равноправными участниками сделки. Церковь Николая Чудотворца предполагали построить к 1 сентября того же года.

Заказчик сам занимался организацией и координацией работ по сооружению храма. Помимо подрядов с каменщиками, он заключил еще три договора: в апреле 1701 г. на строительство «известной» печи и поставку белого камня и бута, в мае 1702 г. — на изготовление железных решеток, засовов и скоб, — отметим, из железа, припасенного самим же Апраксиным заранее; осенью 1702 г. — с иконописцами [55].

Продолжая разбирать договоры И. К. Ослопова, надо сказать, что в качестве подрядчика ему удалось 14 декабря 1703 г. получить контракт на строительство каменной церкви Преображения Господня с приделом на посаде города Боровска, правда, совместно с частновладельческим крестьянином Костромского уезда И. В. Опалихиным. Относительно условий договора можно отметить, что проблема изготовления кирпича лежала на подрядчиках, о чем свидетельствует контракт 1703 г. И. В. Опалихина с кирпичниками. Храм на посаде Боровска делали по образцу вотчинного храма в селе Уваровском Ярославского уезда стольника М. Ф. Философова, с той лишь разницей, что посадский должен был быть больше образцового в длину и ширину на сажень. Столь необычный выбор образцовой постройки можно попытаться объяснить тем, что уваровский храм был сооружен, скорее всего, в начале XVIII в., т. е. незадолго до строительства в Боровске, поскольку известно, что в 1701 г. в этом селе делали подрядом 50 тысяч штук кирпичей. Возможно также, что храм в селе Уваровском был знаком кому-то из подрядчиков, работавших в Боровске. Денежная оплата — 200 рублей — дополнялась довольно необычной продуктовой — «по хлебу з двора», плюс 10 четвертей ржи [56].

Неудачной оказалась попытка И. К. Ослопова выполнить собственный индивидуальный контракт, который он заключил 3 марта 1713 г. с обязательством разобрать и построить вновь со своими работниками каменную церковь с приделом в Успенском Шаровкине монастыре Перемышльского уезда с оплатой 75 рублей и запасом, в качестве доплаты 30 строителям с подрядчиком было предложено «есть и пить монастырскую брацкую пищу» [57]. Работы в полном объеме выполнены не были, возможно, по причине появления в октябре указа о запрещении каменного строительства или по другим причинам — в записи не указано, когда мастера предполагали завершить контракт, и храм достраивали подрядом в 1719 и 1723 гг. другие мастера.

В дальнейшем И. К. Ослопов работал опять по коллективным контрактам, в том числе дважды вместе с сыном Григорием и товарищами. Характерна для русского строительного дела наследственная передача технического опыта и познаний от отца к сыну, от старшего брата к млад-

шему [58] — явление, не раз зафиксированное и в подрядных первой четверти XVIII в.

19 января 1719 г. И. Ослопов с сыном и товарищами строил в селе Хрущеве (Перехвал) Данковского уезда по заказу А. К. Хрущева каменную церковь Спаса Нерукотворного образа с приделом Николая Чудотворца из своих припасов. Мастера, начинавшие работы с фундамента, должны были прийти на место 15 апреля и завершить строительство в течение двух лет. Храм с колокольной на двух столбах сдавали оштукатуренным и побеленным.

Кузнец из Приказа артиллерии, «крестовщик» Ф. Иванов, был нанят тогда же, 21 января, как было заведено, самим А. К. Хрущевым, и делал к церкви решетки, подставки, петли к дверям, замки, крючья лампадные, связи, золоченые кресты с яблоками — два резных на церковь и придел и один «гладинойкой» на колокольню. Мастер должен был поставить кресты на главы и «утвердить» [59].

Неизвестно, была ли построена в 1719–1720 гг. церковь в селе Хрущеве, но параллельно с этими работами, 22 сентября 1719 г., И. К. Ослопов с сыном и товарищами взяли еще один заказ у князя С. Я. Львова на строительство церкви Казанской Богородицы с приделом Сергия Радонежского и колокольной в селе Богородском Калужского уезда. Сразу надо сказать, что к выполнению контракта коллектив каменщиков во главе с Ослоповым даже не приступал, в 1721 г. Львов нанял других мастеров, которые начали строительство с фундамента.

Своеобразие условий договора на работы во владении С. Я. Львова, в сравнении с предыдущим, состояло в том, что строительство предполагалось осуществить из готового кирпича и припасов заказчика, а закладку фундамента подрядчики делали своими работниками — «а крестьян ево, князь Сергиевых, к тому церковному зданию для работы ни к чему не спрашивать» (в селе же Хрущеве заказчик давал крепостных на земляные работы). Несмотря на это, стоимость заказа, как и в договоре с Хрущевым, равнялась 130 рублям [60].

В 1720-е гг. И. К. Ослопов получал в качестве подрядчика довольно крупные заказы, правда, в 1720 г. его напарником на строительстве церкви в подмосковном селе Соколове, владении Леонтьевых, был опытный мастер Г. Е. Деминский (деятельность которого рассмотрена выше), а весной 1723 г. Ослопов работал вместе с крестьянином той же, что и он, деревни и владельца, вероятно, родственником, каменных дел подрядчиком, на счет которого был целый ряд крупных работ, И. Н. Ослоповым [61]. Договор был посвящен строительству каменной церкви Николая Чудотворца с приделом и колокольной, довольно больших размеров, в Николаевском Волосове монастыре Владимирского уезда. За работу подрядчикам причиталось 250 рублей [62].

Как видим, И. К. Ослопов относительно регулярно выполнял частные заказы, однако на протяжении более чем 20 лет практически все контракты он получал либо на коллективных началах, т. е. вместе с артелью каменщиков, либо с сильным напарником. Обеспечением стройматериалов, как правило, занимался сам заказчик. Вероятно, И. К. Ослопов, являясь квалифицированным специалистом, находился в рассматриваемый период в поисках и попытках получать самостоятельные индивидуальные подряды.

Все ступени от рядового каменщика до каменных дел подрядчика прошел крестьянин села Кузьминского Костромского уезда, вотчины Ипатьевского монастыря, Иван Панкратьев сын Лобач, который по мере увеличения объемов заказов и отказа от непосредственного участия в строительстве, привлекал для выполнения инженерно-технического надзора высококвалифицированных специалистов. В 1713 г. И. П. Лобач строил со своими «работными людьми» каменное строение на дворе гостиной сотни Ф. Козьмина и достраивал палаты по заказу А. Я. Шукина, в 1714 г. в роли рядового каменщика работал на строительстве палаток на дворе иноземца Г. Саулса по подряду И. Р. Щадрина. В том же году возводил по коллективному договору с товарищами за сравнительно небольшую сумму, 50 рублей, палатное строение на дворе подьячего И. Макарова в Москве. Однако в 1718 г. Лобач получил подряд на паях с крестьянином того же монастыря Д. Е. Ирхиным на сооружение из припасов заказчика, А. И. Тараканова, в подмосковном селе Черневе каменной церкви ярусной композиции лепесткового плана с большим числом оконных проемов в каждом ярусе, резным оформлением фасадов, т. е. исполнял заказ, требовавший больших знаний и мастерства и за довольно высокую плату — 230 рублей. А в 1722 г. И. Лобач взял индивидуальный подряд на реконструкцию палат на московском дворе И. И. Головина с оплатой в 250 рублей [63].

Особый круг составляли подрядчики, которые брались за выполнение небольших заказов, связанных со строительством зданий хозяйственного назначения или производством ремонтных работ; помимо этого, они привлекались субподрядами на определенные строительные циклы, а также вступали в сообщества с другими подрядчиками для получения более крупных, чем это удавалось в одиночку, заказов.

При анализе организационных структур, существовавших в частном строительстве в первой четверти XVIII в., нельзя обойти вниманием значительный комплекс договоров, связанных с работами на московском дворе ближнего окольничего П. М. Апраксина на Знаменке, который отражает одну из организационных форм, в которых строительный процесс происходил в это время. В течение 1701–1703 гг. заказчик от своего имени заключил 14 контрактов, в том числе с артелями строителей и отдельными мастерами разного профиля. Первый по времени в этой серии документов договор с каменщиками относится к 14 мая 1701 г. — П. М. Апраксин

нанял частновладельческого крестьянина Ярославского уезда каменных дел подрядчика С. Г. Билибина с товарищами, всего сорок человек, строить «кругом двора ограду и иное каменное строение» (17 мая новым контрактом численность строителей — «товарищей» Билибина — была увеличена до 60 человек). В тот же день, 14 мая, другим контрактом П. М. Апраксин подрядил еще артель каменщиков, частновладельческих крестьян Костромского уезда, для работ на том же дворе. Надсмотр над мастерами, работавшими у палатного строения, осуществлял в течение всего строительного сезона («лета») привлеченный контрактом от 18 марта 1701 г. специалист высокой квалификации — каменных дел подмастерье Приказа Большого дворца Кондратий Семенов сын Мымрин.

Строительство «больших» палат на Знаменке было завершено к марту 1702 г., когда работавший уже у П. М. Апраксина в 1701 г. С. Г. Билибин был вновь привлечен подрядом делать под кровли каменные граненые столбы и крыть кровли черепицей.

Резные работы из камня происходили параллельно со строительством — в марте 1701 г. тяглец Новомещанской слободы Д. И. Марков делал к палатному строению 35 каменных резных капителей по образцу тех, которые уже имелись у заказчика, а в апреле 1702 г. четыре тяглеца московских слобод во главе с жителем Голутвенной слободы К. Марковым — каменную резьбу.

Другие сопутствующие строительству работы производились по подрядам, заключенным с мастерами также самим заказчиком: кузнец, крестьянин Вознесенского монастыря П. Фадеев, был приглашен в апреле 1701 г. на изготовление связей, решеток, подставок и скоб и работал на дворе П. М. Апраксина до 1 октября, а в марте 1702 г. контракт на кузнечные работы из хозяйского железа и угля, но с использованием работников исполнителя, был возобновлен с тем же мастером.

В 1701 и в 1702 гг. П. Апраксин заключил два договора с крестьянином А. Федоровым на поставки из дворцового села Мячкова Московского уезда на его московский двор к палатному строению 760 ступенных брусков, 300 камней «на платы» и 740 лещадей, 400 ступенных камней, а также 300 бочек круховой извести.

В феврале и апреле 1702 г. тяглецы Гончарной слободы А. М. и И. М. Рудаковы по двум контрактам поставляли П. М. Апраксину из красной гжельской глины 20 тысяч штук изразцов и из синей — 40 тысяч штук, предназначавшихся для кровельных работ [64].

На отделочные плотничные работы — «мосты наместить и лавки положить» — в феврале 1703 г. П. Апраксин нанял двух крестьян из Галицкого уезда [65].

Таким образом, по затратам П. Апраксина на московское строительство можно сказать следующее: 310 рублей (плюс продукты) было выплачено каменщикам, 20 рублей за архитектурно-инженерный над-

смотр, 100 рублей за кровельные работы, 160 рублей резчикам, не менее 20 рублей кузнецам, 196 рублей 30 копеек поставщику камня и извести, 154 рубля поставщикам черепицы и 30 рублей плотникам, итого порядка тысячи рублей и продуктовый запас.

Рассмотренную схему организации строительства жилого комплекса в Москве применяли в рассматриваемое время и в провинции, в частности, князь Г. Ф. Долгоруков в связи с возведением в своей вотчине селе Подмоклове Тарусского уезда каменной церкви Рождества Богородицы. Первый контракт с каменщиками — артелью из 19 человек во главе с тяглецом московской Каменной слободы А. А. Опуриным и крестьянином дворцового села Красного Костромского уезда В. Александровым — был заключен 1 мая 1714 г. Сооружение оригинального «по церклю круглого» храма предполагалось произвести по чертежу и «по повелению» иноземного архитектора Лоренца фон Фикина из товара заказчика. Оплата строителей составила 300 рублей и продуктовый запас. Неизвестно, когда по договору предполагали завершить работы, но они были прерваны указом от 9 октября 1714 г. о запрещении каменного строительства. Недостроенная церковь по экспертизе 1716 г., произведенной голландским архитектором Елизарием Давыдовым Крафффортом, должна была стоять, однако вскоре «обвалилась». Новый договор от 28 мая 1717 г. заказчик заключил с коллективом из 51 человека во главе с тем же А. А. Опуриным. Вероятно, Г. Ф. Долгоруков, несмотря на разрушение здания, не имел претензий к Опурину, ведь храм простоял без перекрытий несколько лет и имел в 1716 г. в стенах расседины. Контракт 1717 г. содержал те же, что и ранее, упоминания о чертеже, а также товаре от заказчика, только оплата возросла до 500 рублей, а продуктовый запас был оценен деньгами в 130 рублей 50 копеек.

Однако и по этому договору А. А. Опурин с товарищами храм до конца не отстроил, и 5 мая 1718 г. Г. Ф. Долгоруков заключил следующий контракт с московским жителем, записным каменщиком, подрядчиком И. И. Каландиным и товарищами, всего 40 человек, объединенными круговой «друг по друге» порукой, с обязательством достроить в 1718 г. по чертежу «зачатую церковь по цыркулю круглую» под руководством иноземного архитектора капитана Андрея Шульца.

Оплата по договору составила 440 рублей, деньги выдавали исполнителям порциями — 50 рублей задаток, 50 — по завершении сооружения папертных перемычек, сводов и церковных стен до окон и т. д. Запись содержит подробное описание подрядных работ, в число которых входили и отделочные — штукатурка и побелка стен, выстилка папертных полов и др.

На резные работы, которыми руководил уже упоминавшийся архитектор А. Шульц, 9 апреля 1720 г. заказчик нанял записного каменных дел резчика подрядчика И. А. Зимина с семьей резчиками. За работу им по договору должно было быть выплачено 250 рублей.

Решение проблемы обеспечения стройматериалами, как и подбор специалистов, Г. Ф. Долгоруков также взял на себя. Изготовление кирпича он наметил на 1718 г., для чего в апреле нанял кирпичников из московских посадских людей делать в своем селе Подмоклове большой городской кирпич, 200 тысяч штук. Кузнец по условиям строительного договора 1718 г., как обычно, был заботой заказчика. Белый камень и бут Г. Ф. Долгоруков рассчитывал получить из села Мячкова к 19 мая 1719 г. [66].

В целом проект и по замыслу, и по обстоятельствам, сопутствующим его реализации, стал для Г. Ф. Долгорукова довольно дорогостоящим — в 1714 г. храм был частично отстроен, хоть и не завершен, но, вероятно, большая часть из 300 подрядных рублей и продуктовый запас все же были отданы исполнителям, контракт 1717 г., скорее всего, не получил реального воплощения в жизнь, так что его можно не учитывать при подсчетах, а вот деньги по договору 1718 г. — 440 рублей — наверняка были выплачены полностью. К этим цифрам надо прибавить 250 рублей, пошедших резчикам, 138 за кирпич, 247 за камень, в итоге получается сумма 1375 рублей. Эти деньги не покрывали всех расходов заказчика — упомянем хотя бы не включенные в общую цифру выплаты кузнецам, мастерам, работавшим над созданием церковного интерьера, архитекторам, которых оплачивали по отдельным документам, и др.

Итак, в течение первой четверти XVIII в. 105 строительных заказов, в том числе 73 в Москве и 32 за ее пределами, были взяты подрядчиками. Часть контрактов, главным образом крупномасштабные работы, связанные с сооружением значительных храмовых комплексов и палат представителей феодальной аристократии (34 договора), осуществляли подрядчики, которых можно условно назвать генеральными — они ведали всем комплексом вопросов, связанных с организацией строительного дела. Большую часть договоров выполняли подрядчики, обладавшие профессиональным мастерством, работавшие из материалов заказчиков (40 договоров; в остальных записях такого рода сведения отсутствуют). Иными словами, формирование подрядной системы шло по пути расширения ее применения и совершенствования форм, т. е. концентрации строительного производства в руках подрядчиков, стоявших во главе непосредственных исполнителей. Объем операций и масштабы деятельности подрядчиков увеличивались, что, естественно, вело к отказу от личного участия в работе.

Нельзя все же не отметить, что в рассматриваемое время в частном строительстве применялся и непосредственный найм заказчиками артелей каменщиков, кирпичников, резчиков и других мастеров. Именно по такой схеме было организовано сооружение 32 зданий в Москве и 16 за ее пределами — соотношение с теми заказами, которые были взяты подрядчиками, практически один к двум.

Итак, записи подрядных в книгах московских крепостных учреждений первой четверти XVIII в. довольно полно представляют не только структуру договорных отношений, но и само строительное производство в том виде, в котором оно существовало в ту пору в частном секторе.

Мастера строительных специальностей — условия найма, численность и состав. Подсобные работники

Сооружение и отделка каменных зданий по частным заказам в Москве и за ее пределами, в вотчинных усадьбах землевладельцев, в первой четверти XVIII в. происходили при участии большого круга наемных работников различных специальностей. Применение труда крепостных или дворовых по свидетельству рассмотренных подрядных встречалось только на подсобных работах или для транспортировки стройматериалов. Отсюда очевидно, что заказчики, не имея необходимого количества собственных специалистов в составе принадлежавших им крестьян, привлекали людей со стороны. В тех случаях, когда работы велись через подряд, организатор строительного производства — сам заказчик или привлеченный им для этих целей подрядчик — в первую очередь должен был заниматься подбором в необходимом количестве и определенных соотношениях мастеров разных профессий и квалификации. Надо отметить, что и сами коллективы: каменщиков, получившие строительный подряд, в процессе его выполнения в свою очередь могли привлекать на договорных началах работников различных специальностей.

Общее руководство масштабных и технически сложных строительных работ в ряде случаев осуществлял высококвалифицированный специалист строительного дела, нанятый индивидуальным контрактом. Каменных дел подмастерье К. Мымрин должен был «быть у каменного полатного строения» и смотреть «над каменщики» по договору с заказчиком П. М. Апраксиным, который вел комплексное строительство на своем московском дворе на Знаменке [67].

Архитектор Григорий Устинов в основном был занят в начале XVIII в. на казенных работах — на Новоденежном дворе, зданиях Судного, Адмиралтейского, Посольского и Малороссийского приказов. Однако в 1702 г. он был «у надсмотру полатного строения» на дворе Г. Д. Строганова за Яузой, параллельно вел реконструкцию палат на московском дворе Рязанского и Муромского митрополита Стефана Яворского с выдающейся по тому времени оплатой в полторы тысячи рублей. В частном строительстве Устинов при его таланте и известности, видимо, выбирал только наиболее выгодные для него заказы.

Иван Зарудный, по чертежу которого, как указано в подрядной, строили в 1719 г. кельи в Заиконоспасском монастыре, похоже, непосредственного участия в работах не принимал.

Запись констатирует, что строительство палат на дворе П. Ф. Соковнина шло под надзором архитектора, правда, имя его в документе не записано, однако сказано, что подрядчик в случае каких-то несоответствий строившегося здания чертежу и распоряжениям архитектора должен был переделать «за тою ж рядом».

Иностранные архитекторы упомянуты лишь в связи с работами в селе Подмоклове, где Лоренц фон Фикин руководил строительством церкви в 1714 г., а ему в подчинение было дано 22 каменщика, нанятых контрактом, которым предписывали «во всем... быть ему, иноземцу, послушным». В 1718 г. в том же Подмоклове работы возглавил другой архитектор, иноземец Андрей Шульц, а в его распоряжении находилось 40 каменщиков и 8 резчиков.

В целом упоминания в частных договорах имен архитекторов или просто ссылки на их присутствие на строительстве единичны. Вероятно, более характерной была ситуация, когда такое руководство вел сам каменных дел подрядчик или артельный старший. Например, артель из 15 человек, нанятая делать «каменное дело» в селе Хлевине Боровского уезда, вотчине Г. И. Головкина, руководствовалась в работе предписаниями заказчика и приказами подмастерья.

Численность мастеров строительных профессий, обретавшихся в Москве в поисках частных заказов, была довольно значительной, о чем свидетельствуют заключенные в Москве подрядные договоры на работы в самой Москве, ее ближайшей округе и даже довольно далеко за пределами Московского уезда. Однако определение общего числа мастеров-строителей, предлагавших свои услуги на рынке частных заказов в Москве и получивших подряды в первой четверти XVIII в., сопряжено с большими трудностями, которые порождены как самой спецификой найма, так и особенностью оформления подрядных и наемных записей. Каменщики, как и некоторые другие квалифицированные специалисты, например, кирпичники, в силу особенностей характера труда, требующего коллективных усилий, по одному не нанимались. Получить строительный подряд они могли лишь объединившись в артель с коллективной ответственностью за результат труда. Объединение членов артели на началах товарищества скреплялось в документах круговой поручкой, хотя гарантами по договору могли выступать и поручители со стороны.

Старший артели представлял при заключении договора ее интересы и брал определенные обязательства по выполнению условий найма [68], главными из которых были обязательное личное участие членов артели в работах по контракту, завершение работ в определенном договором срок на высоком профессиональном уровне с должным качеством (хотя

в подрядных требования к качеству работ обычно были сформулированы в самом общем виде — «делать самую мастерскую чистою и крепкою работою», строить «чисто и гладко... без охулки», «добрым мастерством, а не плохим» и т. д.).

Артельные старшие следили за дисциплиной: за прогул к каменщикам применяли денежные санкции, им не просто не платили за эти дни, а высчитывали по гривне за день с каждого (речь об этом шла в связи с разбором деятельности Г. Е. Деминского и его работой в Калуге).

Особенностью строительных работ был их сезонный характер. Начало чаще всего приходилось на середину апреля «после снятия полых вод», окончание — на Семенов день (1 сентября) или на Покров (1 октября). Хотя обычно дату начала работ в документе не указывали, но все же известно, что к строительству церквей в селе Богатищеве Каширского и селе Хрущеве Данковского уездов мастера предполагали прийти 15 апреля. Чаще всего относительно сроков было сказано — делать «нынешним летним временем сего ж году».

Естественное желание заказчика удержать нанятых квалифицированных каменщиков и мастеров других профессий до окончания работ способствовало выработке соответствующих условий в контракте, главным из которых являлась неустойка. Она встречается в договорах, связанных с наймом значительного числа каменщиков на большие работы, которые происходили, например, в подмосковном селе Рождествене А. И. Иванова (33 каменщика — стоимость подряда 200 рублей с продуктовым запасом, а неустойка — 600), в Москве у церкви Ильи Обыденного за Пречистенскими воротами (30 человек — стоимость подряда 250 рублей с продуктовым запасом, а неустойка — 300), на дворе А. Д. Меншикова (23 каменщика — стоимость подряда 220 рублей с продуктовым запасом, а неустойка — 300), П. Е. Возницына, П. М. Апраксина, П. А. Лопухина и др. Обычно в документе указывалась неустойка по подряду в целом, однако Г. Д. Строганов в своем договоре с работавшими на его загородном дворе каменщиками назначил неустойку на каждого в отдельности в размере 3 рублей. На них было также наложено обязательство «то дело не доделав, к иному прочему не отойтить». Отметим, что «неотходно» должны были работать и каменщики во главе с И. Каландиным в Подмоклове [69].

Понятно, что самый главный и многочисленный отряд квалифицированных работников на стройке составляли каменщики. При коллективном найме в договоре всегда называли артельных старших, сведения об остальных участниках сделки, так называемых «товарищах», их имена, место жительства, социальный статус и даже их численность давали далеко не всегда, и чаще всего не полностью. Попутно отметим — если «товарищами» в записях именовали полноправных членов временных сообществ, образованных под взятый подряд, то работными людьми могли быть названы, например, в договоре каменных дел подрядчика И. П. Лобова на работы

на дворе Ф. Козьмина, каменных дел мастера, а в подрядной записного каменщика П. Рукавишника на строительство палатки на дворе И. Могутова упоминаются используемые им для проведения работ «свои каменщики и работные люди». Возможно, «работные люди» — это не квалификация, а статус, т. е. в основе применения этого понятия, может быть, лежит вариант юридического оформления отношений — письменный или устный.

Общее количество каменщиков, работавших по частным заказам, имена которых удалось выявить в подрядных записях первой четверти XVIII в., составило 556 человек. Надо сказать, что приводимые цифры не отражают в полной мере существовавшей в реальности картины, поскольку договоры заказчиков с каменных дел подрядчиками, как правило, лишь констатировали то обстоятельство, что подрядчик привлекал к работам «своих работных людей», а артельные старшие, заключавшие контракты от имени артелей, называли остальных просто «товарищами», численность которых, как уже говорилось, нередко в тексте записи не указывали. Тем не менее произведенные подсчеты дают представление об общих тенденциях в рассматриваемом процессе формирования кадров мастеров строительных специальностей, занятых на частных стройках первой четверти XVIII в.

Каменщиков, названных в коллективных договорах поименно, с указанием их социального статуса и места жительства, насчитывается 391 человек, т. е. более двух третей от общей выведенной цифры. Большинство из них составляли крестьяне, 311 человек (80%), из которых частновладельческих — 183. Выделяются как поставщики мастеров строительных профессий вотчины И. Ф. Барятинского, В. И. Апраксина, И. А. Голицына, Ф. А. Опухтина Ярославского уезда. Монастырских крестьян насчитывалось 73 человека, главным образом из вотчин Ипатьевского и Чудова монастырей Костромского уезда и Преображенского Спасского монастыря Ярославского уезда; дворцовых — 37 человек, главным образом из дворцовых сел Вятское и Красное Костромского уезда, и, наконец, 18 человек — это архиерейские, патриаршие и синодальные крестьяне.

Нельзя не отметить, что уезды, которые формировали квалифицированные строительные кадры для частной стройки, относились к числу районов, традиционно поставлявших мастеров строительных специальностей. Это Ярославский уезд, 149 человек, и Костромской — 127 человек [70]. Из других регионов — Московского, Дмитровского уездов — приходило искать работу в Москву всего 10 % от общего числа выявленных каменщиков. Количество московских дворовых людей незначительно.

В числе городских мастеров, 71 человек, были каменщики (12), записные каменщики (6), каменных дел подрядчики (8), также резчики (10); тяглецы московский слобод (27) и посадские люди других городов (8).

Таким образом, основной контингент строителей формировался из крестьян-отходников нечерноземных уездов Центральной России, кото-

рые были на оброке и полностью или в значительной степени покрывали свою часть феодальной ренты из заработков на стороне.

В общее число при подсчете включены каменных дел подрядчики, поскольку уверенно выделить среди них предпринимателей, не имевших строительной профессии и занимавшихся по всем контрактам исключительно организационно-хозяйственными вопросами, на собранном материале довольно сложно, а те из них, которые все же могут быть отнесены к этой категории, по причине малочисленности не изменяют общей картины. Тем более, что детальный анализ подрядных подтверждает в целом тезис о профессиональной преемственности и высоком уровне развития строительного мастерства среди крестьян указанных регионов, т. е. подавляющее большинство каменных дел подрядчиков, получавших подряды у частных заказчиков, вышли из рядовых каменщиков.

Надо сказать, что число каменщиков, привлеченных на то или иное строительство, находилось в естественной зависимости от объема планируемых работ, а также сроков, в которые эти работы должны были быть произведены.

Важно отметить, что сооружение взятого на подряд храма в провинции нередко шло два года (16 строительство), наем же каменщиков осуществлялся, как правило, на сезон. При этом работы, продолжавшиеся на следующий год, обычно выполняли другие мастера, нанятые новым договором (исключение составляет подряд И. К. Ослопова с товарищами на строительство Спасской церкви в селе Хрущеве Данковского уезда).

Необычен на фоне рассматриваемых документов и контракт князя В. Ф. Долгорукова 1701 г., которым он повторно нанял мастеров, работавших у него в селе Канобеево Коломенского уезда на строительстве церкви в 1700 г. [71]. В остальных случаях состав артелей, приглашенных к одному и тому же строительству в разные годы, не совпадал. Интересно отметить, что артель из 19 человек, нанятая во главе с подрядчиком А. А. Опуриным к строительству церкви в селе Подмоклове в 1714 г. и коллектив, включавший 51 человека, приглашенный под его же началом к тем же работам в 1717 г., совпадала, исключая самого Опурина, всего на три человека; в артелях, нанятых к тому же строительству в 1718 г., из предыдущих двух работало 4 человека.

Большой комплекс строительных работ на дворе П. М. Апраксина в 1701 г. выполняло более 70 каменщиков, нанятых по двум контрактам, и артель с неопределенным числом товарищей; Г. Д. Строганов привлек к работам на своем дворе в 1702 г. 39 человек; строительство палат у других заказчиков осуществляли артели меньшей численности — по 15 человек работало у П. Ф. Соковнина и А. Кравкова; 14 — у Ф. Козьмина, 13 — у И. Горохова, 11 — у Ф. Г. Хрущова. Хотя, возможно, существовали не попавшие в записные книги другие контракты, которыми были задействованы дополнительные артели каменщиков.

Церковь в вотчине А. И. Иванова в сезон 1702 г. строило 33 каменщика, столько же привлекли к сооружению придела церкви Петра и Павла в Москве. Строительство храма в подмосковной усадьбе А. П. Протасьева селе Валееве вели 20 каменщиков, столько же в селе Богатищеве Г. Г. Скорнякова-Писарева; в селе Майданове Клинского уезда, владении А. И. Нарышкина, — 19, в селе Немцове Алексинского уезда, владении И. Нарышкина, и подмосковном селе Стрелкове А. М. Апраксина — 10 каменщиков и т. д.

По квалификации обычно различали каменщиков первой и второй руки. Каменщиков «лучшего мастерства» ставили на окна, арки, своды [72]. Наиболее высокой квалификацией обладали записные каменщики, их всегда выделяли из общего числа «товарищей», а наиболее искусными из записных ремесленников считались московские каменщики [73] (например, Иван и Григорий Каландины, строившие храм в селе Подмоклове Тарусского уезда, и др.).

Оплата каждого члена артели зависела от его квалификации, специализации, других причин. Из 39 каменщиков, работавших у Г. Д. Строганова, 22 человека получали по 2 алтына «на день деловой», а 17 — по 10 денег. Упомянутая уже как средство удержания каменщиков на работе неустойка — по 3 рубля на каждого — соответствовала жалованью за 50–60 дней квалифицированного строителя, а задаток в размере 40 алтын был выдан более высокооплачиваемым мастерам и по рублю — остальным. Часть каменщиков, 15 человек, делавших «каменное дело» в вотчине Г. И. Головкина в Боровском уезде по договору 1701 г., получали каждый по рублю на месяц, другие, нанятые договором в 1702 г. — по 40 алтын, т. е. порядка 7–8 денег в день. Из 5 человек, соорудивших главу и спуски на церкви В. Ф. Долгорукова в селе Канобееве, двое получали по 3 алтына 2 деньги (20 денег) в день (оплата, превышавшая обычное дневное жалованье каменщика вдвое), остальные — по 2 алтына 4 деньги. Хотя сведения об оплате членов артели единичны, так как в договоре, как правило, указывали стоимость подряда в целом, можно все же сказать, что оплата каменщиков колебалась обычно в пределах от 8 до 12 денег в день [74].

Своеобразная форма оплаты была применена при строительстве Успенской церкви в Архангельской пустыни Вологодского уезда — из расчета пошедшего в дело кирпича, 50 тысяч штук, ценою по 28 алтын 2 деньги за тысячу, т. е. мастера получили за работу всего 42 рубля 50 копеек. Ту же систему оплаты использовали при строительстве церкви Рождества Богородицы в городе Белеве — 23 алтына 2 деньги с тысячи штук пошедших в дело кирпичей.

Каменщики, работавшие на московском дворе А. Д. Меншикова, получали выплаты понедельно — хотя они и привлекались на работы подрядом, но функционировали в рамках организационной системы,

отличной от той, что применяли в частном строительстве, поскольку часть квалифицированной рабочей силы поставлялась по разверстке.

Артели по своему сословному составу могли быть однородны: дом на дворе Г. Д. Строганова в Москве строила артель из 20 крестьян-каменщиков ярославской вотчины Ф. А. Опухтина, а придел церкви Петра и Павла — 31 крестьянин дворцового села Красного Костромского уезда. В других случаях членами временных коллективов могли стать люди из разных мест и «розных чинов».

Итак, коллективный наем каменщиков осуществляли заказчик или подрядчик (не исключал возможности нанять от себя на рядные деньги «в прибавку каменщиков по рассмотрению» для отделки строившейся в Подмоклове церкви артельный старший И. Каландин с товарищами).

Инициатор сделки оплачивал членов артелей из подрядных денег, а, следовательно, определял им условия найма и, в том числе, объем и характер подрядного строительства, порядок проведения работ, оплату.

К числу высококвалифицированных специалистов, которых довольно часто привлекали в рассматриваемое время к строительным работам в Москве и провинции, относятся резчики по камню. Резьба, как о том свидетельствуют описания подрядных построек, как правило, в том или ином объеме была включена в перечень работ, связанных с сооружением церкви или палат (или исключена из него, что специально оговаривалось в документе). Характер поставленных задач определял организационную форму их решения. Резчики могли быть наняты артельно (палаты на дворе П. А. Апраксина, 1702 г., церковь в селе Подмоклове) или индивидуально, когда объем планируемых работ был невелик (те же палаты на дворе Апраксина, 1701 г.). Однако такие контракты единичны, хотя сведения о том, что резчики участвовали в строительном процессе, имеются, в частности, в договоре заказчика с каменных дел подрядчиком на строительство церкви в Николо-Греческом монастыре в Москве, где сказано, что «всякую резьбу надлежащую в тех церквях во внутри и снаружи, опричь приличных штук и перил» и колокольни, «которая будет без резьбы, а будет с обычайными только тесками, каковы и в коем месте указано будет»; каменотесные работы должны были произвести мастера у окон и дверей и по углам восьмерика Вознесенской церкви села Чичкина Рязанского уезда. А в договоре на строительство церкви в селе Богородском Калужского уезда С. Я. Львова прямо сказано, что строительный подрядчик нанимал и оплачивал резчиков из своего кошта.

Известны некоторые расценки на работы резчиков — Д. И. Марков получал по рублю за каждую резную капитель, сделанную на дворе П. А. Апраксина, 8 резчиков, работавших у Г. Ф. Долгорукова в Тарусском уезде, должны были получить 250 рублей, но они не исключали, что им придется, «смотря по работе для отделки означенной резьбы мастеров... принанять на те ж деньги собою». Каменотесы у строившейся

церкви Архангела Гавриила в Москве, в 1702 г. получали в марте—апреле по 2 алтына человеку на день, а в мае—августе — по 2 алтына 2 деньги (то ли спрос на мастеров в разгар строительного сезона увеличивался, то ли долгота дня) — оплата, сопоставимая с дневным заработком каменщиков. При строительстве палат П. Ф. Соковнина предполагалось за каменную и кирпичную теску над дверями, окнами и по верху стен брать по 8 денег с аршина.

В число специалистов, необходимых при производстве строительных работ, входили кузнецы. Кузнецов, как правило, нанимали индивидуально — в выявленных подрядных удалось обнаружить семь человек этой профессии, в их задачи входила связка, сварка, «запилка» железных деталей, т. е. производство «всякого кузнечного дела, что понадобится». Кузнечную работу на месте строительства церквей в вотчинах С. Я. Львова и А. К. Хрущева производили те же кузнецы, которые и изготавливали для них железные детали. В помощь себе кузнец, работавший на дворе П. М. Апраксина в Москве, привел мастера, которого оплачивал из своих подрядных денег — по 3 рубля 50 копеек в месяц.

Наем кузнеца к работам в село Подмоклово, в московский Николо-Греческий монастырь, как и в предыдущих случаях, был произведен заказчиком. Это наиболее распространенный способ привлечения мастеров данного профиля, хотя в некоторых случаях такими вопросами занимался подрядчик — при строительстве палат А. И. Нащокиной в Москве (правда, «железо, сколько понадобится, [было] господское»), церкви в вотчине П. А. Толстого.

Основной контингент мастеров, участвовавших в кирпичном производстве на временных кирпичных заводах, составляли кирпичники. Их, как и каменщиков, нанимали подрядчики—обжигальщики артельно, хотя документы найма кирпичных формовщиков для работ на временных кирпичных заводах в вотчинах частных владельцев единичны.

Об участии плотников в строительстве каменных зданий свидетельствуют договора, посвященные изготовлению оконных наличников, полов и лавок в новопостроенных палатах. Хотя в контракте на строительство каменных палат на дворе вдовы М. И. Нащокина сказано — «работа плотнишная... наша, подрядчиков», 7 человек работников и плотников нанимали от себя каменщики, работавшие во главе с И. И. Каландиным у Г. Ф. Долгорукова. А вот заказчик В. Ф. Салтыков сам обеспечивал плотников тому же И. И. Каландину, строившему каменную церковь в его вотчине селе Кимрах Кашинского уезда.

Помимо специалистов, на всех строительных работах применяли работников, которых можно назвать вспомогательными. Они исполняли операции, не требующие высокой квалификации, как, например, «творка извести». Обычно людей для этого поставлял подрядчик строительного дела или артель. Оформление найма творильщиков извести отдельным

договором встречено лишь дважды — в первом случае при возведении церкви в козельской вотчине Д. А. Бестужева-Рюмина, когда подрядчик С. Г. Билибин нанял двоих крестьян готовить и носить известь на дело в течение всего строительства «до отделки»; во втором — при реконструкции церкви Ильи Обыденного в Москве: артельный старший каменщиков, получивших подряд на эти работы, нанял «творить известь» четырех крестьян. Плата была установлена в первом случае по 5 алтын, во втором — по 6 алтын 4 деньги с творила.

Подсобных работников широко использовали на трудоемких черновых работах, связанных с разборкой старых зданий, а также на земляных и подобных работах при закладке фундамента, для подвоза и подноса стройматериалов.

Выполнение так называемого «нулевого» цикла чаще всего, как и расчистка места под новое строительство, входило в общий перечень работ, однако иногда эти операции производили по специальным и отдельным от основного строительного контракта договорам. В Москве крестьянин Галицкого уезда вотчины В. Наумова М. С. Лепехин с товарищами, всего шесть человек, разбирали в 1703 г. стоявшие на дворе М. П. Гагарина каменные палаты и копали рвы под строительство новых. Тот же Лепехин разбирал и старую церковь Архангела Гавриила на Поганом пруду. Отдельным договором были наняты работники на закладку фундамента церкви Николая Чудотворца за Тверскими воротами, а также на дворах Хрущовых.

Мастера, взявшиеся строить новое здание церкви Петра и Павла у Яузских ворот, подрядили от себя людей разбирать стоящую на этом месте старую постройку, причем на эти работы они ассигновали из своих подрядных 130 рублей (9 %) [75]. Неустойка в 20 рублей, назначенная в договоре, свидетельствовала о значении, которое придавали каменщики выполнению этого этапа работ в срок, от него зависели последующие фазы строительства. Нельзя не отметить, что надсмотр за процессом закладки фундамента при производстве работ по общему строительному контракту осуществлял сам подрядчик.

Наемные работники, использовавшиеся на неквалифицированных работах — засыпка щебня и земли в фундамент, литье воды в творила, очистка помещений от щебня, подвязка подвязей и др. — оплачивались в конце XVII в. по 6–10 денег в день [76]. Подрядчик Л. Анофриев на строительных работах в церкви Покрова Богородицы на Воронцовом поле в 1713 г. использовал своих работных людей для того, чтобы брать воду из колодца.

В условиях вотчинного хозяйства работы, связанные с закладкой фундамента, порой исполняли крепостные заказчика. В договор на строительство Спасской церкви с приделом в данковской вотчине А. К. Хрущова было включено условие — «рвы копать и сваи бить ево, [заказчика] работники, а указывать» подрядчику. В дальнейшем разрешалось привле-

кать крестьян заказчика по десяти человек (запись не уточняет, на какие работы и сроки); в подмосковном селце Соколове при сооружении кирпичной «выстилки» пола в церкви поднос земли производили крестьяне заказчицы. С. П. Долгоруков в селе Богоявленском Крапивенского уезда давал строителям храма своих работников с лошадьми для подвоза воды (1713 г.). Крепостных широко использовали в вотчинах А. И. Волконского — крестьяне на своих подводах доставляли известь, купленную подрядчиками, к церковному строению в его селе Чичкине Рязанского уезда; Л. С. Кутушева — крепостные князя *подвозили* песок, воду, известь к творилу, кирпич к церкви, а вот *подносили* к строительству кирпич, известь, воду работники подрядчиков (логика вполне понятна — нанятые подрядчиком телеги удорожали бы строительство, в то время как заказчику в собственных владениях это ничего не стоило); Н. Ф. Боркова и др. То же и в Москве — воду к строительству палат на дворе П. Ф. Соковнина в Москве должны были черпать из колодца каменщики, а если вода кончится, подвоз предстояло организовать самому заказчику, обеспечив для этого людей, очевидно, из дворовых, и транспорт.

Заказчики давали своих крепостных подрядчикам и при изготовлении в усадьбе кирпичной продукции. На подготовительном этапе крестьяне также выполняли земляные работы — выкапывали ямы и приямки для строившихся печей, сооружали сараи для просушки сырца и крытые дранью шатры над печами, также делали станки для формовки кирпича и чаны из липового дерева. Например, для изготовления кирпича к церкви в селе Бремболе Переславль-Залесского уезда, каменных дел подрядчик И. Г. Жданов должен был получить от заказчика, Н. Ф. Боркова, готовые кирпичные сараи и кровли над обжигальными печами. Г. Ф. Долгоруков, М. П. Гагарин, М. В. Собакин, А. И. Волконский обеспечивали рабочую силу для подвоза глины, воды, песка, а также кирпича к печам и сараям, в каких-то случаях заказчик давал лишь подводы. Любопытная деталь — на формовку 100 тысяч штук кирпичей песок и воду мог навозить один человек на одной телеге с лошадей.

Заготовкой дров в сельских усадьбах занимались те же крепостные, используя лесные угодья заказчика.

Таким образом, труд местных крестьян в общем процессе, связанном с производством кирпича, носил вполне определенный характер. Хотя он касался лишь вспомогательных звеньев и мог быть приравнен к труду ярыжных на московских заводах, но заказчику был чрезвычайно выгоден, так как существенно снижал себестоимость кирпича, а подрядчика освобождал от поиска и найма подсобных работников в Москве. Во втором десятилетии XVIII в. положение вещей несколько меняется. Суть перемен состояла в том, что факты использования крестьян заказчика на подсобных работах встречаются все реже и реже. Подрядчик К. Иванов при выполнении заказа в подмосковном владении С. Д. Траханистова в 1719 г.

делал сараи, крыл их дранью, перевозил кирпич, обеспечивал дрова для обжига и т. п., т. е. делал все те операции, которые в начале века исполняли крепостные. В соловской вотчине Н. Вадбольского подрядчик сам заготавливал глину, у П. А. Толстого в Московском уезде работники Т. Захарова подвозили песок и воду формовщикам, сам подрядчик обеспечивал и деревянные снасти, «чем кирпич делаетца», а во владимирской вотчине П. С. Салтыкова подрядчик яму для печки копал «своими работными людьми».

Сказанное о переменах в организации кирпичного дела имеет прямое отношение и к самому строительному производству — бить сваи, бутить, кирпич, камень, известь, песок и воду на работу носить, в творилах известь творить, подвязи подвязывать и кружала делать должны были сами строители, работавшие в 1718 г. в подмосковном селе Юдине. А в записи И. К. Ослопова 1719 г. на строительство церкви в вотчинных владениях С. Я. Львова специально подчеркивалось, чтобы подрядчик у заказчика «крестьян не спрашивал».

Итак, частное строительство было основано на использовании наемных работников, причем разделение труда достигло значительного развития: среди занятых в этих отраслях производства мастеров насчитывалось более 15 специальностей. Выделяются кадры высококвалифицированных специалистов: каменных дел подмастерья, резчики, кузнецы, специалисты, осуществлявшие оформление церковных интерьеров и внутреннюю отделку жилых помещений; разной квалификации каменщики могли иметь определенную специализацию; широко применялся труд подсобных работников. Деление по уровню квалификации наблюдалось внутри всех основных профессий.

Среди представленных форм найма выделяются коллективные контракты, которые использовали для привлечения каменщиков и кирпичников, индивидуально нанимали таких специалистов, как кузнецы, резчики по камню, потребность в которых на том или ином строительстве была, как правило, очень ограниченной.

В целом использование труда крепостных или дворовых людей заказчика в частном строительстве, в особенности во втором десятилетии XVIII в., нельзя считать широко распространенным явлением.

Изготовление и поставки стройматериалов

Заготовка стройматериалов — важнейшая задача, стоявшая перед организатором строительных работ из камня. В перечень основных материалов входили: кирпич, известь, белый камень, бут, черепица, песок, глина, подвязной и кружальный лес, дубовые связи, лежни и «железные припасы».

В XVI—XVII в. заготавливать весь стройматериал было принято заблаговременно, до начала строительных работ [77], в начале XVIII в. в частном строительстве не было единого правила — заготовки и изготовление кирпича, извести и других материалов происходили как до начала самих строительных работ, так и в процессе их производства.

Порядок обеспечения так называемого «товара» и «припаса» к строящимся зданиям не имел определенного стандарта: кирпич и известь чаще заготавливали вблизи самого строительства, в ряде случаев весь ассортимент поставляли из мест производства и добычи.

Стройматериалы при производстве работ по частным заказам мог обеспечивать как сам заказчик, так и подрядчик строительных работ, в исключительных случаях какими-то закупками занималась получившая подряд артель каменщиков. Основной алгоритм решения вопроса был следующий: подрядчики и субподрядчики соответствующего профиля привлекались через договор для организации временного кирпичного завода или строительства «известной» печи; часть ассортимента стройматериалов поступала на место через закупки. В ряде случаев все стройматериалы приходили с рынка или были заготовлены заказчиком заранее.

За первую четверть XVIII в. в связи с производством и поставками стройматериалов удалось выявить 176 подрядных договоров, из них несколько меньше половины — 76 контрактов — связано со строительными работами в Москве, остальные 100 — с работами в близлежащих уездах. Основное число крепостей связано с обеспечением кирпича, белого камня и извести; поставки черепицы и изделий из железа по договорам немногочисленны (см. перечни 9, 10).

Изготовление и поставка кирпича, основного строительного материала для палатного строительства в Москве, а также церковного в Москве и в подмосковных усадьбах столичной знати, представлено в рассматриваемом комплексе документов соответственно 23-мя и 65-ю контрактами.

Надо сказать, что кирпичное производство — это особая отрасль строительного дела, которое в условиях вотчинного хозяйства (41 заказ) имело свою организационную и производственную специфику. Кирпичные заводы возникали в усадьбах, обычно в связи с конкретным строительством и чаще всего исчезали или приходили в запустение вместе с окончанием работ [78].

Главным организатором временного кирпичного завода в сельских условиях был специально нанятый для этих целей подрядчик-обжигальщик (один или с компаньоном), который приходил к месту проведения работ со своим, подобранным заранее составом работников, кирпичников. Он же решал, как правило, все или большую часть вопросов, связанных с обеспечением подсобной рабочей силы. Подрядчик создавал средства производства — кирпичные сараи, обжигальные печи, — обеспечивал поставки или подвоз необходимого для изготовления кирпича песка, гли-

ны, воды, а также дров для обжига. Инструменты и снасти подрядчики приносили с собой или получали от заказчика.

Обычно контракт со специалистами, создававшими кирпичное производство, заключал сам заказчик, однако в некоторых случаях строительный подрядчик в своем договоре с заказчиком обуславливал порядок изготовления кирпичной продукции, включая ее производство в перечень взятых на себя обязательств. Частновладельческие крестьяне Ярославского уезда К. Иванов и Р. Андреев, подрядившиеся строить колокольню в селе Спасском С. Д. Траханиотова с условием обеспечить весь припас, делали и кирпич — сами строили кирпичные сараи, правда, из леса заказчика, крыли их своей дранью, изготавливали сырец своими работниками и обжигали, используя собственные дрова. Тот же К. Иванов с Ф. Дементьевым делали кирпич на церковь в Соловском уезде, которую они взяли на подряд у князя Н. М. Вадбольского.

Первоочередной задачей кирпичного подрядчика, приглашенного на работу в сельскую усадьбу, как правило, являлось сооружение новых или приведение в рабочее состояние имевшихся обжигальных печей. Таких печей требовалось обычно две-три, их делали из первой порции сырца, сформованного приступившими к делу кирпичниками (в подмосковном селе Софеине М. П. Гагарина для починки старых печей и сооружения новой потребовалось 6 тысяч штук кирпичей) [79]. Кирпич, который пошел на печи, в начале века засчитывали в подрядный, а во втором десятилетии XVIII в. он был не «в счет» заказного. Так же как собственно само строительство печей, некоторые другие работы, печной кирпич — входили в общую стоимость заказа и не оплачивались специально.

Ситуации, когда подрядчик приходил на работы к действующим кирпичным заводам, в рассматриваемом комплексе документов встречаются довольно редко — такие заводы существовали, в частности, в рязанской вотчине М. Ф. Грушецкого, а также в селе Бронницах Коломенского уезда и на заводах П. Рюмина в Рязанском уезде.

Надо сказать, что, независимо от того, делал ли печи сам подрядчик или он использовал уже имевшиеся, в процессе обжига ему приходилось следить за их техническим состоянием и в случае необходимости, «что в тех печах топортитца, исподняя своды и верхняя, и тое ему [подрядчику] починивать» своими работными людьми и, как правило, «безденежно».

Помимо обжигальных печей, подрядчик должен был иметь в своем распоряжении для формовки и сушки кирпичной продукции сарай.

Одной из особенностей кирпичного производства была его сезонность (начало сезона приходилось на десятые числа мая). В тех случаях, когда собственно кирпичным работам предшествовал подготовительный этап, подрядчики должны были «прийти к делу» заранее. Пример такого рода дает подряд записного каменщика Ф. Д. Треухова, взявшегося делать

кирпич в сельце Вокатове Рузского уезда дьяка А. К. Киреева с обязательством быть на месте в апреле [80].

Готовый кирпич сдавали посрочно, таких сроков могло быть два, четыре или даже шесть. Наняты Г. Ф. Долгоруковым в апреле 1718 г. на изготовление в селе Подмоклове 200 тысяч штук кирпичей подрядчики-обжигальщики, московские посадские люди кадашевцев М. И. Нестеров и Т. Захаров, которые должны были прийти во владения заказчика к 3 мая, приступили в первую очередь, как это чаще всего бывало, к строительству из своего кирпича обжигальной печи. Первую порцию готовой кирпичной продукции, 40 тысяч штук, они должны были сдать за две недели до дня Петра и Павла, вторую — к Петрову дню (29 июня), третью — к Ильину (20 июля), четвертую — на Преображение Спаса (6 августа), а последнюю — к Успению (15 августа). Сдавали кирпич всегда в готовом виде, нередко он сразу шел в дело. Важность составленного графика подчеркивалась в документе словами: «В неотдачи кирпичю церковного строения не остановить и в том ему, князю Григорию Федоровичу, убытка не учинить». Выход продукции зависел от числа формовщиков, вместимости и количества печей для обжига — в Подмоклове по условиям контракта было двое подрядчиков-обжигальщиков, которые привели с собой 20 формовщиков. Если, как водится, они начали делать сырец в десятых числах мая, формовка и сушка заняла порядка двух недель, обжиг — около 10 дней или чуть больше, то они выдерживали оговоренные сроки. В процессе работ подрядчики выплачивали работникам по 2 гривны человеку на неделю. Если подрядная цена кирпичной продукции была равна в этом контракте 23 алтынам за тысячу, то весь заказ в сумме стоил 138 рублей, значит, примерно половину — 68 рублей, подрядчики выплатили за 17 недель работникам [81].

В рязанской вотчине М. Грушецкого из подрядных ста тысяч 40 было сделано на день Петра и Павла, столько же — на Ильин день, остальные — на третий срок. Обжиг кирпича мог быть продолжен и зимой — последнюю порцию подрядного кирпича нередко сдавали заказчику в декабре, а чаще — на Рождество [82].

Норма выработки кирпичника на временном кирпичном заводе была примерно такой же, как на казенных, и колебалась в зависимости от погодных условий от 8 до 10 тысяч штук за сезон. Для изготовления 200 тысяч штук кирпичей в вотчине А. П. Салтыкова два подрядчика собирались прийти на место, как и в Подмоклове, с 20 кирпичниками. Таким образом, если объемы кирпича, предназначавшиеся к строительству усадебных храмов, чаще всего колебались в пределах от 100 до 200 тысяч штук кирпичей в сезон, то число исполнителей, привлекавшихся к работам в этих случаях, составляло от 10 до 20 человек.

Имеющиеся скудные сведения об оплате кирпичных формовщиков в вотчинах свидетельствуют о том, что за тысячу сырца выплачивали от 6

алтын 4 денег (работы в вотчине Г. А. Владыкина во Владимирском уезде, в подмосковном имении Ф. А. Головина) до 7 алтын (в вотчине Г. И. Головкина в Боровском уезде). Существовала и другая форма расчета — у Г. Ф. Долгорукова каждому кирпичнику платили по 2 гривны в неделю. Если учесть, что формовка и сушка продолжалась порядка 14 недель при норме выработки кирпичника 10 тысяч штук, за тысячу он в среднем получал по 9 алтын 2 деньги. Итак, если тысячу обожженных кирпичей подрядчик сдавал по цене 23 алтына, оплата кирпичника составляла 40% от этой цифры.

Глину, основной материал для кирпичной продукции, брали обычно в вотчинном хозяйстве, где делали кирпич, недалеко от места формовки и обжига (работы во владениях Н. М. Вадбольского, В. И. Прозоровского и др.). Песок и вода, входящие в перечень необходимых компонентов для изготовления продукта, обычно также были под рукой.

Главной задачей подрядчика являлось обеспечение максимального выхода высококачественного кирпича. Требования к кирпичу были довольно высокими — его сдавали «обоженным на красном самым добрым мастерством безо всякой охулки», чтобы был «не сырой, а в строение годный». Красный кирпич, считавшийся лучшим, шел на кладку стен и сводов. Его делали твердым и тяжелым.

Готовый выжженный кирпич сдавали на счет, две половины («излом половой») принимали за один кирпич в ограниченном количестве — одна десятая от всего заказа, — а треть и четвертую долю кирпича предписывали «выметовать вон».

В случае порчи продукции — «буде кирпич под подом подмокнет», брак подрядчик забирал себе (село Покровское П. А. Толстого). Чтобы предотвратить брак на этапе формовки, сушки или обжига, подрядчик организовывал отвод «нижних вод» от кирпичных сараев, предохранял сушившийся кирпич щитами из хвороста от солнца и ветра и от «сторонних вод», припасенными лещадьми во время обжига укрывал сарай «от печного жара» [83].

Колебания цен на кирпич, изготовленный в условиях вотчинного хозяйства, происходили в заметных пределах. В первые годы XVIII в. она выстраивается по шкале от 10 до 16 алтын за тысячу (18 контрактов), при этом десятиалтынные выплаты всегда сопровождались продуктовым запасом, другие — не всегда. 14 заказов, относящихся, кроме двух, к 1714–1725 гг., шли по цене в полтину (7 контрактов) и выше, до 20 алтын, по 23 алтына за тысячу платил за кирпич Г. Ф. Долгоруков в селе Подмоклове и по 26 алтын 4 деньги — И. Марков в деревне Маримкине Рязанского уезда. Таким образом, нельзя не отметить, что во втором десятилетии XVIII в. цены в целом в сравнении с началом века несколько возросли.

Надо сказать, что на цену кирпича в каждом конкретном случае влиял объем работ, непосредственно предшествующий изготовлению кирпичной

продукции, ведь строительство или обновление печей и сараев отдельно не оплачивались. Об этом свидетельствуют, например, подробно рассмотренные высокооплачиваемые работы в селе Подмоклове; сравнительно высокую оплату — по 20 алтын за тысячу — смог выговорить записной каменщик Ярославля Ф. Д. Треухов, делавший в 1719 г. кирпич в селе Вокатове Рузского уезда, по 18 алтын с запасом платил в 1703 г. кирпичному подрядчику тяглецу Нагрудной слободы А. Андрееву Б. И. Прозоровский за большемерный кирпич, произведенный в его селе Борисовском Московского уезда.

Оплачивался дороже большой городской кирпич, который в это время делали в подмосковных селах Иславском А. М. Апраксина, Молодях Ф. А. Головина, Ельдигине Б. И. Куракина, Борисовском Б. И. Прозоровского, Софеине М. Гагарина, Покровском П. А. Толстого, а также в селе Кривцах М. А. Волконского, Лыкове В. Жамайлова и селе Бронницах Коломенского уезда, селе Подмоклове Г. Ф. Долгорукова и др. Очевидно, его производство было сопряжено с дополнительными технологическими трудностями. Нельзя не отметить, что размеры кирпича в подрядных записях, как правило, не указаны, и лишь в упомянутых и некоторых других случаях даны предписания следующего характера: делать кирпич «большой руки» или «в государеву меру», или «против государева орленого доброва безо всякой охулки», или «против государева кирпича, каков ставят к его, великого государя, делам», или просто «большой». Такой кирпич выпускали на московских заводах, он имел обязательную длину в 7 вершков, ширину 3 или 4, а толщину — 1,5–2 вершка [84]. Несколько отличался от стандарта кирпич, изготовленный в соловской вотчине Н. М. Вадбольского с использованием данного заказчиком деревянного образца, он имел в длину 7,5 вершков, в ширину — четверть аршина «без малого», т. е. 4 вершка, и толщину в 2 вершка [85].

Надо сказать, что в целом цены на кирпич, произведенный в усадьбах, близких к Москве, были несколько выше в сравнении с другими регионами.

Таким образом, процесс производства кирпича на временном кирпичном заводе носил организационно автономный характер от самих строительных работ и был, как правило, особой компетенцией подрядчика-обжигальщика. В большинстве подрядных, связанных с работами в провинции, прослеживается личное участие подрядчиков-специалистов в изготовлении кирпичной продукции. Однако такая организационная форма исполнения заказа не была единственной. Подрядчик-обжигальщик, как и подрядчик каменных дел, по мере увеличения денежных средств и популярности начинал брать заказы в таких объемах, которые не мог выполнять и контролировать лично. В подобных ситуациях на часть своего подряда он нанимал от себя субподрядчика. Крестьянин Меркул Юдин, который был приглашен строившими в селе Лыкове Коломенского

уезда церковь каменных дел подрядчиками Анофриевыми и Шолоховым для изготовления 110 тысяч штук кирпичей, в свою очередь, привлек договором мастера на выполнение почти половины его подряда — 50 тысяч штук кирпичей. Отметим, что Юдин выговорил себе оплату в размере 14 алтын за тысячу и запас, а нанятый им на часть заказа исполнитель — получал по 9 алтын за тысячу, дополненные хлебным запасом. Таким образом, с отданных на подряд 50 тысяч М. Юдин выгадал немалую по тем временам прибыль в 7 рублей 50 копеек [86]. Получившие подряд на изготовление 500 тысяч штук кирпичей в подмосковном селе Иславском А. М. Апраксина кирпичные подрядчики, три человека, сразу же субподрядом наняли мастера на 60 тысяч. Плата по подряду составляла 15 алтын 4 деньги, а по субподряду — 11 алтын 4 деньги [87].

Нельзя не отметить, что сведения о порядке обеспечения кирпичной продукцией тех или иных строительных работ чаще всего можно почерпнуть в данном комплексе документов из контрактов каменных дел подрядчиков с заказчиками (а не из договоров с кирпичными подрядчиками), в которых вскользь упоминается о том, кто обеспечивает, наряду с другими стройматериалами, кирпич. Например, подрядчик крестьянин Воскресенского монастыря, что на Истре, И. Ф. Баншик, взявшийся строить церковь в городе Белеве по заказу И. И. Щепотева, брал обязательство кирпич произвести своими работниками в построенных им же «на кирпичное дело» сараях [88], а строивший в селе Большой Бремболе Переславль-Залесского уезда каменную церковь подрядчик И. Г. Жданов также брался изготовить основной строительный материал. Правда, «на кирпичное дело сарай» и «над печью кровлю» делал заказчик, Н. Борков.

Довольно подробно описана деятельность крестьян деревни Подсумочной Ярославского уезда, вотчины И. Ф. Барятинского, К. Иванова и Ф. Дементьева, строивших в 1720 г. в селе Новобогородском Соловского уезда церковь с колокольной. Подрядчики, появившись в вотчине заказчика весной «после слития полых вод немедленно», прежде всего взялись за изготовление 200 тысяч штук церковного кирпича. Им пришлось копать и толочь глину, формовать из нее кирпич, правда, используя готовые сараи Н. М. Вадбольского, далее — делать две печи из своего кирпича, «не в зачет вышеписанного числа» (шатры над печами, как и сараи, также были заботой заказчика).

Таким образом, детальный разбор заказов, связанных с изготовлением кирпича в условиях вотчинного хозяйства, дает возможность более или менее обстоятельно представить деятельность временного кирпичного завода, начиная со строительства печей и сараев и заканчивая сдачей готовой продукции.

Итак, в связи с вотчинным строительством кирпич был изготовлен на 38 усадебных дворах, располагавшихся в 24 уездах, причем значительное число владений (11) находилось в Московском уезде.

Характер строившихся зданий диктовал необходимое количество кирпичной продукции. Значительные объемы кирпича были изготовлены подрядом: в подмосковном селе Иславском А. М. Апраксина — 500 тысяч штук, вероятнее всего, предназначавшихся для строительства Спасской церкви; в селе Черкутине Владимирского уезда, владении П. С. Салтыкова — 400 тысяч штук, возможно, для церкви Рождества Богородицы с приделом Космы и Дамиана; в подмосковном селе Молодах Ф. А. Головина — 300 тысяч к строительству храма Обновления храма Христа Воскресения; столько же в подмосковном селе Покровском графа П. А. Толстого и селе Молдине К. Пыжова в Новгородском уезде; 200 тысяч делали к строительству церкви Рождества Богородицы в селе Подмоклове Тарусского уезда, столько же в селе Воскресенском Ф. М. Апраксина; 100 тысяч — в селе Кривцах окольничего князя М. А. Волконского для Смоленской церкви и в селе Лыкове Коломенского уезда, столько же в подмосковном селе Борисовском князя Б. И. Прозоровского — к церкви Бориса и Глеба, в селе Свиблове К. А. Нарышкина, в селе Софеине М. П. Гагарина; в селе Кончаково П. М. Коробьина Рязанского уезда и др. К палатному строению Д. К. Кантемиру было поставлено в 1715 г. в подмосковное село Булатниково 170 тысяч штук кирпичей [89].

Порядка половины выявленных контрактов, связанных с изготовлением кирпича в сельской усадьбе (21 из 42), содержат заказ, колеблющийся в пределах от 100 до 200 тысяч штук кирпичей.

По срокам кирпич мог быть заготовлен заблаговременно: например, Пыжовы наняли обжигальщика в 1701 г., а строителей — в 1702 г. Сделанным заранее кирпичом обеспечивал строителей С. Я. Львов и прихожане церкви Рождества Богородицы в Белеве; церковь в вотчине И. Д. Вельяминова-Зернова строили из кирпича, вероятно, также изготовленного загодя, который брали «в ево хозяйском вотчинном угодье».

В других случаях кирпич производился во время строительства: например, Г. И. Головкин для работ в своей вотчине селе Хлевине Боровского уезда нанимал и кирпичников, и каменщиков весной 1701 г.

Помимо временных кирпичных заводов, возникавших в рассматриваемое время в сельских усадьбах, кирпич делали на заводах в городах Боровске и Вязьме (2 договора), в 7 монастырях и пустынях (9 контрактов), а также во владениях промышленников (12 договоров) [90].

В Москве, где кирпичное производство было налажено в значительных масштабах — работали такие крупные кирпичные заводы, как Хамовнические, Даниловские, Крутицкие, Новые полевые у Калужской заставы, — кирпич к частным постройкам поставляли кирпичные промышленники, например, гостиной сотни Иев Сафонов и Леонтий Полушин, а также делали на заказ в своих сараях крестьяне подмонастырной слободы Данилова монастыря, что за Москвою-рекою, в сараях на земле под Новинским монастырем, на кирпичных заводах за Покровским мо-

настырем г-а Убогих домех за Земляным городом. Кирпич в числе других стройматериалов был закуплен строительными подрядчиками к работам на дворе П. М. Апраксина (100 тысяч штук), С. В. Аничкова, М. Д. Ртищева, Ф. Хиза, И. Горохова, Г. А. Племянникова (65 тысяч); к церкви в Николо-Иреческий монастырь и др.

Кирпичные сараи на собственном дворе имели князь М. М. Голицын (изготовлено в 1714 г. 200 тысяч), боярыня М. И. Салтыкова (изготовлено в 1703 г. 350 тысяч), стольник А. Шетнев. Член гостиной сотни А. Свешников и кадашевец Ф. Кондратьев выстроили кирпичные заводы на своих загородных дворах, последний — под Даниловым монастырем.

Известь на строительстве в сельской местности, как и кирпич, выжигали на месте (10 контрактов), сооружая там специальные «известные» печи (правда, контрактов такого содержания выявлено всего несколько штук). Печь для изготовления извести строили в 1701 г. в селе Стрелкове А. М. Апраксина и в 1702 г. в селце Раеве С. Лопухина. На печах, которые делали в селе Малееве Владимирского уезда, владении И. Леонтьева, предполагалось выжечь тысячу четвертей круховой извести, т. е. самого лучшего качества [91].

Особо упомянем договор на сооружение в 1701 г. «известной печи» в подмосковном селе Дубровицах боярина князя Б. А. Голицына, — возможно, эти работы имели отношение к строительству Знаменской церкви, происходившему там примерно в эти годы [92].

Значительные объемы извести, 600 бочек, были изготовлены на церковное строение в селе Березове, шацкой вотчине стольника П. Вышеславцова из выбранного там же камня; 700 бочек — в Иоанно-Предтечевском монастыре в Вязьме.

Закупка готовой извести осуществлялась в Мячковской и Домодедовской волостях Московского уезда, где добывали белый камень. Там в «государевых печах» для жжения извести изготавливали сотни и даже тысячи бочек [93]. Из дворцовой каменной волости — села Верхнего Мячкова — было поставлено 300 бочек извести к строительству, происходившему на московском дворе П. А. Апраксина. Известь везли в бочках, существовало понятие «московская мерная» бочка (поставки в Николаевскую пустынь Коломенского уезда) или «государева орленая» бочка (известь, поставленная на московский двор боярина И. А. Мусина-Пушкина). Цена за бочку извести была в пределах от 6 алтын 2 деньги до 7 алтын 4 деньги.

Крупные поставки белого камня в рассматриваемое время встречались сразнительно редко, поскольку он как основной строительный материал был вытеснен кирпичом. В Москву белый камень, бут и известь были поставлены по 27 контрактам, к строительству, происходившему за ее пределами, — по 17 (поставки камня и извести нередко проходили по одному договору).

Белый камень заготавливали в селах Верхнее и Нижнее Мячково, Колычово с тяготеющими к ним деревнями Мячковской волости, а также в Пахринской и Домодедовской волостях, где его добывали в каменоломнях по берегам Москвы-реки еще в XVII в. [94]. К частным стройкам камень поставляли разных размеров, в зависимости от предназначения — каменные блоки, аршинные и трехчетвертные, толщиной в 4,5–6 вершков, использовавшиеся для кладки стен; лещади — колотый на слои и обтесанный камень, плитняк [95], длиной и шириной в аршин или три четверти аршина, а толщиной от 2,5 вершка до четверти аршина, — шли на кровли и полы (толщина кровельной лещади могла быть 1,2–2 вершка); ступенной камень для лестниц [96].

Белый камень в договорах исчисляли в штуках, а бут — мелкий колотый камень, употреблявшийся для подземного основания каменной постройки, фундамента, на мощение улиц [97] — в сажнях. Так называемый известный камень шел на изготовление извести.

В первой четверти XVIII в. «ломку и ставку» белого камня и бута к частным стройкам осуществляли по контрактам крестьяне-подрядчики, каменные ломщики, выполнявшие заказы с помощью нанятых ими работников.

Поставки белого камня и извести были произведены в 8 усадебных владениях. Уникальный в рассматриваемом комплексе документов договор связан со строительством белокаменной Никольской церкви в подмосковном селе Стрелкове А. М. Апраксина, к которой в 1701 г. по подряду известных и каменных дел подрядчика Домодедовской волости Московского уезда Я. А. Змазлова было выломано и вытесано три тысячи камней, из них две тысячи аршинных «большой руки», 500 аршинных и 500 трехчетвертных, также поставлено 12 сажений бута [98]. Значительные заготовки «добраго белого камня разными мерами» велась в 1718–1719 гг. к строительству Рождественской церкви в селе Подмоклове Тарусского уезда, вотчине князя Г. Ф. Долгорукова. Хотя объемы заказа в документе не указаны, но оплата в 247 рублей предполагала отправку не одной тысячи штук [99].

В подмосковное село Молоди боярина Ф. А. Головина было поставлено в 1702–1703 гг. 500 бочек извести, 500 штук лещадей, 250 ступенных камней и 20 сажений белого бута, очевидно, к строившемуся там в эти годы храму Обновления храма Христова Воскресения; 600 штук камней, 200 лещадей и 300 бочек извести поставили в село Васильевское Коломенского уезда стольника Г. Ф. Загряжского к церкви Воскресения Христова; 300 пудов белого камня алебастра — в село Никольское вице-губернатора А. А. Курбатова к Никольской церкви.

Очень крупные заготовки, три тысячи штук камней неизвестного назначения, происходили в 1702 г. в подмосковной деревне Подосинки сельца Раево по заказу С. Лопухина; в селе Рождественском по заказу

стольника С. И. Милославского в 1703 г. — 2 300 штук камней; «про обиход» боярина князя Б. И. Прозоровского в 1702 г. было вытесано в вотчине Г. И. Головкина селе Михайловском 4 тысячи камней и привезено 20 сажень бута; в селе Кольчеве Мячковской волости по заказу стольника С. П. Нелединского-Мелецкого заготовлено 800 штук камней, а также мелкий белый камень, сданный заказчику в двух юфтях, в каждую из которых было положено по двести камней; помимо этого, было произведено 1 500 бочек извести [100].

В Москву готовую продукцию перевозили стругами по воде, а сдávalи либо на дворе заказчика (князя А. Гагарина, П. М. Апраксина на Знаменке, дьяка В. Т. Посникова на Дмитровке, подъячего А. Я. Шукина, Голутвиной слободы И. Прокофьева, красносельца П. А. Симанова — двор за Тверскими воротами в Земляном городе и др.), либо на берегу Москвы-реки — у Тайницких ворот (заказ Г. И. Головкина), у Каменного (заказ К. С. Борина) или у Живого (Москворецкого) моста (заказ И. М. Шалая), у Яузского устья (заказ Р. Щепоткина), в Кожевниках (заказ С. Т. Бокова), на берегу под Даниловским монастырем (заказ Ф. Васильева). В ряде случаев белый камень и известь везли заказчикам — боярину И. А. Мусину-Пушкину, А. Гагарину и др. — зимним путем подводами.

Целевые поставки были сделаны «к палатному строению» на двор П. М. Апраксина на Знаменке, к палатному строению А. Д. Меншикова (200 бочек извести и 65 сажень бута) и стольника И. К. Пушкина на Поганом пруду.

Весьма значительные по объему поставки были произведены на двор боярина И. А. Мусина-Пушкина у Арбатских ворот в Белом городе «к каменному делу» — 3 770 штук камней, 800 бочек извести и 10 срубов глины (1702 г.). Также в Москву было привезено 1 800 штук лещадей на двор дьяка В. Т. Посникова на Дмитровке, 1 700 лещадей по заказу Ф. А. Ляпунова, 1 000 штук камней и 10 сажень бута по заказу Г. И. Головкина, 200 штук камней для стольника И. Леонтьева.

В целом о стоимости поставок можно сказать следующее: перевоз из Мячкова сажени бута в Москву стоил от полутора до трех рублей, 100 штук камней — полтора рубля; ломка и перевоз ступенных камней стоили от 4 до 6 рублей за сто, аршинных лещадей — от 8 до 10 рублей, трехчетвертных — 4 рубля за сто. По таким ценам камень был куплен Ф. А. Головиным, П. М. Апраксиным, В. Посниковым, П. А. Симоновым. Те же цены приводятся и для конца XVII в. [101].

Черепица широко использовалась на строительных работах этого времени. В Москве центром изразцового производства была Гончарная слобода, которая выпускала их в огромном количестве [102]. В Москве черепица (12 контрактов) была поставлена на двор П. М. Апраксина; П. Ф. Соковнин «на крышку» палатного строения на своем дворе у Никольских ворот в Китай-городе заказал черепицу из дворцовой Гжельской

волости Московского уезда. Подрядные в связи с производством и поставкой черепицы были также заключены стольником С. Е. Пашковым, думным дьяком А. А. Виниусом (заказ на красную муравленую черепицу), иноземцем А. Н. Минтером (заказ на зеленую и желтую черепицу). 28 тысяч штук черепицы было изготовлено в Москве в 1701 г. по заказу казначея патриарха Адриана монаха Тихона Макарьевского «на обивку церковных глав». Один контракт посвящен поставкам черепицы в Тверь на кровли палат митрополита Тверского и Кашинского.

В вотчинном строительстве черепицу использовали для декоративного оформления храма в вотчине П. А. Толстого и колокольни в селе Спасском С. Д. Траханиотова.

Наиболее дорогостоящими и сложными в изготовлении строительными деталями были железные. В связи со строительством в Москве было заключено 10 контрактов, в том числе изготовлена и установлена железная восьмигранная глава с крестом на церковь Ильи Обыденного, установлена глава на алтаре церкви Успения Богородицы на Покровке и позолоченный крест на церкви Стефана архидьякона за Яузой; сделаны железные решетки, крючья, скобы и др. к церкви Покрова Богородицы на Воронцовом поле; в московских монастырях появилось десять новых железных глав на Благовещенской церкви и церкви Чудотворца Алексия в Чудовом монастыре в Кремле и опаяны белым железом главы соборной церкви Донского монастыря в Замоскворечье; осуществлены поставки железного «припаса» к палатному строительству на дворе П. М. Апраксина, Г. Д. Строганова, подьячих И. А. Губина и Л. Т. Протопопова.

В сельских храмах (6 контрактов) сделаны решетки, петли, крючья и прочее для церкви Казанской Богородицы в селе Богородском С. Я. Львова Калужского уезда; для Никольской церкви в селе Стрелкове А. М. Апраксина; железные припасы и железные золоченые кресты с яблоками изготовлены для установки на приделе и колокольне Спасской церкви в селе Хрущеве (Перехвал) А. К. Хрущева (1719) и др. В городе Переславль-Рязанском кузнец Суздальского митрополита С. Малафеев сделал главу на соборной церкви.

Надо сказать, что сведения о поставках железных предметов к строительству в большинстве случаев можно почерпнуть, как и относительно других стройматериалов, из договора каменных дел подрядчика с заказчиком. Обычно такого рода поставками занимался заказчик. Даже в тех случаях, когда подрядчик брался обеспечить весь набор необходимых стройматериалов, как И. Г. Жданов, строивший церковь в селе Бремболе Переславль-Залесского уезда, железные припасы обеспечивал сам заказчик.

Расчет с кузнецами шел на основании количества затраченного на изделия железа — по 2 гривны за пуд (А. М. Апраксин, И. Губин) или несколько меньше (С. Я. Львов). Если железо обеспечивал исполнитель, как, например, в заказе Л. Протопопова, на строительство палат в Моск-

ве, за пуд затворов он платил кузнецу по рублю, а за решетки и другие детали — 21 алтын 4 деньги. В этих пределах колебались цены и в конце XVII в. [103].

Четыре договора заключены на поставку глины и песка к строительству и изготовлению кирпича.

Таким образом, организационно устоявшийся порядок изготовления и закупок кирпича, камня, извести, черепицы, железных припасов был основан на подрядной системе. Подрядчики и субподрядчики соответствующего профиля подбирали непосредственных исполнителей — мастеров разных профессий, обеспечивали средства производства и нередко, являясь, в свою очередь, квалифицированными специалистами, сами возглавляли процесс производства или заготовки заказанных материалов.

Часть ассортимента, являвшаяся продукцией ремесленников — кузнецов, черепичников, — закупалась в местах производства.

Важность поставок в цепи контрактов, посвященных тому или иному зданию, нередко акцентировалась размером неустойки: «рядные деньги вдвое» должен был выплатить в случае нарушения условий договора поставщик железных припасов к палатному строительству на дворе И. Губина, столько же — поставщики черепицы на двор Апраксина.

Нельзя не отметить, что, хотя число контрактов, посвященных рассмотренным сюжетам, в сравнении с количеством строившихся зданий невелико, они все же дают возможность составить представление об организационной структуре подготовительного этапа строительных работ.

Деревянное строительство

Плотничное дело, как неоднократно отмечалось исследователями, сохраняло почти неизменной свою организацию и технику, идущую из древнейшей поры, вплоть до конца XVII в. Хорошо известно также, что привлечение мастеров к строительным работам через подряд началось задолго до рассматриваемого времени, но особенно широкое распространение в московском и подмосковном строительстве, в других регионах это явление приобрело во второй половине XVII в. [104].

В литературе частное деревянное строительство петровского времени не получило достаточного освещения, поэтому представляется интересным обратиться к вопросам, связанным с порядком заключения договоров частного характера, рассмотреть круг заказчиков и исполнителей заказов, подробно остановиться на приемах формирования и структуре строительных артелей, а также разобраться в сути контрагентских отношений, т. е. проанализировать клаузулы договора, которые касались взаимных обязательств сторон по организации и финансированию работ, по качеству и срокам выполнения контракта; и, наконец, охарактеризовать более или менее подробно описанные в договорах типы построек.

Документальный ресурс сформирован на основе включенных в публикацию подрядных записей крепостных книг из фонда Юстиц-коллегии РГАДА. За период с 1701 г. по 1725 г. было выявлено 125 договоров — копий подрядных, посвященных деревянному частному строительству, которые прошли регистрацию в государственных учреждениях, ведавших в этот период крепостным делопроизводством [105].

Составители подрядных записей в основном придерживались определенного указа формуляра, который предусматривал наличие некоторого числа обязательных позиций. Произведенная обработка сведений источника на компьютере в программе Access позволила оптимизировать процесс подсчетов, а сформированная система запросов — компенсировать в определенной степени неполную или скрытую информацию документов.

Необходимо отметить, что основная часть обнаруженных подрядных посвящена работам в провинции (68 договоров), и, главным образом, связана с историей подмосковных усадеб (51 договор), в которых в первой четверти XVIII в. их владельцы строили деревянные церкви и хоромы, хозяйственные помещения и комплексы.

Обращаясь к конкретным сведениям подрядных, в первую очередь скажем, что в Московском и прилегающих к нему уездах — Алексинском,

Боровском, Вяземском, Дмитровском, Звенигородском, Кашинском, Каширском, Коломенском, Рузском, Серпуховском, а также в более отдаленных — Воротынском, Козельском, Курском, Мценском, Одоевском, Тульском, — в рассматриваемое время по дошедшим до нас договорам велось строительство 14 храмов (16 контрактов). К этой цифре можно добавить договор на обшивку трех глав церкви в селе Еснинове Московского уезда стольника Ф. А. Хитрово и на кровельные работы на церкви во владении стольника князя В. В. Жирово-Засекина.

Помимо строительства, происходивших в вотчинных владениях, церкви возводили по заказам частных лиц в дворцовых волостях и селах: в селе Выдубове Клещинской волости Вяземского уезда по заказу дворянина В. Л. Владимирова, в Шакурской волости Владимирского уезда по заказу стряпчего Г. Балакирева, в селе Рождествене Переславль-Залесского уезда по заказу крестьян того же села; работы в подмосковном селе Черноголовье вели по заказу священника Л. Прокофьева (6 договоров) (см. перечень 11); «хоромное строение» производилось в 20 усадьбах (22 контракта) (см. перечень 12) [106]. Реконструкция комплекса хозяйственных построек происходила в вотчине стольника князя Б. И. Куракина сельце Давыдкове Московского уезда, строительству мельниц посвящено 12 договоров.

На промышленных предприятиях через подряд работы осуществлялись: по заказу члена гостиной сотни Н. Г. Аристова, который в 1701 г. делал «плотинное, и всякое дворовое и хоромное строение» на своих железоделательных заводах в Романовском уезде, а также санкт-петербургского жителя купца Я. К. Рюмина, возводившего «всякое деревянное строение» на винокуренном и железном заводе в Малоярославецком уезде (6 контрактов).

Несколько договоров посвящены работам на посадах городов — в Твери были изготовлены станки к светлицам для купца Б. И. Корыхалова, в Севске — построены хоромы на дворе В. Шагярова, в Брянске — перекрыты кровли соборной церкви.

Заказы на строительные и связанные со строительством работы из дерева в Москве немногочисленны — 23 договора, а подряды на сооружение деревянных зданий единичны: хоромы возводили на дворе боярина князя А. П. Прозоровского, иноземца из города Любека Кашпера Родде в Немецкой слободе, на загородных дворах генерала И. И. Головина и стольника Г. П. Кормилицына, реконструкцию хозяйственного комплекса осуществлял комиссар Ф. А. Ягодинский [107], мельницу на ручье делали на своем дворе в Немецкой слободе Головины.

В этой связи необходимо отметить, что одной из основных причин замирания частного деревянного строительства в Москве была последовательно проводившаяся политика на вытеснение дерева из центра города, причем в течение всей первой четверти XVIII в. ареал территорий, подпадавших под запретительные указы, расширялся. Немаловажным было

и распространение камня как основного материала для построек московской знати [108].

Наряду с этим, дерево в Москве по-прежнему использовалось, во-первых, при проведении кровельных работ, в частности, на кельях Троицкого Божоявленского подворья в Кремле, на палатах экипажмейстера А. В. Чебышева, располагавшихся за Яузскими воротами в приходе церкви Троицы в Серебряниках, а также князя А. И. Шаховского на его дворе на Знаменке в Белом городе; во-вторых, для внутренней отделки вновь построенных зданий — палат ближнего стольника П. А. Апраксина на Знаменке, боярина князя Б. И. Прозоровского и служителя сенатора Д. К. Кантемира А. Камараша; в-третьих, на строительстве зданий хозяйственного назначения — амбаров, погребов, — и работах, связанных с благоустройством набережных города. Обруб в соответствии с Инструкцией московскому обер-полицеймейстеру 1722 г., содержащей пункты об укреплении берегов Москвы-реки каждым владельцем «против своего места», делал в Средних Садовниках у Балчуга дьяк счетной конторы Военной коллегии Г. Т. Зыков и под своим двором в приходе церкви Георгия в Ендове комиссар Сибирских Невьянских железных заводов Н. Демидов (всего 7 договоров).

33 контракта посвящены поставкам стройматериалов, главным образом березовых и еловых бревен в Москву (27 контрактов).

Место заключения подрядных сделок предопределило в значительной степени круг заказчиков (состав подробно рассмотрен в разделе «Состав и численность заказчиков») — это высшая столичная феодальная аристократия, в которую входили члены княжеских фамилий (14 человек, в том числе бояре (2) и стольники (7)); из нетитулованного дворянства: думные чины (8); придворные и дворцовые — кравчий (1), стольники (20), стряпчие (2); состоявшие в военных чинах (12), в том числе два генерала, 3 майора, 2 капитана.

Среди заказчиков были представители приказной администрации — дьяки (5 человек) и подьячие (3) различных приказов, а также чиновники новых госучреждений — комиссары (3). Торгово-промышленное и городское население представляло 11 человек и 6 иностранцев.

Переходя к разбору организационной системы, существовавшей в начале XVIII в. в частном деревянном строительстве, необходимо в первую очередь сказать, что она, как и в каменном, основывалась на договорных отношениях заказчиков с подрядчиками, а также заказчиков и подрядчиков с непосредственными исполнителями.

Хотя нельзя не отметить особенность подрядных работ из дерева — большинство частных более или менее значительных по объему и оплате *строительных* заказов (49 из 67) было получено сообществами мастеров-плотников численностью от 3 до 16 человек (сюда же включены и союзы с не определенным в записи числом членов). К этому типу договор-

ных отношений примыкают сделки заказчика с наемными работниками на небольшие работы (9 договоров), в частности, связанные с возведением построек хозяйственного назначения — амбаров, погребов (организация мельничного завода — особое направление в строительстве, поэтому этот вопрос будет рассмотрен отдельно), за выполнение которых брались, как правило, один–два человека; в одиночку или с напарником работали по договору и специалисты — столяры, резчики и др., занимавшиеся интерьерными работами.

Подрядчики — один человек или с компаньоном — фигурируют в 15 договорах: это сделки на строительство церквей, хором, хозяйственных комплексов, на производство дорогостоящих кровельных работ. Сюда же необходимо причислить еще три договора, в каждом из которых имеется по три компаньона, но объем заказных работ и оплата свидетельствовали о том, что они не могли обойтись без привлечения квалифицированной рабочей силы.

Нельзя не отметить, что произведенное деление весьма относительно, ведь документ далеко не всегда конкретизирует объемы работ, а также характер деятельности по тому или иному договору получившего заказ лица (или лиц). Тем не менее на основании приведенных цифр все же можно заключить, что основной формой привлечения мастеров был коллективный найм.

Принципы формирования, сроки существования, численный состав, внутренняя организация плотничьих союзов — вопросы, которые в литературе ранее детально не рассматривались [109], однако разбор их на материале подрядных записей хотя и возможен, но с определенными оговорками. Надо сказать, что одной из особенностей источника, не раз уже нами отмеченной, является лаконичность, а в данном контексте — неполнота сведений об участниках сделки. Варианты представления в коллективном контракте его участников были следующими:

- в 33 договорах из 49 количество членов союза определено цифрой, в остальных 16 — число работников не конкретизируется;
- в 16 контрактах из 33 зафиксированы имена, место жительства и словесная принадлежность *всех* троих, четверых и даже одиннадцати или шестнадцати участников договора, в остальных 17 записях — даны подробные сведения лишь о *нескольких членах* коллектива, имена других или вовсе неизвестны, или порой упомянуты в связи с перечислением лиц, присутствовавших при подписании документа без указания социального статуса и места жительства.

Детально рассматривая тексты подрядных, нельзя также не обратить внимания на особенность терминологии, заключающуюся в том, что в записях не использовали слово «артель», вместо него применяли метонимичное «товарищи» [110].

В самом общем определении, широко используемом в литературе, артель — это соединение людей, чаще одной специальности, со старостой во главе, которое образовано с определенной экономической целью. Обычно такой целью служило получение подряда [111]. Также отмечается, что в строительные артели отдельных ремесленников «сколачивали» особенности характера труда, требующие для получения заказа коллективных усилий с коллективной ответственностью за результат [112].

Важно констатировать, что в подрядных не только не применяли слово «артель», но также не называли кого-либо из членов коллектива, участвовавшего в договоре, артельным старшим. Хотя по имеющимся в литературе сведениям, которые здесь приводятся с целью расшифровки неполной или скрытой информации источника, формула «такой-то с товарищи» (отметим, постоянно использовавшаяся в коллективных контрактах), показывает выделение юридического лица из артели — человека, который отличался инициативностью при формировании коллектива, четко представлял себе цель, во имя которой он слагается, и способы ее реализации. Поэтому такой человек выступал от имени артели при заключении договора и брал от имени лиц, уполномочивших его, определенные обязательства по выполнению условий найма [113]. Возможно, что он был особо искусным мастером, хотя также возможно, что плотницкие артели, в силу их сравнительной малочисленности, составлялись из лиц, весьма схожих между собой по физическим возможностям и мастерству, которые не нуждались в особом руководстве, и артельный старший был всего лишь «первым среди равных», тем более что техническая сложность решаемых ими задач, по мнению Н. Н. Воронина, в большинстве случаев была не столь высока, как в каменном строительстве [114].

Выявленные новые документы — подрядные — позволяют уяснить особенности иерархии в плотницких артелях, работавших по частным заказам в первой четверти XVIII в., а также попутно расшифровать по контексту записей содержание, которое вкладывали современники в слова «подрядчики», «товарищи», «плотники», употребляя их избирательно к разным лицам, упоминавшимся в одном и том же документе. Разобраться в терминологии подрядных особенно важно по той причине, что, как уже говорилось, за этими словами были скрыты большинство неизвестных, но небезынтересных для рассматриваемых сюжетов участников строительных работ.

Обратимся к частным примерам. Крестьянин деревни Воронцово Селецкой волости Галицкого уезда, владения Успенского Паисиева монастыря, Тимофей Фролов сын Бухара, деятельность которого в первой четверти XVIII в. просматривается на нескольких подрядных строительствах, в 1702 г. заключил в коллективе из 10 человек договор на строительство церкви с колокольней «на особом месте» в селе Носове Звенигородского уезда дьяка М. Войнова. Отметим, что имя Т. Бухары стоит в догово-

ре первым, вторым записан его односельчанин, Михаил Микифоров, далее полностью представлены все участники контракта, но в заключительном разделе документа, где фиксировали рукоприкладство, Бухара и Микифоров названы подрядчиками. В договоре 1719 г. на сооружение церкви с колокольней в подмосковном селе Спирове ближнего стольника А. М. Апраксина Тимофей Бухара не только вновь назван первым в числе восьми товарищей, записанных в договоре поименно (общее число артельщиков документ не указывает), но его особое положение в коллективе подтверждает и помета следующего содержания — «такову запись он, Тимофей Бухара, с товарищи дал, а подлинную взял ближнего стольника Андрея Матфеевича Апраксина человек... а вместо ево, Бухары, расписался челобитенной писец Иван Терентьев» [115].

В 1720 г. Т. Ф. Бухара заключил вместе с напарником, частновладельческим крестьянином из деревни Карцево Галицкого уезда, М. Ильиным, в числе и от имени безымянных товарищей договор на значительные по объему и оплате работы — ремонт построек на загородном дворе царицы и великой княгини Екатерины Алексеевны под Донским монастырем. Попутно отметим, что, как и в договоре 1702 г., и Бухару, и Ильина документ называл подрядчиками [116].

Очевидно, Тимофей Бухара был тем самым инициативным квалифицированным специалистом, который умел находить и получать солидные полноценные заказы, и который для их реализации (возможно, в роли артельного старшего) подбирал или активно участвовал в подборе довольно многочисленных временных коллективов, о чем свидетельствует и то обстоятельство, что артели, в которых работал Т. Бухара в 1702 и 1719 гг., были разного состава.

Чтобы попытаться разобраться в том, какое все-таки значение имело в договорных записях слово «подрядчик», приведем еще некоторые примеры. В сделке на хоромное дворовое строение, возводившееся для царского шута стольника Ф. П. Шанского в селе Преображенском, участвовали частновладельческие крестьяне Галицкого уезда К. Лукьянов с Т. Сидоровым и безымянные товарищи. Интересно подчеркнуть, что при перечислении лиц, подписавших документ, подрядчиками назвали лишь К. Лукьянова и Т. Сидорова, хотя наряду с ними в этой части документа упомянули и других участников договора [117]. В большом сообществе из двенадцати человек, получивших заказ на работы в сельце Толмачеве Коломенского уезда князя В. В. Жирово-Засекина, подрядчиков оказалось трое [118]. Важно подчеркнуть, что в приведенных документах подрядчиками довольно последовательно называли не всех поименованных в документе исполнителей, но только тех, которые были записаны первыми или в числе первых и, очевидно, являлись артельными старшими.

Однако есть и противоположные примеры. Строительство хором в подмосковном селе Краскове В. В. Жирово-Засекина осуществляли

шесть плотников, крестьян Галицкого уезда, из них трое, подписывавшие документ, — подрядчики, остальные — просто «крестьяне» [119]. Трое компаньонов кадашевца И. Васильева, получивших подряд на строительство церкви в селе Выдубове дворцовой Клецинской волости Вяземского уезда, оказались также подрядчиками, отметим, что полный состав артели — семь человек [120]. Хотя число членов артели, взявшей за строительство церкви с колокольной в дворцовом селе Рождествене Переславль-Залесского уезда, записью не определено, однако при рукоприкладстве подрядчиками названы не только трое крестьян, представлявших коллектив в договоре, но и еще трое только здесь упомянутые товарищи — все неграмотные плотники, за которых прикладывали руки доверенные лица [121]. Как видим, в ряде случаев документ называл подрядчиками половину и даже большую часть коллектива.

К сказанному можно добавить, что названы подрядчиками тяглецы московских слобод и крестьяне, всего пять человек, взявшиеся за строительство хором в селе Хварове Воротынского уезда стольника А. Ф. Давыдова [122]; крестьяне, тоже пять человек, составлявшие часть артели с определенным числом членов, которые подрядились возводить хоромы в деревне Мышенки Каширского уезда, вотчине комиссара И. А. Раевского; семеро членов артели, участвовавших в кровельных работах в городе Брянске [123], т. е. в каждом из трех случаев все поименованные в основной части записи члены коллектива.

Таким образом, можно предположить, что подрядчиками именовали членов коллектива, которые присутствовали на Ивановской площади при совершении сделки, т. е. подряжались на работу, и участвовали в процедуре оформления документа в палатке Крепостных дел. Естественно, что среди них обязательно были старшины плотницких артелей, которых в первую очередь указывали в договоре и которые обязательно этот договор подписывали (нельзя не заметить очевидное — в 27 коллективных договорах, т. е. более чем в половине, даны имена, сословный статус и место жительства только одного или двух членов временных товариществ).

По этим причинам, вероятно, именно артельные старшие чаще всего были названы в записях подрядчиками, а имена товарищей, с которыми они заранее сговорились на те или иные работы, писцы вносили в документ с их слов. Возможно даже, что точное число работников в момент заключения сделки не было известно, хотя есть основания предполагать, что как раз число чаще всего было уже конкретизировано (и указано в договоре), но коллектив еще окончательно не сформирован.

Нельзя забывать, что копии подрядных, на которых построен приведенный выше анализ, могли иметь с оригиналом договора некоторые отличия. Возможно, текст документа при переписке был передан не «слово в слово», при этом некоторые особенности подлинника по причине не-

брежности писца или другим причинам утрачены, но это все же не меняет сути установленных явлений.

Возвращаясь к вопросу особого статуса артельных старших, отметим существование определенной дифференциации в их оплате и оплате рядовых членов коллектива, которая прослеживается в некоторых контрактах, и, в частности, в договоре крестьянина Ярославского Спасского монастыря В. М. Голого с тремя товарищами — «плотницкое дело работать и плотинное, и всякое дворовое и хоромное строение строить» на Романовских заводах купца Н. Г. Аристова. В. Голый по этой подрядной получал по два, остальные — по полтора рубля в месяц. В литературе указывается на то, что размер денежных вознаграждений определялся ролью того или иного человека в коллективе. Оплата зависела от специализации, квалификации, возраста работника, и, вероятно, от того, какую плату он умел себе выговорить [124].

Искать особый смысл в избирательном использовании слова «плотник» в отношении членов артели, нанятой на строительные работы из дерева по контракту, очевидно, не следует. Хотя можно констатировать, что, например, в договоре на строительство хором в сельце Пескине Боровского уезда дьяка Н. Н. Кормилицына в артели из восьми человек при подписании сделки оказалось пять плотников, специальность же остальных трех мастеров не дается. Также не дана и профессия троих членов артели, которые упомянуты в связи с подписанием договора на строительство хором в деревне Котешеве Алексинского уезда И. Н. Арсеньева, за осуществление которого взялись двое плотников с товарищами. В отличие от этих записей, артельщики, пять человек с товарищами, строившие хоромы в селе Полошеве Лихвинского уезда, вотчине советника Берг-коллегии А. К. Зыбина, названы в договоре просто крестьянами, как и десять членов коллектива, взявшихся за хоромное строение на дворе секретаря провинциальной канцелярии В. Л. Шагярова в городе Севске [125].

Подводя некоторый итог, необходимо сказать, во-первых, что так называемые «товарищи», фигурирующие в коллективных контрактах, — это все члены артели, нанятые договором на работу, в том числе поименованные и безымянные, названные в документе подрядчиками, плотниками и просто крестьянами. Во-вторых, скорее всего, каждый из участников таких временных союзов имел свой иерархический и финансовый статус, т. е. за весьма нестрогой, на первый взгляд, терминологией и относительно свободной формой фиксации сведений об исполнителях подрядных работ могли стоять весьма существенные различия в условиях найма и труда, в частности, артельных старших и остальных членов коллектива. В-третьих, само понятие «подрядчик» в рассматриваемый момент времени и в описанных обстоятельствах еще не стало вполне устоявшимся (к этому вопросу мы вернемся ниже).

Установить внутреннюю структуру артелей нельзя, не обращаясь к проблеме их формирования. В литературе на этот счет существует несколько точек зрения: некоторые исследователи придерживаются мнения, что объединенные в смешанные артели плотники, каменщики и кирпичники ходили по селам и городам, включая Москву, где на них был большой спрос, предлагая свой квалифицированный труд [126], другие считают, что артель создавалась только при заключении трудового договора [127], третьи полагают, что наряду со сложившимися в деревне местными артелями, появляющимися в Москве уже в готовом виде, артели образовывались уже в городе, «связывая для работ ремесленников из разных мест, разрушая их деревенскую замкнутость и ограниченность» [128].

Выявленный круг подрядных предоставляет возможность алгоритмизовать приемы сложения союзов мастеров, работавших по частным строительным заказам в Москве. Одна из наиболее распространенных форм объединения — это однородные по своему сословному составу коллективы, образованные выходцами из одних и тех же мест, при этом часть членов связана узами родства. Например, коллектив мастеров из 12 человек, который в 1702 г. подрядился произвести в сельце Толмачеве Коломенского уезда, владении стольника князя В. В. Жирово-Засекина, «в старых хоромах переделки и вновь постройки», состоял из крестьян Глазуновской волости Галицкого уезда, в том числе три человека разных владельцев из деревни Исаково и соседней Кузнецово, а также из той же деревни братья Прокофий и Иван Еремеевы Ансаровы и, возможно, сын Ивана Перфилей Ансаров владельцы Перелешиных (остальные шесть участников коллектива в договоре поименно не названы).

Строительство хором в подмосковном селе Краскове того же заказчика, князя В. В. Жирово-Засекина, взялась осуществить в 1703 г. артель крестьян-плотников из шести человек. Хотя все они были выходцами из той же деревни Кузнецово владельцев Перелешиных в Галицком уезде, однако из союза, сформированного в 1702 г., в новый состав вошли лишь двое — Прокофий Еремеев и Перфилей Иванов Ансаровы, к ним добавились, вероятно, братья Перфилия — Ларион, Андрей и Флор Ивановы Ансаровы. Обратим внимание на одну деталь — количество крестьян-плотников Ансаровых, получивших, по имеющимся данным, заказ в Москве в 1703 г., в сравнении с коллективом 1702 г. увеличилось.

Формирование плотничьих артелей в основном из крестьян было явлением традиционным, причем крестьяне преобладали в составе артелей, обращавшихся в XVII в. на московском городском рынке строительных заказов [129]. В первое десятилетие XVIII в. отход обезземеленных оброчных крестьян из нечерноземных районов в Москву получил небывалый размах, он поощрялся как правительством, заинтересованным в притоке рабочей силы на государственное строительство, так и самими помещиками, получавшими таким образом свой доход [130].

Артель, упоминавшаяся в связи с деятельностью Тимофея Фролова Бухары на строительстве церкви в селе Носове Звенигородского уезда, была составлена в целом на тех же основаниях, что и артели с участием Ансаровых. Коллектив из одиннадцати человек включал: двоих крестьян из деревни Воронцово Галицкого уезда, владения Паисиева монастыря, в том числе самого Т. Ф. Бухару, а также частновладельческих крестьян, восемь человек, из соседних деревень Личино, Карпово и Острилово того же уезда (среди них Иван и Федор Козьмины, возможно, родственники); несколько нарушает общую картину, однако не меняя ее по существу, крестьянин из деревни Кашино Костромского уезда, которым, очевидно, артель была доукомплектована до требуемого числа членов.

Тот же Тимофей Бухара по подряду на церковь с колокольной в селе Спирове А. М. Апраксина работал вместе со своими сыновьями — Фролом и Данилой Тимофеевыми Бухара — и крестьянами (пять человек) из тех же владений Паисиева монастыря в Погарском стане Селецкой волости (остальные члены артели — безымянные товарищи).

Сходные принципы сложения коллектива были в основе союза крестьян, пришедших в Москву из села Никольского Спасо-Ярославского монастыря, которые взялись «крыть полаты лубьем и дранью и церковь покрыть, и трапезу тесом» у того же заказчика, В. В. Жирово-Засекина. Всех семерых объединяло место жительства, из них шесть участников сделки — «дети Ивановы» [131]. Договор на строительство хором в каширской вотчине комиссара И. А. Раевского, деревне Мышенках, получили пятеро крестьян с товарищами (точного числа членов артели запись не дает) — все родом из соседних деревень полковника А. Нелидова и стольника С. Готовцева в Ликурской волости Галицкого уезда. Отметим, что трое — Степан, Веденихт и Иван Андреевы, т. е., очевидно, родственники. Четверо крестьян-плотников, возводивших хоромное строение в деревне Г. И. Ползикова во Мценском уезде, были родом из галицких владений княгини А. И. Черкасской.

Итак, во всех приведенных случаях плотники, собравшиеся в коллектив и получившие заказ, были не только хорошо известны друг другу по причине родства или соседства, возможно, им также доводилось и вместе работать. В литературе отмечается, что хотя родство и не являлось обязательным условием, которому должен был удовлетворять вступающий в артель, но в некоторых артелях (лоцманов, парильщиков и др.) оно облегчало приобретение членства. Местожителство членов артели также немаловажный фактор: крестьяне одной деревни находились в непрерывном общении — то в своих отношениях по земле, то по другим интересам мира, т. е. все входящие в состав одного сельского общества были связаны между собой тесными узами. Каждый приблизительно был знаком с нравственными качествами своих соседей и мог положиться на них в общем деле [132].

Очевидно, что при составлении плотницкой артели инициаторы сделки предпочитали при прочих равных условиях (как-то: квалификация, специализация, деловая репутация и т. п.) родственников и односельчан, не занятых на других работах на момент получения подряда.

Другие принципы подбора коллектива удается проследить в договоре 1717 г. на строительные работы на железных и винокуренных заводах в Переславль-Рязанском уезде купца Я. К. Рюмина: шестеро из десяти плотников — крестьяне соседних между собой деревень (Воронцово, Дехтяри, Выползово, Селищево, Пашуково и Волково) владения Паисиева монастыря Галицкого уезда (особо отметим уникальную для рассматриваемого круга документов ситуацию: четыре мастера — Фрол Тимофеев Бухара, Андрей Деев Воробьев, Иван Титов Колотовин и Иван Васильев Свитря работали вместе в одной артели еще раз в 1719 г. в селе Спирове А. М. Апраксина), трое — крестьяне Аврамиева и Петровского монастырей Ростовского уезда, один — крестьянин Богоявленского монастыря города Романова [133].

В рассмотренном случае плотники, связанные друг с другом местом жительства и родством, являли при получения заказа ядро артели, к которому были присоединены подходящие для договорной работы мастера, обретавшиеся в тот момент в Москве.

На сходных принципах с артелью, работавшей у Я. Рюмина, построен коллектив, который нанял на строительство хором в своем селе Бегичеве Московского уезда думный дьяк А. И. Иванов. Союз из шести человек включал крестьян дворцового села Даниловского Костромского уезда — Кирила и Терентия Федоровых и сына Терентия Андрея, к которым добавились двое крестьян из разных мест и тяглец московской Екатерининской слободы [134].

Документ свидетельствует, что крестьянская артель не являлась единственной моделью, которую применяли в частной строительной практике.

Неоднородный по своему сословному составу, но подпадающий под рассматриваемый вариант коллектив, который строил у стольника А. Ф. Давыдова хоромы в селе Хварове Воротынского уезда, включал городских жителей — тяглецов московской Огородной слободы (три человека), объединившихся с двумя крестьянами, — частновладельческим и монастырским.

Определенным своеобразием отличается алгоритм сложения артели, работавшей на строительстве церкви с двумя приделами в селе Покровском Козельского уезда, вотчине графа Е. И. Мусина-Пушкина. Она включала двоих крестьян деревни Омутки Кашинского уезда, вотчины И. Д. Хлопова, двоих — из села Богородского дмитровской вотчины А. М. Шереметева и крестьянина из села Спасского Романовского уезда. Создается впечатление, что при заключении договора произошло соединение двух своего рода мини-союзов, «кооптировавших» члена, которого

не хватало для исполнения заказа [135]. Так же формировался и коллектив из семи человек, возводивший хоромное дворовое строение стольнику Ф. П. Шанскому в селе Преображенском, — двое крестьян стольника Ф. П. Шанского из деревни Семеновской Галицкого уезда, к которым присоединился крестьянин того же уезда князя К. Мещерского, плюс двое тягловцев Кошельной и один Мещанской слободы и патриарший крестьянин.

Структуру плотницкой артели довольно определенно рисует договор на строительство хором на загородном дворе стольника Г. П. Кормилицына, который заключили частновладельческие крестьяне Галицкого уезда П. Абухов и А. Устинов от имени коллектива «подрядчиков и плотников» из 12 человек, связанных между собой, кстати сказать, круговой порукой — при подписании контракта за подрядчика К. Абухова с пятью товарищами руку приложил подьячий С. Гаврилов, а за подрядчика А. Устинова с пятью товарищами — подьячий А. Л. Давыдов, т. е., вероятно, это две артели с артельными старшими во главе [136].

В ряде случаев были собраны коллективы очень пестрого состава. Например, значительная по числу членов, 12 человек, и сложная по составу артель подрядилась строить хоромы на дворе секретаря В. Л. Шагярова в городе Севске. Она включала: шестерых крестьян из разных монастырей и уездов — Переславль-Залесского, Коломенского, Ростовского и Ярославского, — архиерейского крестьянина из Ростовского уезда, двоих крестьян разных владельцев из Галицкого уезда и московского жителя из дворовых людей. Заметим, что только два человека из всей команды жили в одном селе. Такого рода объединения мастеров, безусловно, возникали под конкретный заказ, а сроки их существования определялись сроком исполнения подрядных работ.

Итак, принципы сложения артелей, работавших на частных заказчиков по подрядам, полученным в Москве в первые десятилетия XVIII в., были весьма разнообразны. Союзы могли быть однородны по составу, включая людей одного сословия, живших по соседству и даже являвшихся родней; в ряде случаев они формировались вокруг такого «гомогенного» ядра, к которому присоединяли подходящих по квалификации и другим параметрам мастеров, невзирая на социальный статус и место жительства; временные структуры возникали иногда из нескольких своего рода модулей по два—три человека, соединявшихся в том или ином варианте под определенный заказ; подряд могла получить и очень пестрая по составу команда ничем не связанных, судя по документу, между собой людей.

В результате проведенных на основании ряда контрактов наблюдений представляется более реальным процесс формирования артелей не на местах, в провинции (хотя в отдельных случаях часть артели могла появиться в Москве именно в том составе, в котором затем входила в коллектив при снятии подряда), а при получении заказа в Москве. Таким образом, возникавшие объединения носили временный характер. Во всяком случае,

примеров устойчивых образований, т. е. союзов, которые в одном и том же составе получали больше одного заказа, в договорах, заключенных и зарегистрированных в Москве, не встречается. Иными словами, артели деревенских мастеров, которые «бродили повсюду, идя на приглашения различных нанимателей построить то или иное серьезное здание» [137], вероятно, и появлялись в Москве, но, отработав заказ, распадались. Возможно также, что часть из них уходила на поиск работы в другие места.

Подсчет квалифицированных работников по подрядным, заключенным и зарегистрированным в первой четверти XVIII в. и посвященным частному строительству из дерева, дал цифру — 344 человека. В нее включены все мастера, названные в документах поименно, и безымянные члены артелей. Из них известны имена 246 человек, указано место жительства и сословная принадлежность 222 человек.

Подавляющее большинство, 184 человека из 222 (83%) составляли крестьяне, в том числе частновладельческие (89 человек), монастырские (60), дворцовые (24), патриаршие и синодальные (6) и проч.

Регионально наиболее полно представлен Галицкий уезд — 78 человек, это, главным образом, частновладельческие (63 человека, в том числе владельцев Перелешиных — 9, Полибиных — 7, Черкасских — 4) и монастырские крестьяне (11 человек из владений Успенского Пасисиева монастыря и др.). Присутствуют также крестьяне Ярославского (17 человек, из них 8 из Спасского Ярославского монастыря), Московского (10), Костромского (10), Олонецкого (9), Вологодского, Владимирского, Дмитровского, Кашинского, Переславль-Залесского, Ростовского, Суздальского, Юрьевского и некоторых других уездов [138].

Городские жители (36 человек — 16%) — главным образом москвичи: тяглецы московских слобод (30 человек), представители служилого сословия — сторожа Сытного дворца (2), токарного дела мастер (Иван Гаврилов, строивший церковь Воскресения Христова в Черногололье), столяр Оружейной палаты, два человека — представители посадов других городов.

Приведенные подсчеты численности и состава квалифицированной рабочей силы, несмотря на определенные поправки, которые вызваны отсутствием в ряде договоров точного числа участников, тем не менее дают реальные представления об участниках строительного процесса, происходившего по инициативе частных заказчиков [139].

Одна из особенностей частной строительной практики, отмеченная ранее, заключалась в том, что заказ даже на такие крупные работы, как сооружение хором или церкви, не требовал, как правило, для его реализации решения больших и сложных архитектурно-строительных и организационно-хозяйственных задач, вложения солидных денежных средств для привлечения значительного числа специалистов разного профиля, подсобных работников, для заготовки и поставки стройматериалов. Немаловажную роль в рассматриваемое время играло и то обстоятельство,

ство, что происходило общее сокращение масштабов и уменьшение роли деревянного строительства в жизни столичного дворянства.

Тем не менее потребитель в лице заказчика в отдельных случаях предпочитал иметь дело не с коллективом мастеров, а с организатором работ, который освобождал его, частично или целиком, от решения задач, связанных с сооружением здания (в рассматриваемом комплексе документов таких сделок, как уже указывалось выше, удалось выделить порядка 18).

Особо оговорим, что речь идет о подрядчиках, характер деятельности которых носил в той или иной мере предпринимательский характер, и документ называл их таким образом не только по той причине, что они подражались на работу.

Одним из наиболее существенных обязательств по договору, выполнение которого мог брать на себя подрядчик, заключивший контракт с заказчиком, являлось обеспечение мастеров для строительства. Механизм привлечения квалифицированных специалистов раскрывают договоры на работы в селе Бегичеве Московского уезда думного дьяка А. И. Иванова. Крестьяне деревни Замошки Антонской волости дворцового Никольского погоста Олонецкого уезда Т. В. Сканцов и деревни Волховской того же погоста и уезда С. Фефилов подрядились 24 марта 1701 г. у А. Иванова «срубить пять светлиц в одной связи и иныя хоромы», а два дня спустя, 26 марта, они наняли на те же работы от себя артель, состоящую из шести человек с К. Федоровым во главе, причем в записи сказано: «и им, Кирилу [Федорову] с товарищи, с ними, подрядчиками, [Фефиловым и Сидоровым] делать вместе против той подрядной записи» [140]. Известно, что заказчик по условиям подрядной выплачивал Сканцову и Фефилову тридцать рублей и продуктовый запас, они же, в свою очередь, привлекая через субподряд плотников и обязуясь вместе с ними выполнять заказные работы, все же диктовали им свои условия, касающиеся размеров денежных вознаграждений, характера собственного участия в работе и т. п. (документ их не излагает). Роль Фефилова и Сканцова в рассматриваемой системе как будто бы идентична роли артельных старших, однако структура найма изменена — субподряд разорвал связь между потребителем и большей частью непосредственных исполнителей.

Деятельность крестьян деревни Васютино синодальной Сенецкой волости Владимирского уезда С. С. Храмого и М. М. Кузнецова представлена в рассматриваемом корпусе документов несколькими контрактами, которые заслуживают в связи с затронутой темой специального разбора. Впервые имена компаньонов встречаются в 1715 г. при получении подряда из казны на мощение улиц в московской Новонемецкой слободе на участке в 1448 с половиной сажений. В течение 1723 года С. Храмому и М. Кузнецову удалось получить три заказа — 21 марта они с товарищами взялись возвести на московском дворе князя А. И. Шаховского на Знаменке на палатах «новую крышку с переломом и покрыть гонтом»; предполагая закон-

чить работы к маю, они уже 8 мая получили новый заказ от вдовы полковника М. И. Нащокина Аграфены Ивановны — с обязательством починить к июлю месяцу своды и стены палат на ее московском дворе в Белом городе, а также переделать кровли. 11 сентября того же года они в компании с бывшим сторожем Сытного дворца И. К. Путиловым получили подряд на строительство обруба к Москве-реке против двора дьяка Счетной канторы Военной коллегии Г. Т. Зыкова в Средних Садовниках [141].

Как видно, С. Храмой и М. Кузнецов были широко востребованы на рынке строительных заказов, один контракт сменял другой, причем работа по казенному подряду оплачивалась очень высоко — 800 рублей, что, безусловно, свидетельствовало о значительных возможностях и деловом размахе подрядчиков. Довольно значительна была оплата и по частным заказам — 160 рублей у А. И. Нащокиной, 220 рублей у Г. Т. Зыкова. Они использовали своих мастеров для исполнения плотницкой, каменной и кузнечной работы, своих рабочих людей на подсобных работах, а при мощении улиц даже своих извозчиков, сами поставляли деревянные припасы, известь и песок, а на работах у Г. Т. Зыкова еще и хрящ, дикий камень, фашины, получив на это все подрядные деньги в задаток, хотя при производстве работ у А. И. Нащокиной кирпич и железо обеспечивала заказчица. Имея возможность получать явно выгодные масштабные заказы, С. Храмой и М. Кузнецов не отказывались и от коллективного подряда, как, например, на работы у А. И. Шаховского, которые производили из материалов заказчика за скромную в сравнении с другими контрактами плату — 43 рубля (заметим, обстоятельство, свидетельствовавшее о том, что они являлись не только деловыми партнерами, но и квалифицированными мастерами) [142].

Анализ нескольких контрактов, полученных одними и теми же специалистами, но на разных условиях, позволяет сделать некоторые заключения. В строительном деле в рассматриваемое время существовали подрядчики, которые брались за заказы самого разного профиля — благоустройство города, кровельные работы, причем не только из дерева, но и из камня. При реализации больших разнохарактерных работ от них требовалось решение значительных организационно-хозяйственных задач, что скорее всего исключало личное участие в работе — их деятельность принимала предпринимательскую окраску, а применявшееся к ним в документах слово «подрядчик» обретало социально-экономическое наполнение. Вместе с тем профессиональные возможности строительного мастера, при отсутствии более выгодных заказов, могли быть реализованы в коллективе, созданном на артельных началах. Особый интерес записей, приведенных в связи с деятельностью Храмого и Кузнецова, заключается в том, что они раскрывают особенности применявшихся в то время деловых контактов заказчиков и мастеров строительных специальностей, которые имели большое разнообразие.

К числу крупных подрядчиков, которые встречаются в договорах, связанных с частным деревянным строительством, относится кадашевец Иван Трофимов Суслов, известный также своими большими сделками на строительные работы из камня. В 1718 г. он взялся за кровельные работы на Троицком Богоявленском подворье в Московском Кремле [143] и обязался исполнить заказ, обеспечив строительство плотниками и стройматериалами, в том числе самым дорогостоящим — железом.

Организацию работ на строительстве церкви в Шакурской волости Владимирского уезда по заказу стряпчего Г. Балакирева крестьянином деревни Беззубово дворцовой Гуслицкой волости Ф. Я. Хвалой упомянем здесь лишь в той связи, что он, как записано в договоре, использовал «своих работных людей».

Выполнение заказа требовало от подрядчика не только определенных знаний, опыта и сноровки: он составлял сметы на мастеров и работных людей, рассчитывал объемы и ассортимент стройматериалов, нанимал рабочие артели и осуществлял закупки на рынке; возможно, участвовал в предприятии собственными денежными вложениями.

Отдельно рассмотрим организационные особенности, существовавшие в особом направлении частного строительства — создании мельничного завода. Уже упоминалось, что такие договоры обычно заключали один-два, редко три человека, при этом набор контрагентских обязательств по сделке не был стандартным. Например, монастырский крестьянин Московского уезда Яков Давыдов, заключивший договор на строительство мельницы на два постава в переславль-залесской вотчине князя Василия Петровича Хованского, брался обеспечить стройматериалами и содержать плотников и работных людей, выполнять не только квалифицированные, но и подсобные работы, в частности, подвоз земли и т. п., изготовить и закупить «припасы» (стройматериалы), т. е. решить самостоятельно весь комплекс хозяйственных проблем. На сходных условиях заключил договор монастырский крестьянин И. С. Юрдаков с боярыней М. С. Нарышкиной. На свои деньги и с использованием своих работников вел работы в сельце Маркове на реке Лашаутке и частновладельческий крестьянин Федор Иванов, однако особенностью сделки, заключенной им с Ф. Чемодановым, явилось то, что задачу возведения всех подсобных хозяйственных построек приходилось решать самому заказчику [144].

При производстве работ в условиях вотчинного хозяйства в целях удобства и экономии на неквалифицированных работах, в частности, подвозе леса, мог быть использован труд собственных крестьян заказчика, как это встречается в договорах Д. С. Ивашкина и А. Вешнякова [145].

Различия в условиях сделок позволяют предположить, что круг специалистов, приглашаемых на исполнение такого рода заказов, был неоднородным, т. е. в ряде случаев за дело брался специалист-строитель,

в других — подрядчик — организатор завода, возможен вариант усовершенствования производства откупщиком, получившим завод в аренду.

В целом нельзя не отметить, что в рассматриваемое время в частном деревянном строительстве фигура предпринимателя — организатора работ — встречается лишь в Москве на крупных работах, финансирующихся из казны, по частным заказам крупные подрядчики практически не работали.

Контрагентские отношения, возникавшие в связи с частным строительным заказом, регламентировали, помимо упомянутых, целый ряд позиций подрядного договора.

В перечень обязательств, которые брала на себя нанимавшаяся сторона, входило исполнение заказа на определенном техническом и художественном уровне: «делать... плотничьим добрым мастерством» (заказ И. А. Раевского), «все что прилично сделать» (договор на возведение церкви с колокольней по заказу С. Жданова). Обращает на себя внимание условие, поставленное строителю мельничного завода в Луховицкой вотчине князя В. П. Хованского: плотина должна перекрыть реку таким образом, чтобы вновь построенная мельница работала на полную мощность — «на все три постава», — а вода из русла реки при этом не наносила ущерба угодьям помещиков, располагавшимся выше по течению.

Исполнители работ давали гарантии по заказу: в частности, обруб, сделанный в Москве у двора Г. Т. Зыкова, подрядчики должны были чинить в случае повреждения «от полой воды» за свои деньги. Трехлетнюю гарантию дал Г. Ф. Толпега на построенную им плотину у Серебрового проезда в селе Измайлове.

Стандартное требование заказчика выполнить работы к определенному сроку могло быть обусловлено как сезонным характером строительного процесса (сделки, связанные с возведением жилища или церкви из дерева, обычно совершались весной, а окончание их действия приходилось на конец лета — осень), так и тем, что на смену строителям приходили мастера другого профиля. Например, плотники, взявшиеся в марте 1703 г. строить хоромы князя В. В. Жирово-Засекина, должны были передать их в сентябре месяце кровельщикам, а мастера, осуществлявшие хоромное строение в селе Пескине Н. Кормилицына, обязывались договором поставить его «в отделку» в течение 1702 г., кровельные же работы выполняли специализировавшиеся на этом деле мастера в следующем году [146]. Заказчики на строительство Вознесенской церкви в селе Чепчугове Вяземского уезда и селе Носове Звенигородского уезда параллельно заключили договоры и с мастерами иконостасных работ, и с иконописцами.

Одним из средств, гарантировавших в определенной степени исполнение заказа в срок и способствовавших удержанию нанятой рабочей силы заказчиком, служила неустойка. В рассматриваемом комплексе до-

кументов выплата неустойки оговаривалась в 20 контрактах, заметим, заключенных только в 1701–1703 гг.

Размеры неустойки не стояли в прямой и исключительной зависимости от пены сделки. Заказчик, естественно, хотел получить в случае невыполнения договора компенсацию своих потерь, т. е. «убытки свои сполна», как оговорено в контракте Б. И. Куракина с пятью плотниками, подрядившимися в его вотчине сельце Давыдкове Московского уезда сооружать комплекс хозяйственных построек [147]. Вероятно, речь шла не только о возвращении двадцати рублей денег и продуктового запаса, который мастера получали по контракту, но и о компенсации прочих издержек, связанных с невыполнением запланированных работ. Майор В. А. Рыкмон [148] в сделке с плотниками на хоромное строение конкретизирует размеры компенсации — «данные деньги [51 рубль] и с убытки», то же условие было поставлено мастеру Оружейной палаты Корнею Ларионову, производившему столярную и резную работу на московском дворе князя Б. И. Прозоровского.

Практически в два раза неустойка (100 рублей) превышала сумму подряда (45 рублей) на строительство церкви в селе Выдубове Клепчинской волости Вяземского уезда, «за неустойку рядные деньги вдвое» хотел получить дьяк Н. Н. Кормилицын, строивший хоромы в своем сельце Пескине Боровского уезда, а стольник Г. П. Кормилицын за предназначенные к выплата подрядчикам и плотникам, работавшим на его загородном дворе, тридцать рублей назначал компенсацию в 50 (некоторые коррективы в цифрах давал не определенный в денежном выражении продуктовый запас).

В ряде случаев неустойка соответствовала примерно той сумме, которую выплачивал заказчик мастерам по договору: за 33 рубля и продуктовый запас, который получали строители хором в вотчине думного дьяка А. И. Иванова, они должны были в случае неисполнения обязательств отдать 50 рублей, а за 18 рублей с запасом строители церкви в деревне Вешняково Алексинского уезда М. Л. Колосовой — тридцать рублей [149].

В целом размер неустойки определяли такие факторы, как место того или иного заказа в общей строительной программе заказчика, в которой могли быть задействованы артели и мастера разного профиля, осуществлявшие определенные циклы в закономерной последовательности и жесткие сроки. Немаловажным фактором являлась роль определенного владения в жизни заказчика, а также степень заинтересованности в конкретном коллективе или мастере.

Таким образом, наиболее часто встречающаяся в записях неустойка — это сумма, превышающая в полтора-два раза расходы заказчика, или равная денежной сумме, выплаченной исполнителям.

Помимо финансового, существовал другой инструмент, обеспечивавший нанимателю гарантии по договору, — круговая порука — взаимное поручительство, встречающееся во всякого рода коллективах, объединяв-

шихся на началах товарищества. Наличие круговой поруки в артели плотников фиксировали в документах. Круговая порука способствовала созданию условий, предусматривающих и ответственность всех членов друг перед другом [150]. Однако чаще всего гарантами по договору выступали поручители со стороны, каждый из которых ручался за одного или нескольких членов коллектива, давая в записи в соответствии с указами свои имена, сословность, место жительства [151]. В таких случаях финансовое обязательство, которое накладывал договор на мастеров, при нарушении условий сделки и отсутствии ответчиков ложилось на поручителей [152].

Финансовые обязательства заказчика сводились к денежным и продуктовым выплатам подрядчикам и наемным работникам за выполненный заказ, которые были поставлены в зависимость от исполнения условий контракта. Сам заказчик нес материальную ответственность за бесперебойную работу артели: князь В. В. Жирово-Засекин должен был по условиям договора выплачивать за прогульные по его вине дни каждому из 12 членов артели, взявшейся построить в его сельце Толмачеве Коломенского уезда хоромы, по 10 денег в день, т. е. примерную стоимость рабочего дня плотника [153].

Продуктовая форма оплаты, так называемый «столовый запас», имела, наряду с денежной, в 29 контрактах (т. е. в трети договоров, связанных с деревянным строительством), причем оплата продуктами вытеснялась денежной компенсацией — большинство сделок, 24, приходилось на первые годы XVIII в. Ассортимент в каждом конкретном подряде имел определенное своеобразие, хотя он довольно полно представлен в договоре стольника князя В. В. Жирово-Засекина с артелью из 12 человек, — 10 четвертей ржаной муки, четверть ржаного солода, столько же гречневых и просяных круп, осьмина гороха, 10 пудов ветчины, 3 — коровьего сала, пуд масла, столько же соли и 6 ведер вина. Известно, что мастера работали с 26 октября до Сырной недели. Состав продуктов в записи порой не расшифровывался — в договоре мог быть указан лишь общий объем продуктов или, как в подрядной на строительство церкви Святой Троицы с приделом Николая Чудотворца в селе Лужках Серпуховского уезда, вотчине стольника К. А. Шишкина, сказано — «у того дела будучи пить и есть хозяйское».

Дважды записи конкретизируют сумму, которая отводилась на продукты. В договоре на строительство церкви в подмосковном сельце Спиrove стольника А. М. Апраксина она составляла 10 рублей (денежная оплата равнялась 20 рублям), а в записи на кровельные работы на московском дворе князя А. И. Шаховского — 14 рублей (денежная сумма подряда — 29 рублей), т. е. в обоих случаях треть заработка выдавалась продуктами и две трети деньгами.

Приведем попутно расценки на строительные работы, существовавшие на рынке частных заказов в начале XVIII в. Работы, связанные

с хоромным строением, оценивались в пределах от 20 до 50 рублей; исключительно высока цена строительных работ в селе Медведкове боярина Л. К. Нарышкина — 150 рублей. Цена подряда на церковную постройку в договорах колебалась в среднем от 18–20 рублей плюс продуктовый запас до 60 рублей, хотя иногда поднималась и до 70 рублей с запасом — строительство церкви в Шакурской волости Владимирского уезда по заказу стряпчего Г. Балакирева, и до 90 рублей с запасом — в селе Климовском Кашинского уезда князя П. А. Засекина, и даже до 110 рублей — в дворцовом селе Черноголовье. Отсутствие в записях подробных описаний работ, сведений о порядке закупок стройматериалов и привлечения основной и подсобной рабочей силы — причины, по которым детальный анализ вопроса на основании имеющихся материалов невозможен.

Заказчик выплачивал деньги порциями. Первая — задаток (он шел на оплату мастеров и закупку стройматериалов) — выдавался исполнителям до начала работ (присутствует менее, чем в трети договоров), в большинстве случаев сумма равнялась 6–10 рублям, независимо от общей стоимости заказа. Исключение составляет договор кадашевца И. Т. Сулова, взявшегося за кровельные работы на Троицком Богоявленском подворье в Кремле, он получал заранее 100 рублей из 180 рядных, а С. Храмой и М. Кузнецов затребовали у заказчика наперед все рядные деньги, поскольку они занимались наймом работников и закупкой стройматериалов.

Последующие выдачи денег и продуктов происходили в процессе выполнения работ и определялись в записях довольно расплывчато — «по делу смотря» или «запас иметь... смотря как понадобится». В некоторых документах этапы финансовых расчетов конкретизированы: известно, что из подрядных 30 рублей, причитавшихся строителю мельницы в вотчине А. М. Вешнякова, 10 выплачивали «как поставят амбар и постелят спуски, и старую плотину дорубят», 10 — по окончании строительства плотины, оставшуюся сумму — после полного завершения всех работ. Иногда, как, например, в договоре Н. Кормилицына на строительство хором в провинции, все деньги поделили на две порции, из которых первая, 10 рублей, была выдана в задаток, а «достальные [29 рублей] взять, как тое строение в отделке поставят». Обычно окончательный расчет производился по завершении всех подрядных работ.

Обязанностью заказчика при артельном найме мастеров являлась заготовка лесных припасов: из дерева заказчика строили хоромы И. А. Равевского, И. И. Головина, Н. Кормилицына, П. Воейкова, С. Челищца и др. [154].

Не раз отмечавшаяся особенность большинства подрядных записей первых десятилетий XVIII в. — их краткость — относится и к определению предмета сделки, который чаще всего формулировался: «построить деревянные хоромы» или «хоромное строение», «срубить деревянную церковь».

Естественно, что особый интерес вызывают записи, содержащие сведения о планировке, размерах, конструктивных особенностях, отделке конкретных зданий, тем более что деревянные постройки начала XVIII в. в рассматриваемом регионе практически не сохранились, сведений о них в источниках и литературе немного. Приведем несколько более или менее подробных описаний хоромного строения, возводившегося в первой четверти XVIII в. в усадебных владениях частных заказчиков.

Жилой комплекс в селе Зайкине Тульского уезда, вотчине А. К. Хрущова, включал две «большие» горницы, размером по четыре с половиной сажени каждая, и пять комнаток, высотой «от полу да потолку» в четыре аршина. Они располагались в верхнем, горнем ярусе, стоявшем на нижнем ярусе подклетья, где традиционно устраивали помещения, называемые клетки и хоромы [155]. Помимо жилых помещений, в хорамах А. Хрущова имелись «большие» сени и двое проходных между комнатками [156]. Крыли хоромы «одною крышкою шетром» — весьма распространенный тогда конструктивный прием, на крыше прорезали восемь окошек. Входы в хоромы А. Хрущова венчали рубленые «четвероугольные» рундуки, которые придавали особую живописность силуэту русских деревянных построек. На «передней» стене размещались балясы. Здание возводили по чертежу, в котором, в частности, было указано количество окон и дверей в горницах и комнатках. Окна играли большую роль во внешнем «уборе», их размеры, количество и расположение имели не только функциональное значение, но являлись важнейшими элементами в формировании облика здания. Не случайно в договоре А. Хрущова даны особые предписания — «акошки рубить... против обрасца, что за Тверскими вороты у Белого города на дворе Ивана Нащокина».

О значении, которое порой заказчик придавал окнам, свидетельствует договор князя Б. И. Прозоровского на изготовление в столовую палату «налишника столярного и з резьбою», причем эту, а также «и иную столярную работу» исполнял столяр Оружейной палаты Корней Ларионов (в том же 1701 г. он изготавливал иконостас в церковь Иоанна Предтечи на Ленивом торжке и назван в договоре резных дел мастером), а размер оплаты, 50 рублей, был сравним с величиной вознаграждения за сооружение целого здания.

Довольно подробно представлены в подрядной хормы, строившиеся в деревне Котешеве капитана И. Н. Арсеньева в Алексинском уезде: они включали две горницы и спальню, высотой, как и у А. Хрущева, в четыре аршина, помещения соединяли «большие» сени и «проходные», в которых делали рубленый чулан и два нужника. Перед «большими» сенями располагался «крылец з шатром» [157]. О высоте верхней площадки крыльца, а значит, и пола в доме свидетельствует так называемый «поземный порог». У И. Арсеньева он располагался на третьем венце сруба, у И. А. Раевского — в четвертом, что при учете размеров используемых

в строительстве бревен не менее 25–50 см в диаметре, составляло порядка метра. Хоромы И. Арсеньева имели одиннадцать «красных» окошек [158] высотой в два аршина.

Как известно, особенностью «жилого размещения» богатого человека было то, что «для каждой статьи его бытового обихода... ставилась особая клеть или особая связь клетей, смотря по широте потребностей» [159]. Размеры дома и, следовательно, количество отдельных помещений зависели от общественного и финансового положения заказчика, от того места, которое то или иное владение занимало в его хозяйственной жизни. И. А. Раевский в деревни Мышенках Каширского уезда заказал срубить хоромы, включавшие три светлицы, две комнатки, двое сеней, а также «две светлички брушения» на рундуках. «Мера той всей связи длина маховых двенадцать сажен, ширина восемь сажен, а крыть те хоромы тесом с обломом» [160]. Стены предписывалось вытесать и выскоблить. Хоромы имели 10 дверей, 21 «красное» окошко и лавки в двух светлицах и сенях [161].

Комплекс построек на загородном дворе И. И. Головина под Новодевичьим монастырем в приходе церкви Саввы Стратилата состоял из восьми жилых комнат, поварни и проходных сеней. В хоромах имелось четыре рундука, четыре нужника, а также тридцать окон «с косяками и ставнями» и «косячатые» двери. Все строение было покрыто гонтом, стены обтесаны «в скобель» и оформлены «с обе стороны» балясами [162].

Документ, посвященный сооружению светлиц с сенями в селе Васильевское, коломенской вотчине поручика И. Е. Алымова, описывает строительный процесс следующим образом: «срубить в стубы и поставить на месте», помимо этого, «старых ево хором двойную переставить на иное место, где он, Иоакимф, прикажет» [163].

Договоры с описанием особенностей церковных зданий единичны. Церковь в годмосковном селе Спиrowe, вотчине стольника А. М. Апраксина, строившаяся в 1719 г. по образцу каменной церкви в селе Никольском, представляла собой в плане четверик, длиной в три сажени, к которому с одной стороны примыкал алтарь шести аршин с четвертью, с другой — трапезная в три с половиной сажени. Храм имел ярусную композицию: высота четверика от пола до восьмерика равнялась восьми аршинам, восьмерик от четверика до свода имел шесть аршин, «вышина до потолка» в своде, «по каменному круглому», составляла аршин. Высота в алтаре и трапезной — пять аршин. Колокольню, «круглую в шестерик», с «осмеричной» шей и круглой главой строили над западным рундуком дверей трапезной. Стены церкви, алтаря, трапезной и колокольни следовало «тесать в брус с оби стороны, чтоб годилась росписать по каменному». Покрыть церковь, алтарь и трапезную предписывалось тесом в виде гонгов, а главы церкви и колокольни — «обить чешую», т. е. мелкими деревянными пластинами [164].

Храм с алтарем, трапезной и колокольной в вотчине С. Жданова, селе Василисине Одоевского уезда, также имел ярусную композицию — на четверике восьмерик и «шея осьмериком же». Главу церкви, как и в подмосковных селах Спинове и Еснинове, вотчине Ф. А. Хитрово, предписывалось обить «чешуею».

«Брусную» крестообразную в плане церковь строили в вотчине майора С. Челищева. Храм села Покровского Козельского уезда, принадлежавшего графу Е. И. Мусину-Пушкину [165], также представлял собой клеть с прирубам [166].

В целом постройки, описанные в подрядах с большей или меньшей подробностью, соответствовали основным выработанным типам деревянных хором и церковей XVII и начала XVIII вв., отличаясь в то же время друг от друга определенным своеобразием в планировке и отделке.

При производстве работ плотники руководствовались полученными от заказчика документами: росписями с детальным описанием всех работ, чертежами, которые встречены в семи контрактах и по которым строились, помимо упомянутых, хоромы стольника А. И. Зиновьева в Брянском уезде и стольника А. Ф. Давыдова в селе Хварове Воротынского уезда, церковь в селе Гевенове Костромского уезда стольника В. Жадовского и в селе Чепчугове Вяземского уезда дьяка П. Иванова.

Образцами, используемыми в вотчинном строительстве, часто становились московские постройки или понравившиеся заказчику здания, располагавшиеся в соседних селах. Церковь дворцового села Рождественна в Переславль-Залесском уезде строили по образцу церкви в селе Андреевском того же уезда, а церковь Алексея Митрополита в селе Дубках (Терешкова слобода) в Зубцовском уезде — «против» церкви Илии пророка в городе Старице. В последнем случае уточнялась лишь «мера трапезы... по четыре сажени», наличие «з дву сторон паперти» и высота поземного порога — на пятом венце [167]. Важнее прочих рекомендаций нередко бывали непосредственные указания заказчика — «делать... как он, князь, прикажет».

Итак, публикуемый новый корпус документов — подрядных записей — дает возможность заключить, что в первой четверти XVIII в. дерево продолжали использовать в качестве строительного материала на работах в провинции и Москве. Основными заказчиками были представители дворянского сословия, в сельских усадьбах которых возникали в это время новые церкви, хоромы, хозяйственные комплексы. Контингент мастеров составляли, главным образом, частновладельческие и монастырские крестьяне Галицкого уезда, хотя встречаются и городские жители, преимущественно тяглецы московских слобод.

Система, в соответствии с которой заказ брали либо артельная организация, либо подрядчик, единолично или с компаньонами, располагающий денежными средствами, сам вышедший из рабочей среды, получила

четкие очертания уже в XVII в. [168]. В начале XVIII в. традиции предыдущих веков в гораздо большей степени удерживались в деревянном зодчестве, чем в каменном, что позволяло сохраняться артельной форме найма в качестве основной при привлечении плотников к строительным работам, посредством коллективных договоров. Наиболее распространенным способом формирования плотницкой артели являлось объединение крестьян, пришедших из одних мест и частично связанных родством, хотя нередко такие союзы были разнородными и даже пестрыми по составу. Коллективы обычно создавались под конкретный заказ в Москве и носили временный характер, период их существования определялся сроком договора. К выполнению крупных по объему работ и оплате контрактов заказчики привлекали подрядчиков, от которых требовался не только отказ от непосредственного и постоянного участия в работе, концентрация исключительно на организации производства, но иногда и вложение личных капиталов. Хотя в деревянном зодчестве это явление носило зачаточный характер: подрядчикам, работавшим с большими заказами, нередко приходилось братья за средние и мелкие сделки, порой на артельных началах.

Примечания*

1. См.: *Сытин П. В.* История планировки и застройки Москвы. Т. I. М., 1950. С. 187, 198, 200.
2. ПСЗ. Т. 2. № 892, 1133, 1314; Т. 4. № 1825, 2534, 2552, 2591.
3. Там же. Т. 2. № 892.
4. Там же. Т. 2. № 1133, 1314; Т. 4. № 1825, 2548, 2552.
5. Там же. Т. 4. № 1963.
6. Там же. Т. 4. № 2051, 2232, 2265, 2306.
7. Там же. № 2531, 2548.
8. Там же. № 2051 и др.
9. Там же. Т. 5. № 2848.
10. См.: *Сытина Т. М.* Русское архитектурное законодательство первой четверти XVIII века // АН. 1969. № 18. С. 71; *Николаева М. В.* К вопросу о частном строительстве в Москве в конце XVII – первой четверти XVIII в.: подрядная форма организации работ // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994. С. 168–172.
11. ПСЗ. Т. 5. № 3147.
12. Там же. Т. 6. № 4047.
13. См.: *Дневник камер-юнкера Берхгольца*, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721-го по 1725-й год. Ч. II. М., 1861. С. 136.
14. № 166, 179, 180, 181.
15. № 325, 331.
16. Шипец — шипцовый фронтон — двускатный верх стены, переходящий без выступов в ее основную плоскость; шпренгель — вытянутая по горизонтали дополнительная усиливающая конструкция, трапециевидной или многоугольной формы (См.: *Плужников В. И.* Термины российского архитектурного наследия. М., 1995. С. 140, 138).
17. № 285, 297, 318, 360.
18. Собранные на добровольные мирские расходы деньги, предназначавшиеся в том числе для удовлетворения культурных потребностей посадского населения, шли и на строительство, отделку храмов (См.: *Кизеветтер А. А.* Посадская община в России XVIII ст. М., 1903. С. 550.)
19. ПСЗ. Т. 6. № 4047.
20. Там же. Т. 2. № 892, 1133; Т. 4. № 1963, 2051, 2548; Т. 5. № 3147.
21. № 435.
22. ПСЗ. Т. 4. № 2052, 2072, 2225; Т. 5. № 3147; Т. 6. № 4017; Т. 5. № 3147; № 497, 513, 520.

* Номера публикуемых документов даны в примечаниях полужирным шрифтом.

23. См.: История Москвы. Т. 2. М., 1953. С. 137.
24. Подряд на строительство палат в Москве и колокольни в подмосковном селе Рождествене Стрешневых учтен один раз по Москве. Условно включена в эту группу документов подрядная 1702 г., посвященная найму мастеров крестьянином Яковлевской слободы Ярославского уезда, вотчины генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева, И. Емельянова, которым предписывалось разобрать «пятеры своды, три стены» — к сожалению, не известно, где именно (№ 185).
25. № 280.
26. № 170, 184.
27. См.: Памятники архитектуры Московской области. Т. 1. М., 1975. С. 86.
28. См.: *Тиц А. А.* Чертеж в русской строительной практике XVII в. // Древнерусское искусство. XVII век. М., 1964. С. 230.
29. См.: *Бусева-Давыдова И. Л.* Царские усадьбы XVII в. и их место в истории русской архитектуры // Архитектура русской усадьбы М., 1998; *Она же.* О роли заказчика в организации строительного процесса на Руси в XVII веке // АН. № 36. М., 1988.
30. См.: *Сьтин П. В.* Указ. соч. С. 201.
31. Подстрочные примечания в этом разделе даны на основании следующих публикаций: История родов русского дворянства / Сост. П. Н. Петров. Т. I. М., 1991. С. 282, 340, 405; Т. II. С. 26, 153, 170. (Текст напечатан по изд.: Т. I—II. СПб., 1886.); Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи / Сост. А. А. Бобринский. СПб., 1890. Ч. I. С. 198, 407, 551, 567, 703; Списки титулованным родам и лицам Российской империи. СПб., 1892. С. 45, 59, 114, 124, 129, 130, 159, 176, 184, 191, 268; Русский биографический словарь. СПб., 1903. С. 583—584; Дворянские роды Российской империи / Сост. П. Х. Гребельский и др. СПб., 1993. Т. I.: Князья. С. 114, 146, 149, 152, 183, 190—191, 210, 251, 260, 281, 298, 318, 321; Т. II: Князья. С. 38, 52—53, 61, 67, 170, 185—186, 207, 209; Т. III: Князья. С. 154, 224, 227; *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 48, 86, 87; *Кессельбреннер Г. Л.* Известные дипломаты России. М., 1999. С. 105, 121; *Черников С. В.* Дворянские имения Центрально-Черноземного региона России. Рязань, 2003. С. 102—140, 150.
32. К. С. Бурин в 1679 г. получил назначение в дьяки Казенного приказа, после этого служил во многих приказах, занимаясь одновременно и купеческой деятельностью (см.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954. С. 156). В середине 1690-х гг. создал в компании члена гостиной сотни Н. Аристова чугуноплавильный и железодельный заводы в Романовском уезде (см.: *Голикова Н. Б.* Привилегированные... С. 344).
33. И. Ф. Малявка из Быхова в конце XVII в. был жителем московской Мещанской слободы. Главным занятием его была торговля — он имел лавку в Пушечном ряду, а также ездил с товарами в Польшу (см.: *Голикова Н. Б.* Указ. соч. С. 341, 342).
34. С. Т. Боков — старший из четырех сыновей известного московского купца Тимофея Григорьевича Бокова, входившего в суконную, а затем переведен-

- ного вместе с детьми и внуками в гостиную сотню. Все они вели активную торговлю через Астрахань, доставляя туда на собственных сгругах русские и западноевропейские, а оттуда — восточные товары (см.: *Голикова Н. Б.* Указ. соч. С. 166).
35. Алексей Остафьевич Филатьев принадлежал к известной в XVII—XVIII вв. купеческой фамилии. В корпорацию гостей был записан в 1678 г. из гостинной сотни (см.: *Голикова Н. Б.* Указ. соч. С. 122—123; *Козлова Н. В.* Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы. М., 2002. С. 521).
36. Заводчик Никита Демидов вышел из тульских кузнецов. Искусно приготовленные им образцы ружей понравились Петру I, который сделал его поставщиком оружия для войск во время Северной войны. Он построил сперва завод под Тулой, а затем, в 1702 г., получил казенные верхотурские железные заводы на реке Невье на Урале, которые были устроены еще при Алексее Михайловиче. В 1716—1725 гг. построил еще 4 завода на Урале и один на Оке. К 1725 г. по размаху промышленной деятельности из частных заводчиков Демидовы занимали совершенно исключительное место, им принадлежало восемь заводов, которые могли конкурировать с правительственными (см.: *Очерки истории СССР*. С. 88, 91, 109, 136; *Дворянские роды Российской империи* / Сост. П. Х. Гребельский и др. Т. II. С. 142).
37. См.: *Воронин Н. Н.* Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. М.; Л., 1934. С. 38—39; *Сперанский А. Н.* Очерки по истории приказа каменных дел Московского государства. М., 1930. С. 194; *Заозерский А. И.* Царская вотчина в XVII в. М., 1937. С. 73; *Муравьева Л. Л.* О развитии крестьянского подряда во второй половине XVII в. // *Новое о прошлом нашей страны*. М., 1967. С. 284; *Тихонов Ю. А.* Работа по найму и отход на заработки посадских людей Устюга Великого и крестьян Устюжского уезда в 50—70-х годах XVII в. // *О первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)*. М., 1958. С. 78—79; *Шапиро А. Л.* Крестьянская торговля и крестьянские подряды в петровское время // *Исторические записки*. М., 1948. № 27. С. 211.
38. РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 137. Л. 368 об., 369 и др.
39. № 26, 39, 158.
40. В 1701 г. Ф. А. Шолохов строил каменные палатки на московском дворе тяглеца Голутвенной слободы И. Прокофьева за 30 рублей.
41. № 27, 29, 31, 119.
42. № 219, 228, 239.
43. № 294, 295, 315.
44. № 349.
45. № 371.
46. № 383.
47. № 404.
48. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1033. Л. 105 и др.; № 68, 224.
49. № 385.
50. № 415.
51. № 446.

52. № 431.
53. № 454.
54. № 74.
55. № 84, 137, 152, 168.
56. № 80, 277, 278.
57. № 291.
58. См.: *Воронин Н. Н.* Указ. соч. С. 40.
59. № 409, 410.
60. № 417, 434.
61. В 1713 г. Иван Никитин сын Ослопов строил на московском дворе вдовы князя М. И. Куракина каменные палаты, в том же году — на дворе Ю. А. Ржевского на Никитской улице, тогда же возводил церковь в вотчине Плещеевых сельце Стракове Обоянского уезда и церковь Архангела Михаила в Пафнутьев-Боровском монастыре; в 1714 г. делал каменную церковь с колокольней в селе Тимофеевском Козельского уезда по заказу стольника И. Дурново.
62. № 491.
63. № 311, 321, 337, 342, 384, 479, 616. В 1720 г. И. Лобач, «прибылой подмастерье» Каменной канцелярии, был отправлен в город Почеп к каменному строению.
64. Интересно, что те же Рудаковы, не раз поставлявшие черепицу частным заказчикам, в 1703 г. взяли на подряд кровельные работы на дворе боярина Т. Н. Стрешнева в Москве, однако крыли «черепицею ево, боярскою».
65. № 7, 22, 38, 108, 113, 129, 145, 156, 216.
66. № 350, 375, 393, 396, 406, 448.
67. К. Мымрин работал в 1688 г. на строительстве церкви Иоасафа-царевича и др. (РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 46).
68. Подробнее о составе артелей, принципах их формирования и другом будет сказано в разделе, посвященном деревянному строительству.
69. Хорошо известен случай, связанный с иском боярина П. В. Шереметева, предъявленным крестьянину М. Ю. Татищева из Дмитровского уезда, подрядчику Якову Бухвостову с товарищами, которые в 1695 г. ушли к каменному делу в Переславль-Рязанский, не доделав церковь в селе Спасском Звенигородского уезда (*Ильин М. А.* Зодчий Яков Бухвостов. М., 1959. С. 180–192; см. также: РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Д. 2001. Л. 5). Такого рода условия были огнюдь не лишними и на частном строительстве: церковь, построенная в 1718–1719 гг. по заказу И. А. Щепотева в городе Белеве подрядчиком И. Ф. Банщиком, в 1723 г. обрушилась, «а имянно, глава с нее и своды». Для ремонта в 1724 г. был нанят другой подрядчик, записной каменщик А. Ефимова, в договоре которого с И. А. Щепотевым относительно возможной компенсации затрат заказчика говорилось следующее: если на «срок не достроит и в том каких убытков доставит, и ему, Ивану [Щепотеву], взять на нем рядные денги». Построенное тем же И. Ф. Банщиком палатное строение весной и летом 1713 г. на московском дворе Шафирова, «упало», и подрядчику пришлось в том же году начать восстанавливать повреждения.
70. См.: *Воронин Н. Н.* Указ. соч. С. 36.

71. № 72.
72. См.: Милославский М. Г. Техника каменного зодчества в России в XVI—XVII вв. // Материалы по истории строительной техники. Вып. 1. М., 1961. С. 31.
73. См.: Устюгов Н. В. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве в XVII в. // Исторические записки. № 34. М., 1950. С. 173.
74. РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 108. Л. 138, 344 об. — 345 и др.; Д. 143. Л. 383 и др.
75. № 247.
76. РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 83. Л. 347 и др.; Д. 108. Л. 344 об. — 345 и др.; Д. 143. Л. 383 и др.; Д. 170. Л. 241—241 об. и др.; Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 231—233 об.
77. См.: Милославский М. Г. Указ. соч. С. 33.
78. См.: Материалы по истории СССР. Т. 5. С. 7.
79. № 428.
80. № 413.
81. № 393.
82. № 442, 29 и др.
83. № 393.
84. См.: Коноров А. В. К истории кирпича в России в XI—XX вв. // История строительной техники. М., 1956. С. 200; Воронин Н. Н. Указ соч. С. 95.
85. № 411.
86. № 228, 239.
87. № 106, 110.
88. № 408.
89. № 472.
90. На железных заводах гостиной сотни М. К. Аристова в Романовском уезде (1701), на винокуренном заводе в селе Троицком Тамбовского уезда и в Переславль-Рязанском уезде купца В. З. Полосина (1719, 1722), на игольных и винном заводах в селе Дерюшкине Переславль-Рязанского уезда игольных промышленников П. К. и Я. К. Рюминых (1719—1721); на Угоцких железных заводах в Ярославском уезде иностранцев В. В. и П. В. Меллеров (1724); по заказу купца М. Н. Демидова (1719), купца Д. О. Томилина (1720); управляющего дединовских железных заводов И. В. Милякова (1724).
91. Крух — крошка, лучший разбор, свежего пережига, рассыпчатая, не отсыревшая и не слежавшаяся комьями (см.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 2. С. 204).
92. № 97.
93. См.: Заозерская Е. И. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953. С. 142.
94. Дворцовая Мячковская волость, состоявшая в ведении Приказа каменных дел до 1709 г., затем перешла во владение А. Д. Меншикова (см.: Сперанский А. Н. Указ. соч. С. 152—153).
95. Словарь русского языка XII—XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 224.
96. Ступенной камень тесали во всю толщину ступени (см.: Даль В. И. Указ. соч. С. 349; Милославский М. Г. Указ. соч. С. 11).
97. Словарь русского языка XII—XVII вв. Вып. 1. М., 1975. С. 359.

98. № 84.
99. № 406.
100. № 380.
101. РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 102. Л. 385 об. – 386 и др.; Ф. 296. Д. 1033. Л. 295 и др.
102. См.: *Монгайт А. Л.* Московские изразцы // Архитектурные памятники Москвы XVII–XVIII веков. Новые исследования. М., 1948. С. 72.
103. РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 102. Л. 378 об. и др.
104. См.: *Воронин Н. Н.* Указ. соч. С. 32, 38–39; *Сперанский А. Н.* Указ. соч. С. 194; *Заозерский А. И.* Указ. соч. С. 73; *Тихонов Ю. А.* Указ. соч. С. 78–79.
105. Подряд в конце XVII – начале XVIII вв. довольно широко использовался на строительных работах, финансировавшихся из государственной казны. В Приложении I к данной публикации помещены контракты на ремонтно-строительные работы в дворцовых селах Измайлово, Преображенском, на московских казенных постройках; через подряд строили церкви и колокольни в ряде уездов северной России.
106. Один договор связан со строительством хором стольнику Ф. П. Шанскому в дворцовом селе Преображенском (1702 г.).
107. На своем дворе, распорядившись за Серпуховскими воротами, заказчик хотел перестроить десять изб, к солодовенному заводу добавить ольшаник, две житницы, пивоварню с сараем, сделать сарай с пятью погребями, конюшню, сарай на кареты, сенницу, а «старое строение... перечинить и переставить» (№ 427).
108. См.: *Сытина Т. М.* Указ. соч. С. 71; *Сытин П. В.* Указ. соч. С. 231.
109. Хотя в целом ряде исследований дается классификация артелей, определяется их экономический и юридический склад, подробно разбираются вопросы, связанные с условиями найма и труда ее членов, однако предметом изучения, как правило, являлись промысловые, кредитные, страховые и другие артели самого разного профиля, строительные же характеризуются очень кратко и преимущественно на материале XIX в. (См.: *Калачов Н. В.* Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864; *Исаев А.* Артели в России. Ярославль, 1881; *Русские народные артели // Отечественные записки.* 1874. № 1; *Орлов П. В.* Пришлые рабочие в Москве в XVII в. Киев, 1912. Деятельность артелей в разных отраслях подробно изучены Н. Б. Голиковой и М. Я. Волковым).
110. Как свидетельствуют документы, пишет Н. В. Калачов, название «товарищи» давалось в XIII–XV вв. складчикам, а слово «артель» встречается в первый раз в актах лишь в середине XVII столетия, «зато в том тесном, юридическом значении, которое выражает товарищество равных между собой лиц, согласившихся действовать заодно» (см.: *Калачов Н. В.* Указ. соч. С. 3, 4).
111. См.: *Межов В. И.* Сборник материалов об артелях в России. СПб., 1873. Вып. 1–3. С. 1–2 в предисловии.
112. См.: *Воронин Н. Н.* Указ. соч. С. 38.
113. См.: *Исаев А.* Указ. соч. С. 140–142.
114. См.: *Воронин Н. Н.* Указ. соч. С. 115–116.
115. № 148, 433.
116. № 583.

117. № 165.
118. № 193.
119. № 223.
120. № 66.
121. № 164.
122. № 75.
123. № 397, 603.
124. № 69; см.: Семенова Л. Н. Документы найма рабочих в первой четверти XVIII века // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 489.
125. № 177, 334, 455, 486.
126. См.: Муравьева Л. Л. О значении ленинской оценки «оптовых ремесел» в генезисе русского капитализма // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С. 266.
127. См.: Семенова Л. Н. Указ. соч. С. 481.
128. См.: Воронин Н. Н. С. 38.
129. Указ. соч. С. 37, 115.
130. См.: Волков М. Я., Троицкий С. М. О буржуазном расслоении крестьян и складывании рынка наемной рабочей силы в России в первой половине XVIII в. // История СССР. 1965. № 4. С. 105; Шапиро А. Л. Крестьянские отходы и крестьянский наем в Петровское время // Ленинградский гос. пед. институт им. М. Н. Покровского. Ученые записки. Т. V (исторический факультет). Вып. 1. Л., 1940. С. 42.
131. № 268.
132. См.: Исеев А. Указ. соч. С. 113–114.
133. № 376.
134. № 34.
135. № 512.
136. № 195.
137. См.: Воронин Н. Н. Указ. соч. С. 38.
138. В литературе отмечалось, что массовое обращение к отхожим промыслам, связанным с выполнением работ по плотничному делу, отчетливо проявилось среди крестьян ряда уездов, в том числе Костромского, Ярославского и Галицкого, попавших в число поставщиков строительных рабочих в Москву (см.: Муравьева Л. Л. О значении... С. 266; Федоров В. А. Крестьянин-отходник в Москве // Русский город. М., 1976. Вып. 1. С. 169).
139. Примерно треть подрядных не содержит сведений о сословной принадлежности и месте жительства мастеров; безусловно, определенный процент известных по записям мастеров был занят не на одной, а на ряде частных строек — 19 плотников получали заказы дважды и более число раз, — но попали в число безымянных товарищей.
140. № 43.
141. № 495.
142. № 487.

143. См.: *Воронов А. А.* Богоявленский Троице-Сергиев монастырь в Московском Кремле. Проблемы эволюции планировки и застройки // *Искусство христианского мира*. Вып. 4. М., 2000. С. 56, 70–71.
144. № 377, 176, 260.
145. Необходимо отметить, что при производстве строительных работ по частным заказам труд местных крепостных обычно не использовался. Однако в тех случаях, когда заказчиком выступала община, крестьяне активно принимали участие в строительстве, заготавливая лес, помогали на подсобных работах (см.: *Мильчик М. И.* Северные порядные записи XVII в. на строительство деревянных церквей // *Материалы по истории Европейского Севера СССР*. Вып. 3. Вологда, 1973. С. 405). Широкое использование в принудительном порядке квалифицированного труда собственных крепостных констатирует Л. Л. Муравьева (см.: *Муравьева Л. Л.* О развитии... С. 282).
146. Для сравнения скажем, что плотники, артель из 8 человек, получили за работу 39 рублей, а кровельщики — 22 рубля. Оплата работ по первому и второму договору вполне сопоставима.
147. № 47.
148. Ригеман Вильгельм (Вилим) Андреевич — саксонец или курляндец, в 1698 г. капитан, затем майор Преображенского полка. На его свадьбе в июне 1699 г. присутствовал посол императора Леопольда I И. Х. Гварияхт, бывший тогда в Москве (см.: *Рождение империи: Неизвестный автор. Иоганн Корб. Иван Желябужский. Андрей Матвеев*. М., 1997. С. 150, 238, 481).
149. № 238.
150. См.: *Исаев А.* Указ. соч. С. 191, 197.
151. ПСЗ. Т. 4. № 1732, 2080.
152. См.: *Волков М. Я., Троицкий С. М.* Указ. соч. С. 93.
153. Попутно отметим, что обычно частный договор фиксировал суммарную стоимость заказа, поденная денежная оплата была лишь в подрядах купцов Я. К. Рюмина и Н. Г. Аристова: в первом случае наемщики получали по 1 рублю 10 алтын в месяц (1 договор), во втором — по полтора рубля (6 договоров). Поскольку документы давали точные сроки, которые должен был отработать плотник по договору, то несложно рассчитать, что чаще всего дневная плата составляла порядка 10 денег. Плотничные мастера с середины XVII столетия устойчиво получали по 10 денег, для более дорогих специалистов плата поднималась до 12–14 денег. На поденный корм рабочего подрящик брал от двух до пяти алтын. Плотничья профессия считалась одной из наиболее бедных (см.: *Довнар-Запольский М. В.* Торговля и промышленность Москвы XVI–XVII вв. М., 1910. С. 74).
154. Подрядным способом для строительных работ в Москве и ее окрестностях в начале XVIII в. поставлялись бревна: березовые трех- и четырехсаженной длины, толщиной «в отрубе» от 4 до 9 вершков, бревна еловые от 2,5 до 5 саженей, бруски еловые, тес сосновый, отдельно упомянуты лавочные и косяковые доски, дрань от 2 до 4 саженей длиной. Лес на строительство доставляли обыкновенно водным путем, как, например, в подмосковную вотчину А. П. Салтыкова, куда бревна четырех- и пятисаженной длины, предназначенные для сооружения церкви, сплавлялись по Москве-реке.

155. № 425; см.: *Красовский М. В.* Курс истории русской архитектуры. Деревянное зодчество. Ч. 1. Пг., 1916. С. 63.
156. Соединение клеток или хором в связь происходило посредством сеней — важной конструктивной части русского дома, представлявшей собой крытое пространство между стенами отдельных клеток (см.: *Красовский М. В.* Указ. соч. С. 68).
157. Обычно крыльцо размещалось вдоль бокового южного фасада, причем при наличии «летних» и «зимних» сеней из двух крылец более нарядным было летнее «красное», оно могло примыкать к сеням между «покоевыми» и «непокоевыми» помещениями (см.: *Ащелков А. Е.* Русское деревянное зодчество. М., 1950. С. 32).
158. Окна с рамами и слюдяными вставками (см.: *Красовский М. В.* Указ. соч. 75).
159. См.: *Забелин И. Е.* Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. М., 1900. С. 42.
160. Тесом были покрыты хоромы И. Н. Арсеньева, а также Р. С. Тургенева в сельце Хмелевом в Воротынском уезде, которые, отметим, имели почти такую же длину, как у И. А. Раевского, 11 сажений, и ширину — шесть. Тесом по скале, которую заготавливали из бересты, крыли кровли хором И. Е. Алымова. Материалом для покрытия келий подворья Троицкого Богоявленского монастыря в Кремле служил тес с лубьем, которое заготавливали из липы, причем кельи архимандрита и келаря крыли «в два теса с лубьем», а располагавшиеся у ворот «строительские» кельи — «в один тес с лубьем». Тот же материал использовали при перекрытии палат, церкви и трапезной по заказу князя В. В. Жирово-Засекина.
161. Документ четко оговаривает, что в других светлицах лавок не делать. В доме А. К. Хрущева предписывалось сделать лавки лишь в трех комнатках из пяти, а горницы рубить без лавок. Решение этого вопроса, видимо, определялось предназначением того или иного помещения.
162. Кровли московских домов А. И. Шаховского и А. В. Чебышева также были покрыты гонтом — короткой дранкой. «Гонты» могли быть изготовлены или закуплены в Лесном ряду в Москве у Алексеевской башни (см.: *Устюгов Н. В.* Ремесло... С. 181).
163. № 444.
164. См.: *Забелло С., Иванов В., Максимов П.* Русское деревянное зодчество. М., 1942. С. 19.
165. № 361.
166. Вероятно, эти храмы были подобны церкви Петра и Павла в городе Плесе Костромского уезда, состоявшей из основного сруба, к которому с востока прирублен сруб алтаря, а с запада, в стену трапезы, — квадратный сруб для паперти. Меньшие по размеру по сравнению с основным объемом срубы алтаря и паперти придавали зданию в плане крестообразную форму (см.: *Древности: Труды комиссии по сохранению древних памятников имп. Московского археологического общества / Под ред. И. Машкова.* М., 1907. Т. I. С. 109).
167. № 372.
168. См.: *Довнар-Запольский М. В.* Указ. соч. С. 71–72.